

ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

МИР ЕВРАЗИИ

научный журнал

ИСТОРИЯ
АРХЕОЛОГИЯ
ЭТНОГРАФИЯ

№ 1 АПРЕЛЬ-
ИЮНЬ
2008

МИР ЕВРАЗИИ

Научный журнал. Издается с мая 2008 г. Выходит один раз в три месяца

2008. №1(1) Апрель-июнь

Главный редактор

Н.С. МОДОРОВ — доктор исторических наук, профессор, академик РАГН
(г. Горно-Алтайск)

Первый зам. главного редактора

В.Г. БАБИН — кандидат исторических наук, проректор ГАГУ по научной работе
(г. Горно-Алтайск)

УЧРЕДИТЕЛЬ ЖУРНАЛА

Горно-Алтайский государственный университет

НАУЧНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ю.В. ТАБАКАЕВ (председатель совета) —
доктор философских наук, профессор,
академик РАЕН, ректор ГАГУ
(г. Горно-Алтайск)

А.Н. АЛЕКСЕЕНКО — доктор исторических наук, профессор (г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан)

В.Г. ДАЦЫШЕН — доктор исторических наук профессор (г. Красноярск)

Н.Ф. ИВАНЦОВА — доктор исторических наук, профессор (г. Москва)

А.Б. КАМЕНСКИЙ — доктор исторических наук, профессор (г. Москва)

В.Д. КУБАРЕВ — доктор исторических наук профессор (г. Новосибирск)

О. ЛХАГВА — доктор исторических наук, профессор (г. Улан-Батор)

А.И. МАРТЫНОВ — доктор исторических наук, профессор, академик РАЕН
(г. Кемерово)

В.Я. РУШАНИН — доктор исторических наук, профессор (г. Челябинск)

Л.И. ШЕРСТОВА — доктор исторических наук, профессор (г. Томск)

М.В. ШИЛОВСКИЙ — доктор исторических наук, профессор (г. Новосибирск)

Э.М. ЩАГИН — доктор исторических наук, профессор (г. Москва)

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

М.И. ПАКЛИН (зам. главного редактора)
кандидат исторических наук, доцент
(г. Горно-Алтайск)

А.П. АДЛЫКОВА — кандидат исторических наук (г. Горно-Алтайск)

О.М. ГАНБОЛД — профессор
(г. Ховд, Монголия)

Э.П. ДВОРНИКОВ — кандидат исторических наук (г. Горно-Алтайск)

Д.М. КАРАЧАКОВ — доктор исторических наук, профессор (г. Абакан)

Подписано в печать 20.05.2008. Формат
60x84/8. Усл.печ.л. 11,57. Тираж 500 экз.
Зак. №00

Отпечатано в типографии
Горно-Алтайского университета.

649000, Горно-Алтайск, ул. Ленина, 1-

© Горно-Алтайский государственный
университет, 2008.

Ответственность за аутентичность и точность
цитат, имен, названий и иных сведений, а также
соблюдение законов об интеллектуальной
собственности несут авторы публикуемых
материалов

СОДЕРЖАНИЕ

А.П. Адлыкова. ИЗ ИСТОРИИ ОСНОВАНИЯ ЧУЛЫШМАНСКОГО БЛАГОВЕЩЕНСКОГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ	2
Т.В. Захарова. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ В 30-Е ГГ. XX В.	7
А.В. Летов. К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИИ УСЛОВИЙ ЖИЗНИ И ТРУДА НАСЕЛЕНИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1946—1953 ГГ.)	11
Е.В. Макитрюк. ЭВОЛЮЦИЯ ДЕЙСТВИЙ ЦАРСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ПО ПРИВЕДЕНИЮ В РУССКОЕ ПОДДАНСТВО КОННЫХ ЭВЕНКОВ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА	15
И.А. Новиков. РОЛЬ В.Н. ТАТИЩЕВА И В.И. ГЕННИНА В СТАНОВЛЕНИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ ГОРНОЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА	18
С.В. Селиверстов. АЛАШ И СИБИРЬ В 1918—1919 ГОДАХ: ПОЗИЦИЯ А. БУКЕЙХАНОВА И ТЕНДЕНЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ	22
Е.М. Чедурова. СЕЛЬСКАЯ КООПЕРАЦИЯ И РАЗВИТИЕ АГРАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА	28
Н.А. Шипилова. РОЛЬ КООПЕРАЦИИ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ СТРУКТУРЫ ПРОИЗВОДСТВА И ЕЁ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1906-1917 ГГ.)	30
Э.П. Дворников. АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРЯДОВОЙ ПРАКТИКИ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ ГОРНОГО АЛТАЯ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ	33
Т.В. Анкудинова. СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В Г. УЛАЛЕ (ОЙРОТ-ТУРЕ) В 20-30-Е ГГ. XX В.	35
А.В. Попов. ОБРЕТЕНИЕ ЕДИНСТВА: ЦЕРКОВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВОССОЕДИНЕНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА И РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ЗА ГРАНИЦЕЙ.	37
Д.Н. Гергилев. АДМИНИСТРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ СИБИРЬЮ В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВВ. (ДО РЕВИЗИИ М.М. СПЕРАНСКОГО)	46
Б. Батмуунх. Г.Н. ПОТАНИН И ЕГО РОЛЬ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ МОНГОЛИИ	49
А.А. Заевьялов. СТРОИТЕЛЬСТВО ЧУЙСКОГО КОЛЕСНОГО ТРАКТА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ЧАСТНАЯ ИНИЦИАТИВА	51
Н.С. Модоров, И.Г. Черлояков. ИЗ ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ РУССКИМ ГОСУДАРСТВОМ ПРАВОБЕРЕЖЬЯ БИИ И ПРИТЕЛЕЦКОЙ ЧЕРНИ В XVII — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА	54
Л.Н. Мукаева. ИСТОРИЯ КАМНЕРЕЗНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ АЛТАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX—НАЧАЛЕ XX ВВ.	59
Н.Г. Арыкова. ИЗ ИСТОРИИ ПОДГОТОВКИ КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ КАДРОВ В ГОРНОМ АЛТАЕ В 1930-1941 ГГ.	63
И.А. Рябцева. МИГРАЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ ЖЕНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 20-30-Х ГГ. XX В.	65
Т.Ш. Уметбаев. ПОСЛЕДНЯЯ СТЕПНАЯ ИМПЕРИЯ: ОБРАЗОВАНИЕ, КРИЗИС И РАСПАД	70
РЕЦЕНЗИИ	74
ПОЗДРАВЛЕНИЯ	76
ИНФОРМАЦИЯ	79

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленина, 1, Университет,
редколлегия Журнала «Мир Евразии»,
Тел.: 8 (388-22) 2-62-33. Факс: 8 (388-22) 2-67-35. E-mail: mns@gasu.ru

УДК 902

А.П. Адлыкова

ИЗ ИСТОРИИ ОСНОВАНИЯ ЧУЛЫШМАНСКОГО БЛАГОВЕЩЕНСКОГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ

На основе опубликованных и архивных материалов в статье анализируются отношения органов государственной власти и Алтайской Духовной миссии в процессе основания Чулышманского Благовещенского мужского монастыря.

русское государство, органы власти, миссионеры, аборигены, церковь, духовная миссия, торговый капитал, купцы, христианизация

Преобразования, охватившие нашу страну на исходе XX столетия, пробудили необычайный интерес к отечественной истории. В эпицентре возникшей тяги к ее правдивому познанию оказались многие вопросы нашего бытия, которые надо было переосмыслить и объективно оценить. Не стала исключением в этом плане и интересующая нас тема.

Но, прежде, чем начать разговор по существу, отметим, один момент: как известно, в советской историографии прочно утвердился тезис о том, что Русская Православная церковь во все времена являла собой «орудие колонизаторской и русификаторской политики государства». Появление подобного тезиса применительно к Горному Алтаю связано с именем видного советского историка и этнографа Л. П. Потапова. Рассматривая деятельность Алтайской духовной миссии, в т.ч. и ее монастырей (Чулышманского Благовещенского мужского и Улалинского Николаевского женского), он определил ее (по отношению к местному населению — А.А.) как «колонизаторскую и грабительскую» [1, с. 89]. Это, по утверждавшемуся в отечественной науке мнению, никак не соответствует действительному положению вещей. Данный тезис был ничем иным, как порождением той эпохи, и господствовавшей тогда в стране идеологии. Но, как бы там ни было, он утвердился в отечественной истории и накладывал свой отпечаток на исторические исследования, касавшиеся истории Русской Православной церкви и Алтайской духовной миссии, в частности. Наглядное свидетельство тому — работы видного специалиста по истории Алтайской духовной миссии Н. Ю. Храповой. Наиболее здраво «колонизаторская и захватническая роль монастырей», просматривается в ее статье «Захваты земель Горного Алтая Алтайской духовной миссией в по-реформенный период» [2, с. 34]. Опираясь на, без преувеличения, солидную источниковую базу, она еще глубже развила и обосновала тезис о захватнической, грабительской политике монастырей Алтайской духовной миссии по отношению к местному «инородческому» населению, явившейся, по ее мнению, главной целью их деятельности. Однако такая точка зрения, как нам представляется, является несколько предвзятой и не до конца обоснованной, поскольку автором преувеличена, и весьма существенно, роль политического фактора в деятельности монастырей и миссии в целом.

Кроме того, утверждение о том, что Русская православная Церковь в дореволюционный период была лишь одним из «инструментов колонизаторской политики правительства», тоже представляет-

ся необоснованным. В связи с этим, отметим, что церковь и государство ставили (в большинстве своем) на осваиваемых ими территориях совершенно разные задачи, которые нередко противоречили друг другу. Яркое свидетельство тому — история создания Чулышманского Благовещенского монастыря, к освещению которой мы и приступаем.

Она же (равно как и история «рождения» Улалинского Николаевского женского монастыря — А.А.) тесно связана с именем бийского купца Афанасия Малькова, оказавшего серьезную материальную и моральную поддержку при организации первой женской общины в Улале.

Решив задачу по ее созданию, он «загорается новой идеей» — «завести на Чулышмане мужской монастырь. Увлеченный ею, А.Мальков активно начинает «обрабатывать» местные, а особенно, центральные власти, с «жаром» доказывая им, что в этом, т.е. в «заведении монастыря на Чулышмане, «кровно» заинтересована сама Алтайская миссия. И в подтверждение этого, он неизменно ссылался на записку «состоящего при миссии иеромонаха Саровской пустыни Иоанна», которая была составлена им в 1859 г. и подана обер-прокурору Синода, в которой указывалось, что миссионеры живут порознь, по целому году не общаясь между собой. Поэтому миссии полезно иметь «центральное место, в виде приюта, в коем», по мнению иеромонаха, могли бы найти приют и кров, вновь прибывшие на Алтай миссионеры, «иметь также помощь и пособие на первых порах». Но, главное, — эта «новосозданная обитель» могла бы стать центром, откуда повелась бы противораскольническая деятельность [3, с. 8].

Записка молодого служителя была, как известно, одобрена епископом Томским Парфением, который был крайне заинтересован в учреждении монастыря, поскольку в Томской епархии, увы, не наблюдалось (ввиду отсутствия обителей — А.А.) «расположения людей к монашеской жизни». Действительно, в епархии был всего один монастырь с весьма ограниченным числом монашествующих. Поэтому Синод, всецело разделяя мнение о. Парфения, издал 23 февраля 1859 г. указ, которым предписал ему «избрать место под предполагаемый монастырь», а также «обсудить с гражданским начальством возможность передачи казенных земель создаваемой обители» и просил о. Парфения «представить в Петербург, в самое ближайшее время» все необходимые сведения (проект штата монастыря, планы, расходы и сметы на постройку монастырских зданий и т.д.) [3, с. 10].

К сожалению, высокое повеление, так нужное миссии, епархии в целом, осталось нереализованным: у местных властей средств на постройку обители не нашлось. А поскольку хлопотать о создании монастыря больше было некому, то дело о его «заведении» встало.

И вот тут-то (в 1861 г. — А.А.) и появился Афанасий Мальков — человек незаурядных деловых качеств — и начал хлопотать об открытии на Алтае женской общины и мужского монастыря. Прослыshав еще в Сибири, что инспектор столичной духовной академии, архимандрит Владимир (Петров — А.А.) сочувствует миссионерству вообще, и Алтайской миссии в частности, он обратился к нему за помощью. Тот «великодушно» просителя принял и познакомил его с некоторыми высокопоставленными особами, славившимися своею благотворительностью и сочувствием миссионерскому делу [4, с. 86]. Ободренный такой поддержкой, А. Мальков обращается в июле 1862 г. в Синод с прошением, в котором особо подчеркивает необходимость учреждения при миссии мужского монастыря. При этом он ссылается на «положительное мнение» бывших томских епископов и местное гражданское начальство относительно «заведения мужской обители» [5, с. 9]. Добившись согласия Синода, он обращается в правительство и ходатайствует в ноябре 1862 г. перед ним об «отведении» под монастырь «пустолежащих земель» близ Телецкого озера [6, с. 2]. Надо полагать, не без участия архимандрита Владимира, давно мечтавшего о миссионерской деятельности и занимавшего в то время не последнюю ступень в церковной иерархии (он был ректором Духовной Академии — А.А.), А. Мальков удостаивается «высочайшего приема» и получает согласие императрицы на ее участие в «сем благородном деле» [7, с. 14].

Именно, благодаря столь «высокому участию», дело о «заведении» монастыря стало решаться быстро, даже в таком непростом вопросе, как отвод земель. Реагируя на отношение секретаря императрицы, генерал-губернатор Западной Сибири не замедлил дать «добро» на передачу земель близ Телецкого озера «новоучреждаемому монастырю» [7, с. 15]. «...Имею честь уведомить вас, — докладывал он, менее, чем через месяц, — что мною, 28 мая за №1482, сообщено Г. — министру императорского двора, что уступка испрашиваемой для монастыря местности, по моему мнению, может принести пользу» [7, с. 10].

Высокую поддержку умело использовал А. Мальков. Во всех инстанциях, куда бы он ни обращался, ходатай подробно разъясняет удобство предлагаемого им места для устройства обители. «Место это, — убеждал он чиновников и благотворителей, — соединяет в себе все условия, требуемые целью его назначения, — центральное положение среди инородческого населения, изобилие леса, сенокосных и удобных для хлебопашства пространств, рыбная ловля, уединенность и удаленность его от мест, населенных русскими, что создает удобства для тихой и трудолюбивой монашеской жизни» [7, с. 12].

«Обработав» таким образом лиц, к которым А. Мальков обращался, он просит их как можно

скорее «разрешить дело с заведением монастыря», именуемом им — «Благовещенским пустынно-общежительным», и с устройством при нем помещений для миссионеров, установлением архимандритского настоятельства, назначения настоятеля (по усмотрению Синода — А.А.) и утверждением штатов (не менее 50 чел.). Кроме того, он просит разрешения основать при монастыре приют для новокрещенных, лечебницу, «а монастырю не требовать от казны каких-либо средств на свое содержание, а обходиться собственными средствами и добровольными пожертвованиями». Подобного рода прошения и предложения ходатая, естественно, не встретили, каких-либо возражений со стороны гражданских властей. Руководствуясь этим, министр императорского двора испрашивает 29 июня 1862 г. «Высочайшего соизволения» предоставить в беззборное пользование земель для монастыря на следующих условиях: «а) выделенные ему земли будут принадлежать горному округу и уступаются обители во временное пользование; б) с закрытием монастыря, оные возвращаются округу; в) обнаружение в отведенных землях металлов и минералов приводит к автоматическому их изъятию и предоставлению монастырю других свободных земель» [7, с. 13].

Рассмотрев «обстоятельства завершающегося дела», Синод, естественно, выразил свое удовлетворение итогом разрешения данного вопроса и заявил, что открытие монастыря принесет «несомненную пользу». И хотя Томский епископ не представил (по инстанции — А.А.) сведений о местности, где планировалось открытие монастыря, Синод, опираясь на информацию А. Малькова о ней, а также на документы, собранные синодальной канцелярией, нашел ее удобной и выгодной. Подкупило Синод и то, что бийский купец вызвался пожертвовать на «учреждение» монастыря более 10 тыс. руб. Руководствуясь всеми этими соображениями, Синод определил: «1. Устройство в означенной местности мужского общежительного монастыря разрешить и именовать оный Благовещенским. 2. Настоятелю в нем быть в сане архимандрита. 3. Число братии в обители каким-либо штатом не определять, а сообразовывать оное с потребностями и материальными средствами обители. 4. Содержание братии иметь от предоставленной в пользование земли и собственных трудов братии без всякого пособия от казны». 15 февраля 1864 г. император, основываясь на докладе Обер-прокурора Синода, утвердил Положение «Об устройстве Благовещенского мужского общежительного монастыря» [7, с. 12-13].

Примечательно, что в ходе всех этих хлопот ни представители государственной власти, ни сам ходатай ни разу не соизволили обратиться к Алтайской Духовной миссии, чтобы узнать ее мнение о возведении обители на Чулушмане, руководство которой, естественно, возлагалось на нее — единственную православную структуру в этом регионе. И это «невнимание» к ней не замедлило сказаться тут же.

Не успел ходатай порадоваться успешно завершенному им делу. Как на него тут же «посыпались неприятности». Не имея у себя 10 тыс. рублей, обещанных им на «устройство» монастыря, А. Мальков пускается, дабы их добыть, на авантюру: он

хлопочет об устройстве в Санкт-Петербурге (на Сенной площади — А.А.) миссионерской часовни, чтобы использовать «доходы, кои она будет приносить», как утверждал авантюрист, на содержание Алтайской миссии. Однако эти его «хлопоты», оказались неудачными [4, с. 89]. Дело усугубилось еще и тем, что отказался от должности быть настоятелем новоучрежденного монастыря «находившийся на покое» бывший епископ Нижегородский, Иеремия. В силу этого, Синод назначает в ноябре 1865 г. вместо него «архимандрита Владимира (Петрова)» [8, с. 1]. С приездом последнего на Алтай, в истории Алтайской духовной миссии разыгрывается поистине драма.

А появился он здесь, в Улале, в начале мая 1866 г. Отдохнув, он отправился, вместе с Мальковым, в поездку, «дабы осмотреть всесторонне Алтайскую миссию». И тут архимандриту, по словам его биографа М. Ястребова, открылись все «Мальковские подделки и мошенничества». Особенно это «все открылось по прибытии о. Владимира в Уллинскую общину и в Благовещенский монастырь», где ему воочию пришлось убедиться в «мошенничестве Малькова». Оказалось, что многих построек, которые выдавались «за выстроенные», и о которых Мальков «дерзнул всеподданнейше донести самой Государыне — императрице», как о существующих, — на деле вовсе не существовало». А между тем в счетах на «возведение сих, мнимых сооружений» Мальков «списал солидные суммы». А те, которые существовали, были «неказисты и зачастую непригодные для дела». Притом, возводились они на деньги «благотворителей», которые «проходимцем были выданы за свои». В силу этого, он и потребовал от архимандрита «уплаты ему значительных сумм». Немалое «мошенничество» обнаружилось и при «возведении» Благовещенского монастыря. Оказалось, что его Мальков строил не на те 10 тыс. руб. собственных денег, как он обязался перед Синодом, а на «сборные миссионерские деньги», сумму которых «обманщик вывел в своих счетах чуть ли не вдвое большую, чем было «употреблено в действительности». Вскрылось также и то, что те, 10 человек, подпись которых Мальков предоставил в Синод, как обещавшихся поступить в число братии Благовещенского монастыря, — были «людьми женатыми, а некоторые даже и многосемейными» [4, с. 91].

Но самое главное, что выяснилось на месте — миссионеры с самого начала дружно выступали против основания монастыря. В беседе с архимандритом они заявляли, что идея строительства монастыря на Телецком озере не находила среди них никакой поддержки. Поэтому действия «благодетеля миссии» с самого начала носили «неугодный для всех характер», потому он и превратился (за годы обустройства женской общины и Благовещенского монастыря — А.А.) «едва ли не в злейшего их врача» [9, с. 36].

В связи с этим, нельзя не сказать об отчетах миссии того времени. Они же свидетельствуют, что по приезду вновь назначенного настоятеля на место, последний не обнаружил в монастыре никаких зданий, кроме амбаров для складирования хлеба. Остальные же постройки, как объяснил ему Маль-

ков, были «поглощены Телецким озером (т.е. смыты приливами — А.А.)». Однако, осмотревшись на месте, архимандрит Владимир (он же настоятель монастыря и начальник миссии — А.А.) вынужден был признать не только «полную абсурдность мальковских доводов, а также и полную бесполезность монастыря в миссионерском деле» [9, с. 37]. Впервые, более неудобного места для «центра миссии» (а именно так расписывал А.Мальков расположение обители — А.А.) даже придумать было трудно. Даже сегодня, когда на дворе заканчивается первое десятилетие XXI века, добираться до места, где располагался Чулышманский монастырь и то очень сложно, не говоря уже о веке XIX, когда транспортная система и средства передвижения оставляли желать много лучшего, а дороги сюда, вообще на Чулушиман, попросту говоря, отсутствовали. Для решения миссионерских задач, как отмечали собеседники архимандрита, в этом месте более подходил миссионерский стан (который и был основан, правда, сначала в Кебезене, а потом уж — на Чулушимане — А.А.) [10, с. 254], который возглавил священник М. Чевалков. Он — то и развернул здесь активную проповедническую работу среди местного населения [11, с. 20].

О нецелесообразности открытия монастыря на Телецком озере, говорил и предшественник о. Владимира — Стефан Ландышев. В своем письме в Томск, на имя преосвященного Виталия, он аргументировал доказывал, что логичнее возводить миссионерский монастырь на границе с Киргизской степью, где есть среди кого проповедовать и распространять православие. «Что же касается места обители за Телецким озером, при устье р. Чулышиман, — писал он, — то считаю себя обязанным сказать, что тесная долина Чулышимана, с обеих сторон обставленная неприступными горами, вправо и к северо-востоку, до самой Китайской границы — непроходимая дикая местность, горы, густой хвойный лес и болота — обитель только медведей, где нет ни единого человека. Сама долина Чулышимана слишком малолюдна на всем ее протяжении — около 200 верст — не более 100 юрт телесов-двоеданцев, которые, по занятию их пастищ угодьями монастыря, перекочуют к китайским пределам или даже за границу, тем более, что они китайские подданные, живущие в пределах Алтая и платящие китайцам дань. Во всяком случае, для такого населения строить монастырь слишком нерасчетливо. Для него довольно и учрежденного там в 1864 г. стана миссии. И вообще, миссионерская обитель, по мнению почти всех миссионеров алтайских, в той местности не соответствует своей цели, даже если ограничить действие оной одним Алтаем, имеющим уже 8 станов миссионерских и 11 церквей. Если говорить о выбранном месте для монастыря, то преосвященному Порфирию было в свое время говорено и мною, и заменившим меня, на время, на должности управляющего миссией, иеромонахом Акакием, по распоряжению преосвященного осматривавшего долину, указано, что основанием для выбора сего места купцом Мальковым, который до приема земли при ее отводе там никогда не бывал, послужила рыбная ловля на озере и виды сноше-

ний с соенцами, кочующими далеко за китайской границей при р. Кемчуге» [12, с. 5].

Об этом же писали и сами миссионеры в периодической печати тех лет. «В настоящее время, при ближайшем знакомстве с положением дел в Алтайской миссии, — говорится в одной из заметок, — с большею, чем прежде смелостью можем сказать, что этот монастырь существует преимущественно для себя самого. А. Г. Мальков, прежде, чем хотя бы один раз побывать за Телецким озером и мельком посмотреть Чулышманскую долину, уже решил вопрос о строительстве монастыря. Непродуманный выбор места, вопреки соображениям отца, протоиерея С. Ландышева и положительным заявлениям всех прочих миссионеров, совершенно затормозил собою миссионерское дело на Алтае. Просветительская деятельность ограничится Чулышманским ущельем и никогда не выйдет за пределы его, а такая задача могла бы быть выполнима обыкновенным миссионерским станом с одним миссионером и толмачом, без огромных расходов на людей и другие нужды. Между тем, миссия лишилась уже многих тысяч, которые, кстати, пригодились бы ей в настоящее время. Немало средств, она должна будет уделять монастырю и в будущем, для бесплодного прокормления монастырской братии в затерянном, дичайшем углу Алтайских пустынь» [13, с. 42].

Указывали миссионеры и еще на одну проблему, которая возникнет с основанием обители. В своей полемике с Мальковым, они подчеркивали, что в связи с дефицитом земли в долине Чулышмана, монастырь займет земли местного населения и это может вызвать не нужные никому конфликты [13, с. 43], что потом и случилось на самом деле.

А вот как отразили отчеты Алтайской миссии истинные цели устроения обители, на Телецком озере, спустя 50 лет. «Видимо, прогоревший в торговле купец, — говорится в одном из них, — нашел подходящую почву для восстановления канувшего в Лету своего капитала. «Монастырь» Малькова, как нельзя лучше, способствовал его замыслу, предоставив самую благоприятную почву для эксплуатации невежества зателецких инородцев. Амбары, построенные им на Чулышмане для складирования хлеба, приспособления для ловли сельдей, коими изобилует Телецкое озеро, и меновая торговля, запрещенная им с местными инородцами, — все это ясно говорит о том, почему так энергично хлопотал Мальков о зателецком монастыре и куда именно кинули собранные им путем нравственного подкупа расположенных к миссии лиц, солидные суммы денег. Само собой разумеется, что как бы непригляден был Чулышман, но раз уж исходатайствована здесь земля, то в силу необходимости пришлось последний воздвигать. А это последнее пало на долю архимандрита Владимира, отняв у него всю энергию. Трудами архимандрита Владимира, решительно не видевшего в созидающем им деле никакой пользы, монастырь был основан» [14, с. 37].

В отчетах не случайно говорилось о планах Малькова открыть на Телецком озере предприятие по ловле сельди. Действительно, наделенный коммерческой жилкой А. Мальков просто следовал духу времени. Именно, в середине 60-х гг. XIX в., в периодической печати Томской губернии начина-

ется оживленное обсуждение вопроса о замене привозной сельди из Голландии и Норвегии, на «дешевую» сельдь Телецкого озера. Отводилась в этом деле своя роль и новоучрежденному монастырю. Автор одной из статей, вышедшей в «Томских губернских ведомостях», писал: «Нет сомнений, что с открытием Благовещенского мужского монастыря и с распространением русской колонизации в Телецком крае, откроется и рыбный промысел на Телецком озере, ожидающий только предпримчивого человека. Любовь русского человека к рыбе обеспечит сбыт Телецкой сельди не только в Алтайском округе, но и в других местах» [15, с. 14].

В силу вышесказанных причин против монастыря, как видим, выступало не только руководство миссии, но и большая часть миссионеров. 29 июля 1867 г. в Санкт-Петербургской газете «Домашняя беседа» было напечатано письмо за подписью алтайских миссионеров: протоиерея С. Ландышева, иеромонахов: Акакия, Смарагда, Дометиана, священников: И. Смолянникова, А. Ивановского, А. Гусева, В. Вербицкого и диакона миссии В. Постникова. В нем они публично обвинили Малькова в недобросовестности и неблагонадежности. Купец, естественно, «восстал» против обвинений. Для «защиты своей чести и достоинства» он нанял адвоката, доктора права А.В. Лохвицкого, который возбудил «дело» против миссионеров. Санкт-Петербургский мировой судья, вникнув в его суть, предложил «миром» решить это дело. Мальков не возражал против такого исхода, но он потребовал, чтобы миссионеры принесли ему публичные извинения в «Домашней беседе» или другом печатном издании [16, с. 3].

Однако миссионеры отказались принять это предложение и судебная «машина» заработала. Дело велось в Петербурге. Ехать на Алтай в миссию, выяснить его суть никто не удосужился, а посему миссионеры были вызваны в столицу для объяснений. Но явиться туда они не могли по целому ряду причин. Об этом они писали к Преосвященному Платону, епископу Томскому и Семипалатинскому. «Явиться в Петербург — говорилось в их письме, — мы не имеем ни средств, ни права. Во-первых, как нам оставить место служения без разрешения. Это равносильно закрытию самой миссии. Во-вторых, представить в столицу своих доверенных, мы тоже не можем, ибо не имеем ни способных к тому лиц, ни денег, которых у нас не только для поездки, но и для насущного нашего пропитания нет. И, в-третьих, учинить мировую сделку, согласно требованию Малькова, мы тоже не можем, ни по совести, ни по закону. Ибо мы стоим не за свои частные и личные интересы, а за общие, ради интересов службы, мы обязаны заявить перед обществом, об истинном значении Малькова по отношению к делу миссии, а не с целью обесчестить его ... Мы хотим побудить Миссионерское общество к раскрытию вредных для дела службы злоупотреблений Малькова» [16, с. 1].

В декабре 1868 г. в миссию приехал Алтайский отдельный заседатель Судовской. Он привез с собой отношение столичного мирового судьи с вызовом алтайских миссионеров на суд. Однако на месте он никого не нашел. В своем рапорте в Бийское окруж-

ное полицейское управление заседатель написал, что, так как постоянного места жительства миссионеры не имеют, а разъезжают по разным станам, по делам службы, а до иеромонаха Смарагда, живущего в Чулышманском монастыре, можно будет добраться только летом, когда освободится проезд через озеро, выполнить поручение он не сможет [16, с. 42]. Поэтому никого не найдя, даже в центральном стане миссии, Судовской ни с чем уехал обратно.

В центральную Россию для судебных разбирательств был вынужден выехать начальник миссии, архимандрит Владимир. Чтобы прояснить ситуацию с миссией и ее «попечителем», Синод назначил 8 июля 1868 г. комиссию «для изучения всех обстоятельств». 14 января 1869 г. она представила отчет, из которого следовало, что обвинения Малькова против архимандрита Владимира и Алтайской миссии в целом, являются заведомой клеветой истца. Основываясь на этом, Синод постановил своим «Определением» (от 4 июня 1869 г. за №928 — А.А.), что оснований для привлечения к ответственности архимандрита Владимира и его помощника С. Ландышева — нет. Малькову же было запрещено отныне именоваться «попечителем» Алтайской Духовной миссии, у него была изъята печать и даже был запрещен въезд ему в Горный Алтай [4, с. 94].

Таким образом, подытоживая все вышесказанное, можно констатировать, что учреждение Чулышманского Благовещенского монастыря ничего кроме неприятностей и скандала миссии на первых

порах не принесло. Из-за своей бесполезности в миссионерской работе, труднодоступности и удаленности его от центра миссии, и отсутствия средств на содержание монастыря он оказался не нужным миссии. Об этом в один голос заявляли все миссионеры. Кроме того, если в качестве основания для «учреждения» женской общины в Улале имелось ходатайство 11 новокрещенных девиц, которые и были первыми ее насельницами, то об открытии монастыря на Чулышмане не просил никто, кроме Малькова. Миссионеры справедливо полагали, что появление монастыря в долине Чулышмана может привлечь за собой осложнение отношений с местным населением из-за дефицита земли в этом регионе, что и произошло в дальнейшем. По сути дела, эта история стала показательным примером попытки проникновения торгового капитала при активной поддержке государственной власти проникнуть в труднодоступный район «на плечах» и «под прикрытием» Алтайской Духовной миссии. Но эта его попытка оказалась неудачной, поскольку в результате скандала, купец Мальков навсегда покинул не только Алтайскую Духовную миссию, но край благоприятный для развития торговли. А Благовещенский Чулышманский мужской монастырь стал развиваться и действовать уже под руководством миссионерского начальства, которое со временем превратило его в хозяйственный и культурно-просветительский центр в этом отдаленном уголке Горного Алтая.

Библиографический список

1. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. М.—Л., 1953.
2. Храпова Н.Ю. Захваты земель Горного Алтая Алтайской духовной миссией в пореформенный период. // Вопросы социально-экономического развития Сибири в период капитализма. Барнаул, 1984.
3. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 170. Оп. 4. Д. 247.
4. Ястrebов И. Миссионер, Высокопреосвященнейший Владимир, архиепископ Казанский и Свияжский. Казань, 1898.
5. ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 247.
6. ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 6.
7. ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 247.
8. ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 247.
9. Отчеты Алтайской Духовной миссии за 1911 г. Томск, 1912.
10. Модоров Н.С. Россия и Горный Алтай: политические, социально-экономические и культурные отношения. Горно-Алтайск, 1996.
11. Центр хранения архивных фондов Алтайского края (ЦХАФАК). Ф. 164. Оп. 2. Д. 2.
12. ГАТО. Ф. 170. Оп.2. Д.82.
13. Солодчин И. Алтайская миссия // Воскресные приложения к «Московским ведомостям». 1868. №28—31.
14. Отчеты Алтайской Духовной миссии за 1911 г. Томск, 1912.
15. ЦХАФАК. Ф. 81 Оп.1. Д.65.
16. ГАТО. Ф.170. Оп.5. Д. 100.

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 18.02.08.

A.P. Adlykova

FROM A HISTORY OF MAKE CHELUSHMAN BLAGOVESHIAN OF MALE CLOSTER

In article, the paper written on the basis of analized publications and archive materials the connections of government bodies and Altai spiritual mission in prosses of make Chelushman Blagoveshian of male closter.

Russian State, government bodies, Altai spiritual mission, male closter, missionaries, church, assimilation, ctriistianity, Sacred Synod, priest, female closter

УДК 902

T.B. Захарова

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ В 30-е гг. XX в.

В статье рассматриваются некоторые аспекты социального развития Горного Алтая в условиях колхозификации и перехода на оседлость. Изучение этого вопроса позволит полнее раскрыть общие закономерности и специфические особенности развития национальных регионов.

социальное развитие, колхозификация, национальный регион

В конце 1920-х гг. в Горном Алтае началась колхозификация и перевод алтайского населения на оседлость. Взвесив возможности края, Сибкрайком ВКП (б) 15 декабря 1929 г. принял постановление «О темпах колхозификации Сибиря», по которому по срокам проведения колхозификации Сибирь была разбита на три группы районов. Как наименее подготовленная, Ойротская автономная область была отнесена к третьей группе. Здесь колхозификация должна была завершиться к 1 октября 1933 г. [1, с. 330]. В связи с образованием колхозов по-новому встал вопрос о переводе кочевого и полукочевого населения на оседлость. 16 июля 1929 г. бюро обкома вынесло решение: «Считать, что перевод на оседлость кочевых и полукочевых алтайских хозяйств должен идти, главным образом, по линии колхозификации и кооперирования и лишь частичной помощи кочевникам, оседающим в единоличном порядке» [2, л. 40]. К 1930 г. намечалось охватить колхозами 90% коренного населения области. Принятое решение привело к чрезмерному ускорению темпов колхозификации и администрированию [3, с. 152].

Политика массовой колхозификации вызвала недовольство как со стороны кулаков, так и середняков. Государство, опираясь на бедняцко-батрацкие группы в деревне, смогло подавить сопротивление зажиточной части населения. В результате этого, в 1930 г. в Горном Алтае было раскулачено 1166 хозяйств [4, л. 19]. Порядок раскулачивания определялся секретной инструкцией ЦИК СССР и Совнаркома от 4 февраля 1930 г., где предписывалось кулаков — участников антисоветских движений (I категория) — арестовывать, передавать их дела в органы ОГПУ. Зажиточные влиятельные кулаки (II категория) переселялись в пределах области или в другие области, остальные кулацкие хозяйства расселялись на худшие земли, вне колхозных земельных участков. Земля, скот, хозяйствственные постройки раскулаченных передавались в колхозы, личное имущество, продукты питания конфисковывались, а затем передавались односельчанам или продавались. Жизнь населения, а порой просто выживание после раскулачивания стало острой социальной проблемой.

Практически всюду нарушались принципы добровольности вступления в колхоз, применялись угрозы, запугивания. Однако высокий процент колхозификации в начале 1930 г. не отражал действительного положения в деревне: к тому времени значительная часть населения не была готова к вступлению в колхозы. Молниеносное создание колхозов при отсутствии опыта их организации, нехватка подготовленных кадров сельских руководи-

телей, специалистов, техники только усиливало де-деревненскую организацию в деревне. Ломка сложившихся в деревне форм хозяйствования вызвала серьезные трудности в развитии аграрного сектора. В целом по стране среднегодовое производство зерна к 1939 г. снизилось до уровня 1913 г., на 40–50% уменьшилось поголовье скота, от голода в 1932–1933 гг. умерло, по разным данным, от 3 до 5 млн. человек. Это было прямым следствием насилиственного создания колхозов, однако, экономические издержки колхозификации не остановили ее проведения.

Уровень и условия жизни населения Горного Алтая к началу 1930-х годов изменились незначительно. В силу исторической традиции, обусловленной природно-климатическими условиями Горного Алтая, часть алтайского населения вела кочевой и полукочевой образ жизни. Для изменения ситуации необходимо было радикально разрушать традиционные жизненные представления и ценности. В этой связи, ЦК ВКП(б) 16 мая 1930 г. издал постановление «О работе по перестройке быта», по которому предусматривалось развертывание «общественного быта» трудящихся (прачечных, бань, детских учреждений, столовых и пр.), обеспечение достаточной зеленой полосы между производственной и жилой зонами и оборудование последней водопроводом, электрическим освещением, банями, прачечными, клубами, школами и пр., максимальное обеспечение доступными гигиеническими условиями и удобствами [5, с. 119].

На темпы социализации влияло также отсутствие сети дорог и средств связи для оперативного проведения тех или иных мероприятий. В первую очередь, нужно было выполнить большой объем землестроительных работ, развернуть в пунктах оседания строительство хозяйственных помещений, жилых домов, культурно-бытовых учреждений. На проведение этих мероприятий требовались большие дополнительные средства. Власть ни в центре, ни на местах такими возможностями не располагала.

Переход к оседлости сопровождался ломкой ранее существовавших обычаяев: основным типом жилища становится рубленый деревянный дом, прешедший на смену юрте. Преимущественно, он был пятистенным, с сенями и кладовой, с двускатной крышей, крытой тесом или шифером. Юрта стала использоваться в качестве подсобного помещения, а летом — как кухня. Однако в условиях отгонного животноводства, на летних стоянках она еще оставалась основным типом жилища. Вместе с тем, из-за отсутствия навыков и должного опыта, в некоторых селениях «...строили избы наспех, без крыши, без сеней, без пола и даже без печи. В таких избах было холодно, грязно и люди снова возвра-

щались в юрту» [6, с. 44]. Замена юрты избой подрывала традиционные взгляды на жилище с неизменным очагом в центре и строгим разделением аила на мужскую и женскую половины, с установленным порядком размещения продуктов и предметов обихода. Перед алтайцем-кочевником встала сложная проблема освоения нового для него и совсем непривычного жилища — деревянной избы, нового очага. Появилась новая социальная проблема: женщина-алтайка не могла понять, как же могут быть размещены предметы обихода, находящиеся в пользовании мужчин и женщин, и каким образом определить мужскую и женскую половины.

Переход на оседлость, по мнению властей, должен был значительно облегчить быт населения. Не стало необходимости изготавливать кожаную или деревянную посуду, неудобную в использовании, ее полностью заменила заводская продукция. Однако возникли сложности с приготовлением традиционной пищи, поскольку алтайская женщина не всегда знала, как обращаться с русской печью, плитой, зачастую не понимала назначения некоторой посуды. Традиционную одежду постепенно вытеснила одежда городского типа, покупаемая в магазинах. Однако это не означало полного отказа от национальной одежды, которая сохранилась, главным образом, в среде животноводов. Такую одежду шили старинным способом пожилые женщины, своего рода хранительницы народного промысла. Традиционное внутреннее убранство жилища сохранилось преимущественно в отдаленных районах, поскольку новое доходило сюда очень медленно.

На первых порах алтайцы с большим недоверием относились к постройке жилых домов и сомневались в том, что в таком доме зимой будет теплее, чем в юрте. 9 февраля 1936 г. облисполком, рассмотрев вопрос о ходе жилищно-бытового строительства, наметил задачу перехода на упрощенное и более дешевое жилье с сокращением до минимума потребления дефицитных товаров. В этой связи, предполагался бесплатный отпуск строевой древесины колхозам, для раздачи переходившим к оседлости. Только в 1936 г. было бесплатно отпущено 42,7 тыс. куб. м деловой древесины и 51 тыс. куб. м дров [7, л. 99].

На строительство жилья государство выделяло кредиты. Некоторые объекты, в том числе жилые дома для колхозников, возводились полностью на средства государственного бюджета. В 1937 г. предполагалось построить не менее 3 тыс. жилых домов [8, л. 2]. Несмотря на это, средства, отпускаемые государством, использовались не полностью или расходовались на иные цели. Жилищное строительство, зачастую, велось без проектов и смет, начатые объекты нередко до конца не доводились. Не хватало дефицитных в то время материалов — железа, гвоздей, стекла. Серьезные просчеты допускались в выборе и планировке участков (скученность или разбросанность), составлении планов строительства. В этой ситуации в июне 1938 г. облисполком утвердил типовые проекты дома, рубленного из бревен, стоимостью в 3,5 тыс. руб., для Кош-Агачского аймака стоимость домов соответственно повышалась на 1 тыс. рублей [9, л. 111]. В документах тех лет в качестве особого достижения отмечалось,

что в 1938 г. впервые аймаки получили по целевому назначению на жилищное строительство от 30 до 400 кг гвоздей, а Кош-Агач и Улаган — даже несколько больше [10, л. 54].

Вследствие предпринятых действий, жилой фонд за 1938 г. увеличился на 150 тыс. кв. метров [11, с. 134], стал благоустраиваться, появились водопровод, канализация, центральное отопление, однако они еще не получили повсеместного распространения, так как решение об их строительстве было обсуждено на заседании горстройпроекта облисполкома лишь в 1937 г., имеющееся жилье не было обеспечено необходимым количеством бытовых удобств.

В 1930 гг. главной тенденцией в деревне стала «урбанизация сельского образа жизни» — нарастание черт города в непосредственно наблюдаемых проявлениях трудовой, бытовой, досуговой и других деятельности жителей села, происходящее вследствие урбанизации сельской социальной среды и сознания населения (системы его норм и ценностей).

Процесс урбанизации, начавшийся в первые послереволюционные годы, принял массовый характер лишь под воздействием коренных социальных преобразований: коллективизация сельского хозяйства, перехода кочевого алтайского населения на оседлость, культурной революции. Эти процессы привели к тому, что образ жизни сельского населения приобрел новую черту: стал сельско-урбанистическим, сочетающим в себе черты как традиционные для деревни, так и новые, заимствованные у города. Если рассматривать эту особенность в динамике, то в развитии сельского образа жизни обнаруживаются две тенденции. Первая — изменение традиционных способов жизнедеятельности, исчезновение многих стандартов, характерных для традиционного образа жизни сельского населения, и постепенная замена их новыми, типичными для городской культуры. Вторая тенденция — воспроизведение старых, традиционных для деревни способов жизнедеятельности, которые и в новых условиях сохраняли свое значение для населения. Это — ведение личного хозяйства, переплетение труда в своем хозяйстве и на предприятии и пр. [12, с. 64]. Таким образом, традиционный для деревни образ жизни, с одной стороны, урбанизировался, а с другой — в большей мере сохранялся и воспроизводился. Традиционность проявлялась в особом психологическом климате деревни, в формах социальной организации жизни.

Степень урбанизации сельского образа жизни населения Горного Алтая была традиционно невысокая, поскольку для него были типичны высокая занятость в сфере личного подсобного хозяйства, большая трудоемкость этого труда, в то же время в 1930 гг. быстрее всего урбанизировались досуг, а также элементы быта, связанные с обеспеченностью предметами длительного пользования.

Эффективным способом преобразования быта коренного населения Горного Алтая являлись юрты-передвижки (первая юрта-передвижка начала свою работу еще в 1924 г.) [13, с. 76]. В 1934 г. Кош-Агачской юртой-передвижкой, работавшей с 20 июня по 1 августа, было обслу же-

но 8 аймаков, проведены беседы на темы: «Гигиена жилища», «Сибирская язва», «Задача охраны материнства и детства», «Санитарный минимум в яслях» [14, л. 10].

Наряду с юртами-передвижками, стали создаваться стационарные «Дома алтайки», которые должны были знакомить женщин с элементарными навыками санитарии и гигиены, домоводства, огородничества, ухода за детьми. Первый «Дом алтайки» (в составе заведующего, инструктора по кройке и шитью, инструктора по домоводству) был открыт в 1929 г. в с. Онгудай, затем в Улагане, Кош-Агаче (1931 г.) и Усть-Кане (1934 г.) [15, л. 12]. Только за 1932 г. было обучено 962 чел. [16, л. 14]. Программа различного рода занятий составлялась с учетом специфики условий жизни населения [17, л. 31].

Форсированный экономический рост при дефиците ресурсов привел в 1930 гг. к стагнации, даже временному падению уровня жизни как в городе, так и в селе. К началу 1929 г. во всех городах СССР была введена карточная система. До декабря 1930 г. единой классификации населения, принятого на централизованное снабжение, не было. Нормы снабжения вводились разновременно и отличались друг от друга. Начавшись с хлеба, нормированное распределение распространилось потом и на другие продукты, а к середине 1931 г. — и на промышленные товары.

В условиях продовольственного кризиса нормы снабжения не всегда выполнялись. Государство старалось, в первую очередь, гарантировать снабжение индустриальных центров: появились постановления о снабжении Москвы, Ленинграда, Донбасса. Было установлено четыре группы снабжения: рабочие-пайщики потребительской кооперации (I), рабочие, не являющиеся пайщиками (II), прочие трудящиеся-пайщики (III), прочие трудящиеся — не пайщики (IV). Следует отметить, что нормы питания были крайне низкими, поскольку правительствоказалось не в состоянии выдержать ассортимент и нормы снабжения даже в привилегированных индустриальных центрах.

Ситуация со снабжением городского населения стала улучшаться только после стабилизации положения в деревне. С января 1935 г. была отменена карточная система на хлеб, крупу и муку, с октября того же года — на все нормируемые продовольственные товары.

Крайне неоднородным было материальное положение сельчан. Размеры заработка в сельском хозяйстве определить труднее, поскольку некоторые производители получали дополнительный доход от продажи своей продукции по рыночным ценам. Но последних было немного, а доход большинства определялся крайне низкими закупочными ценами на сельскохозяйственную продукцию [18, с. 57].

Еще весной 1929 г. в ряде колхозов была введена сдельная оплата труда — «от урожая», комбинированно-договорная, «поштучная», что позволило поднять производительность труда и товарность производства. Однако трудодень оставался основным мерилом заработка. В некоторых колхозах трудодень, который должен был выражать собой определенное количество и качество выполненной рабо-

ты, сводился к понятию астрономического дня. «Вышел колхозник на покос на целый день, значит, бригадир записывал ему целый трудодень. Вышел с половины дня — записывал половину трудодня. Но и такие трудодни ... подчас ... учитывались «палочками» в примитивном табеле... Таким образом, фактически вводилась уравниловка» [19, с. 33].

В созданных колхозах напряженное положение было с хлебом. В августе 1932 г. в газету «Красная Ойротия» обратился бывший красный партизан с рассказом о своей незавидной жизни: «...теперь, когда я окончательно обессилен и ни к чему не способен, потому никому не нужен... В аймакисполкоме я несколько дней просил дать хлеба, а там и говорить даже не хотят... Я теперь дошел до крайности, дети скитаются, а я выпрашиваю у людей кусок хлеба, куда обратиться за помощью не знаю...» [20, л. 39]. И этот случай — не единичный [21]. В целом по стране учителям и врачам на селе не гарантировался даже хлебный паек. По сведениям с мест, в большинстве районов крупа и сахар выдавались нерегулярно: 2-3 раза в течение года по 400-500 г. Подобные материальные трудности сохранялись в Горном Алтае на протяжении 30 гг., хотя, по официальным данным, в области наблюдался рост материального благосостояния, о чем свидетельствовало увеличение покупательной способности населения, рост денежных доходов, предназначенных к распределению на трудодни.

Реальное положение в некоторых аймаках опровергало официальный тезис о росте материального благосостояния населения. Если колхоз был экономически слабым, то колхозники, даже вырабатывая больше трудодней, получали меньше продуктов и денег, чем в более богатых колхозах. Ряд колхозов не мог обеспечить даже минимальную оплату по трудодням, некоторые колхозники оказывались на грани разорения.

Эту ситуацию наглядно иллюстрирует закрытое письмо секретаря Усть-Канского аймачного комитета, датированное 1936 г.: «...Колхозники свои кожаные сумы перешли на обувь, а сейчас перешивать нечего, кожтоваров к нам не забрасывается. Подавляющее большинство детей-школьников босые, а также очень много колхозников ходят разутыми и раздетыми... Мы в национальных колхозах имеем тяжелое положение не только с промышленными товарами и отсутствием обуви, мы переживаем и продовольственное затруднение. Ведь у нас 15 колхозов почти не сеющие, сеют от 8 до 15 га на колхоз, а в этом году и этот мизерный посев погиб от заморозков, а отпускаемый хлеб... обеспечивает только на 30% и этот хлеб мы даже, другой раз, не в состоянии, без посторонней помощи, забросить в связи с отсутствием сбруи, телег и двухколок и приобрести необходимый транспорт тоже неоткуда...» [22, л. 2-3]. Однако, по официальным данным, в Ойротии подобные «ситуации» не имели места.

В данной ситуации лишь личное подсобное хозяйство обеспечивало сельское население продуктами, которых оно не получало в колхозе или получало, но в мизерном количестве. В 1939 г. доля личного хозяйства в животноводческой продукции колхозов по стране составляла 67,9%, 20-25% — продавалось на рынке, остальная часть шла на по-

требление. Наблюдалось резкое ухудшение качества питания, а рацион питания (по качеству и количеству) отличался в различных социальных группах. Однако общее количество продовольствия не было таким низким, как в 1922–1923 гг. Все упиралось лишь в его распределение.

Общий уровень материальной обеспеченности населения Горного Алтая значительно отставал от среднесоюзного уровня. В государстве к 1939 г. наблюдался продовольственный и промтоварный кризис, который был вызван целым комплексом причин. В качестве главных следует назвать подрыв экономики в результате форсированной индустриализации и насильтвенной коллективизации, а также создание экономической модели, практически лишенной стимулов к труду.

В 1930 гг. коллективизация прервала естественный процесс социальной дифференциации деревни, повысила социальную мобильность (движение) населения — переход людей из одной социальной группы в другую. В результате, произошло изменение социального статуса человека, связанного с его отношением к средствам производства, с его ролью в общественной организации труда. Было покончено с социальной раздробленностью, прекратилось расслоение крестьянства на бедняков, середняков, кулаков. Сформировался новый класс — «колхозное крестьянство», — образованный на основе кооперативной собственности. Вместо индивидуального, труд приобрел ярко выраженный общественный характер. Изменился и способ получения общественного дохода — по количеству и качеству труда.

Одним из направлений социальной мобильности населения Горного Алтая являлся переход из колхозного крестьянства в состав рабочих и служащих. Учитывая, что в области, в отличие от центра страны, промышленные кадры только формировались, их численность, состав, структура в 1930 гг. были весьма показательны. Рабочие Горного Алтая были представлены кадрами местной промышленности и кооперации. В общей массе населения (161 тыс. чел.) они составляли 30,9% [23, с. 93]. Почти половина промышленных рабочих была сосредоточена на мелких предприятиях.

Отметим, что социально-профессиональные группы населения оказывали немалое влияние на характер и интенсивность социальной мобильности. Причины этого лежали в том, что преобладающая часть социальных перемещений в советском обществе была связана с «постоянным улучшением условий и содержания труда и определялась планомерным развитием производительных сил и структурой производственных отношений. Следствием такой связи явилась фиксируемая в большинстве случаев необратимость социального вос-

хождения. А значит, и соотношение потоков перемещений в другие социальные группы зависело от исходной социальной группы» [24, с. 33].

Коллективизация привела к усилению миграционных тенденций, стремлению к переезду. В 1937—1938 гг. из села выбыло почти 2 тыс. человек. Главная причина этого явления коренилась в слабой материальной заинтересованности колхозников в общественном труде, хотя в 1938 г. приходно-расходные сметы колхозов были пересмотрены и средний уровень оплаты трудодня заметно повысился. В масштабах страны в процессе хозяйственного укрепления колхозов происходило, хотя и медленно и с большой неравномерностью по районам, высвобождение рабочей силы, наблюдалось стремление к повышению квалификации, улучшению материальных условий жизни. И все же отток трудоспособного населения из села опережал процесс высвобождения рабочей силы.

К 1938 г. были принятые меры материального и морального стимулирования добросовестных работников. 28 декабря 1938 г. были установлены надбавки за непрерывный стаж к пенсиям и пособиям по временной нетрудоспособности. Тогда же для всех рабочих и служащих были введены обязательные трудовые книжки, в которые вносились данные о трудовом стаже и месте работы, о поощрениях и взысканиях. Одновременно вводились и меры морального поощрения: в декабре 1938 г. были учреждены почетное звание «Герой Социалистического Труда», медали «За трудовую доблесть», «За трудовое отличие».

Анализируя деятельность многочисленных партийных конференций Оиротского обкома ВКП (б), можно прийти к выводу, что вопросы жизни населения специально практически не рассматривались. Запущенность социально-бытовой сферы не-посредственно отразилась на обеспечении жизненных потребностей людей, воспроизводстве населения. К 1939 г. санитарное состояние, культура жилища оставались на очень низком уровне. И проблема была не в том, что «темный» народ не желал мыться, приобретать навыки гигиены. Проблема была глубже, в бедности. Во многих деревнях жители десятилетиями не обновляли свой гардероб, не приобретали для бытовых нужд необходимых товаров, используя проверенные дедовские методы.

Коллективизация и связанные с ней процессы не только не улучшили материального положения жителей, но и поставили большую часть населения на грань полуголодного существования. Трудности были во всем: и в бытовой сфере, и в продовольственном снабжении, и в оплате труда. Особенно остро стояла жилищная проблема. Решение комплекса социальных проблем в Горном Алтае затянулось на многие десятилетия.

Библиографический список

1. История Сибири в 5т. Т.4. Сибирь в период строительства социализма. — Л., 1968.
2. Комитет по делам архивов Республики Алтай (КПДА РА). Ф. 1. Оп. 1. Д. 11.
3. Демидов, В.А. К социализму, минуя капитализм. Очерк социалистического строительства в Горно-Алтайской автономной области / В.А. Демидов. — Новосибирск, 1970.
4. КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 576.
5. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 5. — М., 1984.
6. Тощакова, Е.М. Женщина в семье у современных алтайцев / Е.М. Тощакова. — Новосибирск, 1973.
7. КПДА РА. Ф. Р-33. Оп. 3. Д. 33.
8. КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 43.
9. КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1040.

10. КПДА РА. Ф. Р-59. Оп. 2. Д. 513.
11. Худяков, А.А. История Алтайского края / А.А. Худяков. — Барнаул, 1971.
12. Рыбкина, Р.В. Образ жизни сельского населения / Р.В. Рыбкина. — Новосибирск, 1979.
13. Овалов, Л. Июль в Ойротии / Л. Овалов, А. Шаповалов // Молодая гвардия. — 1933.
14. КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 916.
15. КПДА РА. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 234.
16. КПДА РА. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 662.
17. КПДА РА. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 247.
18. Уиткрофт, С. Г. Голод и другие факторы, влияющие на уровень смертности в СССР. Демографические кризисы 1918-1922 гг. и 1930-1933 гг. / С. Г. Уинкрофт // Демографические процессы в СССР. 20 — 80-е годы. — М., 1991.
19. Потапов, Л.П. Очерк социалистического строительства у алтайцев в период коллективизации / Л.П. Потапов. — Горно-Алтайск, 1961.
20. КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 638.
21. Красная Ойротия. — 1933. — 23 марта.
22. КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 877.
23. Сорок лет Советскому Горному Алтаю. 1917-1957 гг. — Горно-Алтайск, 1957.
24. Лукина, В.И. Динамика социальной структуры населения СССР / В.И. Лукина, С. Б. Незорошков. — М., 1982.

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 19.05.08.

T.V. Zakharova

SOME ASPECTS OF THE SOCIAL DEVELOPMENT OF THE GORNY ALTAI IN 30s XX CENTURY
This article examines some aspects of the social development of the Gorny Altai during the collectivization and the transition to the settled way of life. The studying of this problem helps to reveal the general regulations and peculiarities of the development of national regions.

social development, collectivization, national region

УДК 902

A.B. Летов

К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИИ УСЛОВИЙ ЖИЗНИ И ТРУДА НАСЕЛЕНИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1946—1953 гг.)

В статье на основе анализа политики Советского правительства показано сложившееся положение в области труда и жизни населения Горного Алтая. Выявлены общие закономерности, региональные особенности и основные тенденции послевоенного времени.

Горный Алтай, социальное развитие, послевоенное время

В середине 1940-х гг. Ойротская автономная область продолжала оставаться слабо заселенным районом страны. К тому же ее территория была заселена крайне неравномерно. Основная масса населения области проживала в северо-западной, низкогорной части края. В силу исторических, культурных и природно-климатических условий, уровень и условия жизни населения также не претерпели к этому времени кардинальных изменений: в быту, духовной и культурной жизни алтайцев, по-прежнему, продолжали господствовать патриархальные традиции. Значительная часть алтайского населения продолжала вести полукочевой образ жизни, занимаясь отгонным животноводством. Зарождавшаяся промышленность была сосредоточена, главным образом, в г. Ойрот-Тура. Основное поголовье как крупного, так и мелкого рогатого скота было сосредоточено в центральных и южных аймаках. Вместе с тем, в области имелось немало мелких населенных пунктов, во многих из которых практически отсутствовало производство, а их население было, по сути дела, безработным. Именно эти факторы в немалой степени влияли на неравномерное развитие в области не только экономики, но и социальной сферы.

И такая ситуация складывалась почти повсеместно, ибо социально-экономическое положение страны в послевоенный период было сложным. Победа в войне была достигнута ценой огромных усилий и жертв. Поэтому необходимо было, как мож-

но быстрее, преодолеть ее тяжелые последствия во всех сферах жизни. Руководствуясь этим, правительство «бросает» все силы на «сверхиндустриализацию» страны, на первоочередное развитие тяжелой промышленности. Решение этих первоочередных задач: скорейшая ликвидация тяжелых последствий войны, вывод страны на передовые позиции на мировой арене, привело к тому, что забота о человеке была предана советским руководством забвению. А основная же масса населения нашей страны не в состоянии была справиться с имеющимися проблемами один на один. К тому же многие семьи оказались после войны неполными, потеряв своих кормильцев в годы военного лихолетья. Так, по данным Ойротского облвоенкомата с войны не вернулось только в Горно-Алтайск и Майминский район 4551 человек [1, с. 3]. А тот, кто вернулся, оказался в новых «экстремальных» условиях, и вынужден был вновь искать «свою стратегию выживания, вживания в новую реальность» [2, с. 95].

Возвратившимся в свои дома демобилизованным воинам были рады все. Им предоставляли работу, а если требовалось, и новое жилье. Но не все вернувшиеся с фронта могли сразу же приступить к работе. Многие из них нуждались в серьезной медицинской помощи. Так, из 73 чел., прибывших в Чойский аймак, только 57 смогли (через 2 месяца) приступить к работе. Остальные 16 не работали по болезни [1, с. 2]. Многим из вернувшихся, были по-

ложены (по болезни, вследствие ранения) льготы. Но их получали не все. В июле 1945 г., подводя итоги работы с демобилизованными, XIV сессия облисполкома отмечала, что значительная часть фронтовиков осталась не только без дров, но и без жилья, в силу того, что местные Советы не всегда правильно распределяли материальные фонды, предназначенные для семей военнослужащих и инвалидов войны. Проверкой было установлено, что из отпущенного для семей военнослужащих в 1944 г. хлеба неизвестно куда было реализовано 572 ц. В Усть-Коксинском, Чойском и Онгудайском аймаках материальную помощь и подарки получали не остро нуждавшиеся, а родственники и знакомые распределявших помощь. Отметила комиссия и сложности с выплатой пенсий: порой ее получали не в течение 3-х суток, как было положено, а ждали месяцами. Так, по сведениям отдела соцобеспечения облисполкома, пособия фронтовикам-инвалидам не выплачивались годами.

Наряду с субъективными имелись и объективные факторы: значительный урон, нанесенный войной ее хозяйству. Согласно официальной статистике, общее поголовье основных видов скота сократилось к концу 1945 г., по сравнению с 1940 г., на 63800 голов, посевные площади — на 11500 га, производство масла и сыра — почти в 2 раза, а древесины и пиломатериалов — в 4 раза, на 1522 чел. уменьшилось число рабочих [4, с. 234]. Низка была и техническая оснащенность предприятий, что приводило к систематическому не выполнению планов по основным видам продукции, снижению производительности труда [5, с. 65] Так, за 1946 г. она снизилась на 8,9%; в то время как себестоимость выпускаемой продукции, напротив, возросла, по сравнению с планом, на 16% [1, с. 23]. Такая работа сельского хозяйства и местной промышленности была «залогом» того, что они не в состоянии были обеспечить население области необходимым количеством продуктов питания и товаров первой необходимости, ставя таким образом жизнь людей в зависимость «от объемов ввоза».

Нерентабельная деятельность сельскохозяйственных и промышленных предприятий нередко приводила к сокращению рабочих мест, что, в свою очередь, лишало часть населения области заработка и минимального, но гарантированного продовольственного обеспечения. Поэтому большая его часть, преимущественно сельская, вынуждена была решать продовольственную проблему через свое личное хозяйство, рентабельность которого, в силу обременительных налогов, взимавшихся с его хозяина, оставляла желать много лучшего. Минимальная отдача от него при больших физических затратах понудила четверть всех сельских дворов отказаться от «держания» всякого скота, одну треть колхозников — от «держания» коров, две трети — овец и коз. В Улаганском и Кош-Агачском районах количество «пустых дворов» составило более половины. Иначе говоря, значительная часть населения области «добровольно» лишила себя дополнительных источников пропитания. Содержать коров, причем только одну, позволяли себе, лишь жители Усть-Коксинского, Шебалинского и Онгудайского районов.

Великая Отечественная война наложила тяжелый отпечаток не только на жизненный уклад, но и на труд жителей Горного Алтая. Внесла она серь-

езные изменения и в сферу занятости. Так, если раньше женщины были связаны со своим домашним или личным подсобным хозяйством, то в годы войны и в первые послевоенные годы они стали основной производительной силой [6, с. 218]. Высокий удельный вес работающих женщин объяснялся и тем, что в структуре населения области на их долю падало две трети. Так, в 1947 г. в г. Горно-Алтайске число мужчин в возрасте до 60 лет составило 4093 человека, а женщин же до 55 лет — 8095 чел., [7, с. 223] т.е. больше в 2 раза. Такое же положение наблюдалось и в сельской местности. Особенно высокой их доля была в животноводстве: они работали чабанами, пастухами, телятницами, заготовителями [8, с. 14]. Представление о занятости сельского населения области в 1945-1946 гг. дает нижеприведенная таблица.

Таблица

Структура занятости сельского населения области в 1945-1946 гг.

Категории населения	1945 г.	1946 г.
Всего населения	89236	55725
в т. ч. женщин	55725	58680
Колхозники	46141	46380
в т. ч. женщин	28838	28988
Рабочие и служащие	42970	48390
в т. ч. женщин	26856	30237
Единоличники	607	717

Источники: Центр хранения архивных фондов Алтайского края (ЦХАФАК). Ф.61. Оп.1. Д.109. Л.1.

Примечания: Таблица составлена нами — А.В. Летов.

Как явствует из таблицы, основное население в указанные годы составляли женщины. Они же являлись и первыми работниками (по числу занятых) в общественном хозяйстве, как в сельскохозяйственном, так и в промышленном производстве.

Не изменилось положение в этом плане и в последующие годы. Так, в 1947 г. все население области составило 126986 чел., в т.ч. женщин — 68151(или 53,7%), из них алтаек — 14510 (или 21,3%). Основная их часть (13,1 тыс.) была занята в сельском хозяйстве, 8,9 тыс. человек работали в учреждениях и на предприятиях; 3,1 тыс. работали в промышленности [9, л. 1]. Пусть постепенно, но начал меняться и социальный облик сельского населения. К февралю 1948 г. из 99140 сельчан колхозное крестьянство составляло 51,1% или 50580 чел.; рабочих, служащих, кооператоров и кустарей — 47,7% или 47309 чел.; крестьяне-единоличники и не кооперированные кустари составили 12% или 1251 чел. [10, л. 8].

Менялись в послевоенные годы и условия быта сельского населения. Продолжалась тогда же и политика перевода алтайцев-кочевников на оседлость, для чего создавались в местах их кочевания колхозные поселения по типу русских деревень. Но, несмотря на это, сразу вытеснить юрты рублеными избами не удавалось. Ситуация изменилась лишь в конце 1940-начале 1950-х гг., когда значительная часть алтайских семей перешла жить в дома, не отказавшись при этом и от юрт, которые они использовали как подсобные помещения. Менялось,

в связи с переходом на оседлость, и социальное положение женщины-алтайки. Если раньше ей приходилось заниматься только своим домашним хозяйством, то в послевоенные годы она сочетала традиционные занятия с работой в колхозе, т.е. отныне женщина вынуждена была выполнять больший объем работы, от домашних дел ее никто не освобождал. Женщинам, как и раньше, приходилось выделывать овчины, шить одежду и обувь, и часто изготавливать посуду. Даже если в магазинах и имелся выбор из одежды, то она нередко была просто невостребованной, не подходила для суровых местных условий. Покупка отреза на платье или нового пальто была, в силу нехватки денег, большим событием. Но, даже имея деньги, далеко не всегда можно было приобрести обувь и одежду. Некоторая часть школьников старших и средних классов переставала учиться по «семейным и домашним обстоятельствам»: детям приходилось заменять взрослых во всем, выполнять домашнюю работу, нянчить малышей, трудиться в колхозе и т.д.

Психологами отмечено, что дети войны рано взрослеют, подобное взросление не проходит бесследно не только для здоровья молодого поколения — оно неизбежно связано с психологическими издержками. Выросло целое поколение детей без отцов, без дома (в полном смысле этого слова). Они выросли в неполной семье или вообще вне семьи, которую им заменила школа, детский дом или просто сверстники. Матери, трудившиеся целыми днями, зачастую не имели возможности контролировать не только учебу детей, но и их поведение. Многие подростки ушли на производство, чтобы заменить ушедших на фронт взрослых и обеспечить себе и своей семье средства к существованию. Подростки работали наравне со взрослыми, иногда по 10-12 часов в день. Тяжелый труд и постоянное недоедание не могли не сказать на здоровье молодого поколения как в стране в целом, так и в Горном Алтае [11, с. 26].

По возвращении демобилизованных, встал вопрос об их занятости. На основании закона о демобилизованных, бывшие солдаты, прибыв в свой колхоз должны были работать. Имели они право и уйти на производство [12, л. 11], чем часто пользовались. После отъезда в центральные районы страны специалистов и рабочих из числа ранее эвакуированных. Словом, на производство стали приходить в основном жители сел, ибо послевоенная разруха в сельском хозяйстве не способствовала закреплению людей там [13, с. 32].

В послевоенные годы деревня находилась в сложном экономическом положении. Были разрушены как индивидуальные хозяйства, так и общественные, катастрофически не хватало рабочего скота. Свои нужды по личному хозяйству колхозники осуществляли собственными силами, буквально сами впрягались в плуг, на себе везли дрова, сено и т.п. [14, с. 253]. Недостаток техники значительно осложнял условия труда всего населения Горного Алтая. Имевшиеся в области МТС не покрывали всех потребностей сел в технике. Число МТС в области с 7 в 1949 г. достигло 11 в 1953 г. [15, с. 72], а количество сельхозартелей и совхозов превышало их в десятки раз. Тракторный парк самих кол-

хозов и совхозов, и без того крайне незначительный, уменьшился за годы войны более чем на 20% [16, с. 89]. Не хватало не только техники, но и лошадей, зачастую колхозникам приходилось пахать землю на коровах и сеять вручную [4, с. 245].

Как правило, в особенно сложных условиях проходила уборка урожая. Недостаток техники, складов, отсутствие нормальных дорог осложняли работу, создавали напряжение для колхозников. Люди жили в полях, работали на износ. Очень низким был уровень механизации и в кооперативной промышленности. Доля ручного труда на предприятиях системы облпромсоюза составляла от 65 до 90%. Треть промысловых артелей вообще не имела никакой механизации. Такая же ситуация сложилась и в местной промышленности. По производительности труда и к 1950 г. не был достигнут довоенный уровень. Среднегодовая выработка на 1 рабочего составляла в 1950 г. 427 руб. (в ценах 1926-1927 гг.) вместо 648 рублей в 1940 г. [17, с. 10], а это, соответственно, отражалось и на реальной заработной плате. В сельском хозяйстве, крайне слабо электрифицированном, электроэнергия в производственных процессах почти не применялась [16, с. 73].

В нелегких условиях приходилось трудиться в послевоенные годы и животноводам. Главы колхозов, даже имея большие суммы капиталовложений, практически не строили теплых помещений для пастухов, а имевшиеся помещения были не оборудованы и находились, как правило, в антисанитарном состоянии. Ухудшало положение и то, что многие колхозы Кош-Агачского аймака не имели пригодных помещений для приема народившегося молодняка, и пастухам, у которых на ответственности находилось по 300-400 голов, во время окота приходилось принимать молодняк в свой аил [18, л. 143], что нарушило все санитарные нормы. Многие чабанские стоянки располагались в удалении от крупных сел, что вызывало ряд сложностей с их обеспечением. Зачастую у них не было предметов первой необходимости, спичек, соли, чая, нельзя было достать даже иголки [19, л. 143]. Кроме того, для обеспечения пастухов продовольствием, и, в первую очередь, хлебом, не существовало необходимой инфраструктуры. Пастухам, по данным 1945-1947 гг., приходилось использовать фураж, получаемый на скот для собственного питания [19, л. 2].

Одновременно, в области имелось много мелких и удаленных населенных пунктов, в которых вообще не было государственных предприятий и организаций. Значительная часть населения таких сел не участвовала в общественном производстве, и считалась не занятым трудоспособным населением области, она занималась подсобным хозяйством и промыслами самостоятельно, что отнюдь не улучшало их жилищного положения и не освобождало от налогового бремени.

Не были решены и проблемы с качеством трудового устройства и, соответственно жизненного уровня инвалидов, который оставался крайне низким. Так, к 1951 г. на неквалифицированных работах было занято 116 инвалидов войны (26,4%), и инвалидов труда (14,2%). Всего же в области работало 81,9% инвалидов Отечественной войны, в тоже время 83 инвалида 3 группы не работало, а

всего по области не работало на 01.01.1950 г. — 58,6%, инвалидов труда, а на 01.01.51 г. — 45,9%. Такое снижение произошло за счет инвалидов 3 группы: на 01.01.51 г. их было трудоустроено 83,6% [20, л. 4]. Часть населения Горного Алтая, по-прежнему, занималась различными промыслами, подработками. Это облегчало, в какой-то мере, послевоенное трудоустройство людей. Сезонность сельскохозяйственного труда, обусловленная спецификой производства в отрасли, с одной стороны, приводила к неравномерной и неполной занятости колхозников, а с другой, — требовала максимального привлечения всех резервов рабочей силы — подростков, престарелых, инвалидов на период полевых работ. Неполная занятость колхозников, особенно в период с поздней осени и до весенних полевых работ, недостаток средств, толкала их на отходничество, т.е. на временное трудоустройство вне колхозов. Кто-то подрабатывал скорняком, сапожником, но для большинства колхозников самым реальным занятием на зимний период были лесозаготовки. На них в послевоенные годы практически не было какой-либо механизации. Заготовка и вывоз леса производились в основном за счет привлечения сезонных рабочих и тягловой силы из колхозов области. Большая удаленность и расходы на перевозку леса гужевым транспортом делали леспромхозы не рентабельными. За 1947-1948 гг. их убытки составили 480 тыс. руб. [4, с. 256]. В начале 50-х гг. на лесозаготовках стало сокращаться количество колхозников и колхозного тягла, началось складывание слоя рабочих лесной промышленности.

На местах нередко происходили нарушения в выдаче заработной платы. Например, в 1952 г. по результатам проверок жалоб граждан, на руднике Колгути были обнаружены жульнические действия его начальника Гусева и группы счетных работников. Эта группа присваивала деньги рабочих, пропивала их, зарплату задерживали по 2-3 месяца, а вместо денег выдавали через магазин продснаба продукты, что приводило к путанице начисленной рабочим зарплаты. Ушедшими же в армию рабочим зарплату не выдавали, а в ведомости вносили фиктивные подписи о получении денег [21, л. 114].

В колхозах существовал постоянный недостаток рабочих рук, особенно по сезонам, что вынуж-

дало руководство дополнительно нагружать работой имевшиеся в селе кадры и прибегать к найму работников. Это было следствием все еще сохранившегося внеэкономического принуждения к труду, недостаточной материальной заинтересованности работников. В период сезонных работ привлечение наемной рабочей силы было недостаточным. С 40-х гг. стала развиваться система принудительного привлечения на сельскохозяйственные работы горожан. Широко использовался и труд пожилых людей, подростков. Высокая выработка трудодней с одновременным привлечением дополнительной наемной силы свидетельствовала и о завышении планов колхозам, и о низкой эффективности форм организации труда и производства. Нарушение же принципа материальной заинтересованности в колхозах, отсутствие необходимых товаров и продуктов толкало людей к занятию своим личным подсобным хозяйством, бытом, что ложилось дополнительным бременем на плечи населения области, а кроме того, свое хозяйство не давало желаемой отдачи в силу системы налогообложения.

Таким образом, за исследуемый период, в силу исторических, культурных и природно-климатических условий уровень и условия жизни и труда населения Горного Алтая не претерпели кардинальных изменений. По-прежнему, как и в военные годы, основную нагрузку на производстве несли на себе женщины. Сложившееся после войны положение с обеспечением продуктами, население вынуждено было решать через посредство своего личного хозяйства и промыслы. Скота же у селян почти не было. Его не имели около трети семей области, мало было надежд и на огородничество, его развитие в ряде аймаков в силу климатических условий края было просто невозможным.

Продолжался в послевоенные годы и прерванныйвойной перевод алтайцев-кочевников на оседлость и, как следствие этого процесса, происходило вытеснение из жизни алтайцев их традиционного типа жилья — юрт, рубленными избами. Однако данные «преобразования» шли очень медленно. По-прежнему, отсутствовала развитая система путей сообщений. В силу этого, многие населенные пункты месяцами были отрезаны от райцентров и оставались без медицинской помощи, продуктов и товаров первой необходимости.

Библиографический список

- Казанцева, В.П. Горный Алтай в первом послевоенном десятилетии (1946-1959 гг.) / В.П. Казанцева. — Горно-Алтайск, 1992. — 54 с.
- Зубкова, Е.Ю. Общество вышедшее из войны: русские и немцы в 1945 году / Е.Ю. Зубкова // Отечественная история. — 1995. — №3.
- Очерки по истории Горно-Алтайской областной организации КПСС. — Горно-Алтайск, 1971. — 394 с.
- Тугукова, В.Н. Южная Сибирь: послевоенная. 1945-1965 гг. / В.Н. Тугукова. — Абакан. — 1993. — 194 с.
- Мальков, Р.А. Формирование и развитие советского рабочего класса на Алтае (1917-1965 гг.) / Р.А. Мальков. — Новосибирск, 1969. — 328 с.
- Город любимый. Горно-Алтайск, 1998. — 368 с.
- Тощакова, Е.М. Женщина-алтайка в советский период — Ученые записки. №4. — Горно-Алтайск, 1961.
- Центр хранения архивных фондов Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф.61. Оп.1. Д.108.
- Комитет по делам архивов Республики Алтай (КДА РА). Ф. 61. Оп. 5. Д. 11.
- Зубкова, Е.Ю. Послевоенное советское общество / Е.Ю. Зубкова. — М., 1999. — 229 с.
- КДА РА. Ф.1. Оп. 2а. Д. 116.
- Население Западной Сибири в XX веке. — Новосибирск, 1997. — 172 с.
- Моисеева, И.Ю. Продразверстка 1946-1947 гг. / И.Ю. Моисеева // Дискуссионные вопросы Российской истории. — Арзамас, 2000.
- Народное хозяйство Алтайского края. Стат. сб. Барнаул, 1958.
- Лизина, А.И. Алтай в послевоенный период / А.И. Лизина. — Барнаул, 1974. — 224 с.
- Киселев, Н.М. О некоторых особенностях развития экономики Горного Алтая в послевоенный период / Н.М. Киселев. — Горно-Алтайск, 1964. — 171 с.
- КДА РА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 673.

19. Там же. Ф.58. Оп. 1. Д.381.
 20. Там же. Ф.48. Оп.2. Д.37.
 21. КДА РА. Ф.1. Оп.2а. Д.148.

Горно-Алтайский государственный университет
 Получено 25.04.08.

A.V. Letov

TO THE PROBLEM OF LIFE AND LABOUR CONDITIONS
 OF POPULATION IN GORNU ALTAI DURING THE FIRST PAST WAR YEARS

There is on the basis of analysis of Soviet Government policy shown a turned out situation on the field of labour and life of Gorny Altai population in this article. There are revealed common regularities and especial features and basic tendency of past war time (1946-1953).

Gorny Altai, social development, post — war time

УДК 9 (С19)

E.B. Makitрюк

ЭВОЛЮЦИЯ ДЕЙСТВИЙ ЦАРСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ПО ПРИВЕДЕНИЮ В РУССКОЕ ПОДДАНСТВО КОННЫХ ЭВЕНКОВ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

На критическом анализе политики русских властей в отношении туземного населения Приамурья, исследуется эволюция конкретных мер по приведению в русское подданство конных эвенков.

этнос, приведение в подданство, манегры, кочевые

Айгуньский (1858 г.) и Пекинский (1860 г.) договоры юридически закрепили за Россией земли Приамурья и Приморья. Они же стали правовой базой для становления и последующего развития пограничных отношений между двумя государствами, как на региональном, так и общегосударственном уровнях. Но при всей их важности имели данные договоры и некоторые «недоработки», породившие в дальнейшем определенную напряженность в отношениях между Петербургом и Пекином.

Заключению вышеназванных договоров предшествовали, как часто это бывает, экспедиционные и иные «исследования» пограничных территорий. Самую значительную работу в этом плане выполнила Амурская экспедиция (1849-1855 гг.) во главе с Г.И. Невельским. Итогом её работы стало обоснование, что народы Приамурья и Приморья никогда не находились в составе Цинской империи, а также то, что они «никогда не признавали ничьей власти» [1, с. 9]. Она же и другие путешественники, побывавшие тогда же на Амуре, зафиксировали наличие в крае «манегров»¹ — подданных Китая, обосновавшихся на землях среднего Амура [2, с. 726-727; 3, с. 79; 4, с. 197]. Ввиду их кочевого образа жизни, постоянных перекочевок и скучности данных о «сих людях», обозначить точное место проживания манегров не представляется возможным. Известно, что они, в отличие от оленных эвенков, кочевавших в таежной зоне, «гоняясь» за обширными луговыми пространствами для выпаса лошадей, кочевали по лесостепной полосе. Словом, путешественники нашли в середине XIX в. кочевья «сих амурских инородцев» по левому и правому берегам р. Амур от устья Зеи и на север до р. Албазихи. А путешествен-

ник Л. Шренк встретил шалаши манегров даже при устье Олдоя [5, с. 43].

Но указанные путешественниками земли были слабо заселены. Основная часть манегров располагалась в среднем и нижнем течении р. Кумары, где имелись их постоянные зимние жилища. Верховья же Амура, Зеи и их притоков использовались манеграми как охотничьи угодья в весенне-летний период. Когда ходило, большая их часть собиралась на Кумаре, где они уплачивали ясак маньчжурским нойонам (1 соболь с мужчины) и осуществляли меновую торговлю. Манегры, как известуют источники, состояли в «зnamённом войске», управлялись выборными старшинами и еще «чиновником, назначаемым высшим начальством» [3, с. 81].

Принимая во внимание эти свидетельства, отметим зависимость манегров от маньчжуров. Последние, следуя традициям их внешней политике, неизменно отделяли буферной зоной свои земли от земель зависимого от них населения. Однако при заключении Айгуньского и Пекинского договоров это обстоятельство не нашло своего отражения: установленная в них граница разделила кочевья манегров. Однако слабый контроль и малочисленность стражи, позволяли конным эвенкам охотиться на левобережье Амура, причиняя тем самым неудобство русскому населению (пускают палы, «крадут скот у мирных жителей, а шкуры зверей сбывают по большей части вынужденно маньчжурям») [6, л. 1-1 об.]. В силу этого, военный губернатор Амурской области неоднократно ставил перед Петербургом (на всём протяжении второй половины XIX в.) вопрос о кочёвках «инородцев неподвластных России».

¹ Этническая группа манегров в современной российской этнографии входит в состав эвенкийского этноса.

Но его предложения не были им услышаны. Русское правительство рассчитывало «сблизиться с кочующими инородцами», а потому даже поощряло «их действия». Однако, кто не соблюдал российские законы, тот лишался права кочевать в российских пределах. Но решая этот вопрос, самодержавие действовало в одностороннем порядке, не обращаясь к маньчжурскому правительству. Причина этого, крылась в слабости русского влияния в регионе. Признание же «верховенства» России манеграми могло послужить веским аргументом против притязаний маньчжур на левобережье Амура.

Однако действия Амурского военного губернатора не выглядели убедительными на фоне ежегодных ярмарок, устраиваемых на русской стороне, куда съезжались манегры для меновой торговли и уплаты «подати товаром» китайским властям [7, л. 1 об.]. Чтобы запретить подобное, он обязал земских заседателей 1-го и 2-го участков Амурской области «не допускать сборищ и не выдавать китайским подданным, желающим ехать вглубь страны, «русский билет» на срок не менее полугода», а также свидетельство на право розничной торговли. Кроме того, запрещался ввоз ханшин и если он обнаруживался при досмотре, то «виновные» — тоже не пропускались.

Отсутствие точных данных о количестве ярмарок, местах и приезжающих туда маньчжурских чиновниках затрудняют освещение данного вопроса. Оперируя данными 1887 г. можно предположить, что сбор подати маньчжурами происходил не на зимних ярмарках, а весной, при объезде рр. Холодный Ключ, Голубая, вблизи д. Москвитино, по р. Пёр в 25 верстах от дд. Бардагон и Селимдже (в 200 верстах от нее — Е.М.) и по некоторым другим рекам, расположенным как на левом, так на правом берегу р. Зеи. Второй район кочевий находился между рр. Урканом и Амуром, от р. Зеи до станицы Пермыкиной [7, л. 129 об.]. Поскольку торговые места и «торговые меры» не были упорядочены, то китайские торговцы, пользуясь этим, разъезжали по кочевьям манегров. Тоже самое, можно сказать и о маньчжурских сборщиках подати.

И все же царская администрация начинает все больше «интересоваться инородческим населением» Амурской области. Если в 60 гг. XIX в. манегры, кочевавшие на левом берегу Амура, значатся у нее в разряде «неподвластных России», то к концу 80 гг. XIX в. они уже начинают именоваться «нашими (т.е. русскими — Е.М.) подданными» [7, л. 114]. Это был результат несомненного усиления позиций России в регионе.

Усиление контроля русско-китайской границы, хозяйственного и культурного освоения Амурских земель привело к концу XIX в. к тесному «сближению» россиян с манеграми, что понудило правительство России окончательно решить вопрос о подданности последних, кочевавших на левобережье Амура. Ее поверенный в делах в Пекине старался «при каждом удобном случае изменить «анормальное положение инородцев», созданное Айгуньским договором, которое может обернуться «неудобствами» при столкновении с Китаем» [8, л. 4]. В силу этого, приведение манегров в русское подданство переросло из региональной проблемы — в об-

щегосударственную. В известной мере, этому способствовали и неудачные попытки властей области подчинить конных эвенков царским законам. Их зависимость от китайских и маньчжурских купцов, снабжавших манегров жизненно необходимыми товарами, а также ежегодный приезд цинских чиновников для сбора подати и раздачи «подарков», военная служба во внутренних войсках и страх «инородцев», подогревавшийся китайцами разговорами о «скоротечности» пребывания русских на Амуре и каре, которая падет на всех «варваров», принявших русское подданство, — все это, безусловно, препятствовало положительному решению вопроса, устраивавшего царскую администрацию. Неоднозначно воспринимали манегры и доводы русских властей. Они соглашались с ними, «что, живя на земле русского царя, пользуясь промыслами, не следует платить за наше добро чужому народу, служить солдатами у ничего не дающих им китайцев, но тут же спрашивали: отчего же тамошние чиновники приходят сюда за податью и солдатами» [8, л. 130].

Словом, донесения с мест, в частности, горного исправника Верхнеамурской и Зейской систем, свидетельствовали о необходимости принятия конкретных мер в решении вопроса о подданстве манегров, причем в самое ближайшее время, ибо сложившаяся ситуация «не может [так дальше] продолжаться, как не имеющая ни малейших оснований... ни каких-либо особых соглашений и прямо противоречащая здравому смыслу» [8, л. 152 об.]. Первым шагом в этом деле предлагался запрет именоваться «цинскими подданными во время кочёвки в пределах Амурской области», не подчиняться приказам маньчжурской администрации, не носить ее чины... не отправляться на китайскую службу... и числясь русскоподданными, подчиняться выборным родовым начальникам. Дабы пресечь поездки маньчжурских чиновников (под видом купцов) по кочевьям эвенков, был отдан приказ продавать манеграм «по сходным ценам все необходимое» [8, л. 153].

О необходимости законодательного оформления летних перекочёвок конных эвенков на русский берег Амура, причем в ближайшее время, говорит губернаторское распоряжение. «Необходимо, — писал он в апреле 1888 г., — предоставлять возможность ставить юрты на русском берегу, кто не захочет зимовать на левом берегу Амура, пускать для летнего промысла по билетам ближайших станичных атаманов» [8, л. 154 об.]. Иначе говоря, «хозяин» области намерен был решить этот вопрос уже к осени 1888 г. Однако, его решение считать манегров во время кочёвок на территории области русскими подданными, выглядит по крайней мере, весьма неубедительно, поскольку на осенне-зимний период «инородцы» переходили границу и вновь считались цинскими подданными и подчинялись местной администрации. На это обстоятельство указывали в своих рапортах Кумарский и Черняевский станичные атаманы. Они же сообщали и о желании некоторых конных эвенков перейти на постоянное жительство на русском берегу, но, без согласия всего рода, они не могли этого сделать [8, л. 174-175 об.].

Не удалось властям наладить регулярное снабжение манегров и необходимыми товарами. А такого рода акции — от случая к случаю — успеха не

имели, а потому и не стимулировали массовый переход манегров «под высокую руку русского царя». Немалую трудность для станичных правлений представлял учёт пересечений границы на подконтрольных участках. Были в этом деле и свои «успешные первопроходцы», в частности, деятельность земского заседателя 2-го участка Переверзева: он не только ликвидировал торговлю маньчжурских купцов, не имевших на то документов, но и назначил своим старшиной одного из манегров, а также получил согласие 99 кочевников перейти в русское подданство [8, л. 114-115]. Этому во многом способствовало круглогодичное пребывание конных эвенков на русской территории, по пр. Бире, Селемдже, Пёре, Бурее, Томи и Голубой.

В этой связи, не лишне отметить, что при общем благоприятном отношении манегров к русским, отдельные их были не столь дружелюбны. Они запрещали ловить рыбу на китайской стороне Амура, косить там сено, «считая себя и китайцев хозяевами противоположной правой стороны» [8, л. 177 об]. По словам конных эвенков, кочевавших на правобережье Амура, напротив станицы Кумарской, китайская сторона «в виду незаселённости, имеет большое преимущество для промысла» и возможность свободной торговли с китайскими купцами.

Учитывая эти обстоятельства, русские власти изыскивают административные и экономические пути для приведения манегров в русское подданство. При всей противоречивости и непоследовательности предпринимаемых действий, властям удавалось добиваться и положительных результатов: мирного решения вопроса о подданстве, давая возможность кочевникам самим выбирать путь своего дальнейшего развития. Разрешение заниматься традиционными промыслами на левобережье Амура по русским билетам, предоставление необходимых товаров «по сходным ценам», свидетельствовало о желании местных властей «всячески привлечь на свою сторону кочующих манегров». Решая эту задачу, они видели сильную зависимость манегров от маньчжурских купцов. Вырвать их из нее можно было лишь ликвидировав (при помощи русских) ре-

гулярные ярмарки на русском берегу, где продавались бы необходимые кочевникам товары. Но решить им эту задачу мешало плохое снабжение своего населения, а также незаинтересованность русских купцов в продаже отдельных видов продуктов, например *крупы* (*буды*).

Существенно «ударил» по престижу русской политики (в отношении конных эвенков) сбор «инородцев служивого сословия» китайскими властями. Это произошло, несмотря на то, что военный губернатор Амурской области знал о предстоящем приезде на российскую сторону маньчжурских властей во второй половине января 1895 г. [9, л. 183]. Командированные на российский берег маньчжурские чиновники для сбора войск, нарушили не только статьи Айгунского и Пекинского договоров, но и распоряжения канцелярии военного губернатора области. Подобное попустительство русских властей говорит, с одной стороны, об отсутствии для этого правовой основы, а с другой, — о попытках бесконфликтного решения проблемы подданства манегров.

Таким образом, можно заключить, что при разграничении территорий в Приамурье и заключении пограничных договоров в дальнейшем, не был решён вопрос о подданстве конных тунгусов, которые были одновременно и «кыштымами» цинского императора. Не была принята во внимание и их сезонная перекочёвка через сопредельную границу. Это всё сказалось в дальнейшем на попытках русских властей урегулировать сложившуюся ситуацию мирным путём, исходя из статей Айгунского и Пекинского договоров. Для царского правительства в отношении манегров характерна «эволюция» действий: от признания их «неподвластными России» и поощрения традиционных летних перекочёвок на левобережье Амура, при соблюдении ими российского законодательства, до утверждения о русском подданстве кочующих в пределах области конных эвенков и попытках распространения на них российских законов. Предпринимаемые меры, в виду сложности их выполнения и непоследовательности, не имели должного результата. В итоге перекочёвки китайских подданных через границу продолжались и в начале XX в. [10, л. 74 об].

Библиографический список

1. Алексеев, А.И. Амурская экспедиция (1849-1855).: дисс. ... д-ра ист. наук / А.И. Алексеев. — Москва, 1969. — 576 с.
2. Путешествие на Север и Восток Сибири А.Ф. Миддендорфа. В 2 ч. // Вестник И.Р.Г.О. — СПб., 1878. — Ч. 2. Коренные жители Сибири. — 852 с.
3. Маак, Р.К. Путешествие на Амур, совершённое по распоряжению Сибирского отдела ИРГО в 1855 г. / Р.К. Маак. — СПб., 1859. — 565 с.
4. Орлов Амурские орочены // Вестник И.Р.Г.О. — 1858. — Ч. 21.
5. Шренк, Л.И. Об инородцах Амурского края: в 2 т. / Л.И. Шренк. — СПб., 1883. — Т. 1. — 323 с.
6. Российский государственный архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 704. Оп. 1. Д. 515.
7. РГИА ДВ... Д. 659.
8. РГИА ДВ... Д. 124.
9. РГИА ДВ... Д. 804.
10. Государственный архив Амурской области (ГААО). Ф. 15и. Оп. 1. Д. 173.

Благовещенский государственный педагогический университет
Получено 24.04.08.

E.V. Makityuk

EVOLUTION OF IMPERIAL ADMINISTRATION OF HORSE EVENKIS OF AMUR REGION INTO RUSSIAN NATIONALITY IN MID-TOLATE OF XIX CENTTRY

Evolution of concrete measures on introduction of horse evenkis into Russian nationality is studied using the critical analysis of Russian authorities policy concerning native population of the Amur River basin.
etnos, take out citizenship, manegres, nomad

УДК 902

И.А. Новиков

РОЛЬ В.Н. ТАТИЩЕВА И В.И. ГЕННИНА В СТАНОВЛЕНИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ ГОРНОЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

В статье анализируется процесс формирования региональных органов управления горнозаводской промышленностью России и роль В.Н. Татищева и В.И. Геннина в этом процессе.

**горнозаводская промышленность, горная служба, горный округ, управленические кадры,
В.Н. Татищев, В.И. Геннин, Сенат, указ**

Петровская модернизация коренным образом изменила положение России и вывела ее в число мировых держав. Одной из составляющих данной модернизации стало создание горнозаводской промышленности в Карелии и на Урале. Появившиеся там заводы стали давать стране высокосортный металл, что позволило удовлетворить в нем не только внутренние потребности, но и поставлять его на европейский рынок. Этот успех горнозаводской промышленности, естественно, был невозможен без специалистов своего дела. Среди них можно выделить три «слоя»: высший, к которому относились горные начальники, управляющие округов, заводские управлятели, заводские и цеховые смотрители и главные специалисты; средний — помощники и ученики главных специалистов, заводские и цеховые надзиратели; и низший — старшие мастера и уставщики [1, с. 89]. Иначе говоря, состав «управленческих» кадров был неоднороден как по происхождению, так и по положению в обществе.

Процесс определения места «правленца» — горного офицера — в сословной структуре российского общества занял не один год. Начало ему положил в 1731 г. положил В.И. Генин. В письме в Сенат он писал о необходимости «дать» заводским служащим ранги офицерские и платить им «жалование... инженерных офицеров» [2, л. 28]. Представленный им «Табель горных чинов» был переработан в 1734 г. В.Н. Татищевым и утвержден императрицей как «Штат чинов при Сибирских горных заводах» [3, л. 465]. Однако попытки В.И. Геннина, а затем В.Н. Татищева уравнять горных офицеров с военными привело только к уточнению их права на обладание землей и крепостными. Свидетельство тому — указ 1737 г. «О жаловании деревен дворянам, находящимся на горной службе», выполнившийся, правда, не всегда и не в полном объеме [4, с. 152].

С началом строительства металлургических заводов и налаживанием системы управления ими, значительную роль в этом деле стали играть главные начальники. Наиболее яркими и неординарными личностями среди них были Василий Никитич Татищев и Вилим Иванович Геннин, внесшие наибольший вклад в развитие горнозаводской промышленности России в первой половине XVIII в. Первый поражал современников широтой интересов и знаний. Его идеи вписывались в систему нового мировоззрения, выражавшегося в отходе от провиденциализма к рационализму. Основой нового мировоззрения стала теория естественного права. Как и большинство ее последователей, В.Н. Татищев был приверженцем сильной исполнительной власти и

выступал за соответствие действующего законодательства естественным законам. Если говорить об его экономических взглядах, то их источником были реформы Петра I, его практическая деятельность и взгляды западноевропейских экономистов. В «Рассуждении о ревизии поголовной и касающейся до оной» ученый писал, что «все можем в уставах, законах и учреждениях премудрого Петра Великого обрести, если кто оные правильно разуметь и употребить может, а к тому мудрых философов политические и экономические книги способствуют» [5, с. 720]. Вместе с тем, он считал, что жизнь вносит много поправок и изменений. «Все дела человеческие, — писал он, — ... требуют от времени до времени исправления... так и всем, что до купечества и рукоделий принадлежат» [6, с. 90]. Окончательно же взгляды В.Н. Татищева оформились в 30-40-е гг. XVIII в., когда он уже имел опыт государственной деятельности и мог на практике их проверить и обобщить. В своих записках и проектах он пытается решить вопрос об источниках богатства и благосостояния страны.

В.Н. Татищев, как уже упоминалось выше, был сторонником меркантилизма, основой которого он считал промышленность и торговлю. Наконец, он выступал за жесткую регламентацию и вмешательство государства в деятельность частных горнопромышленников. Государство же, по его мнению, должно было содействовать им в обеспечении их рабочей силой, оказывать им финансовую и техническую поддержку, посыпать на заводы специальных чиновников, которые бы следили за их деятельностью [7, с. 201]. В.Н. Татищев выступал также за создание металлургических заводов, которые бы производили разнообразную продукцию для своих нужд и на вывоз: «Железные здешние заводы рассудили мы устроить и содержать в таком состоянии, чтобы сверх внутренних потреб и мелких фабрик, могли каждогодно в заморский отпуск годного делать» [6, с. 90]. В этом он видел обеспечение экономической и политической независимости страны. С помощью высоких пошлин В.Н. Татищев предлагал защищать русские товары от конкуренции с иностранными, т.е. он выступал за развитие протекционистской политики.

Судьба Василия Никитича была сложной. При жизни он был более известен как инженер и чиновник-администратор. Позднее с его именем связывали только исторические изыскания, в частности, с его «Историей Российской». Вместе с тем, немалое значение имеют и его заслуги в военно-государственной деятельности, которая продолжалась около 40 лет (16 из них — военная, 25 — административ-

ная). Словом, он был сыном своей эпохи: и воином, и финансистом, и администратором, и дипломатом, и политиком, и ученым. Живя на рубеже веков, В.Н. Татищев воплощал в себе черты переходной эпохи, когда в одном человеке легко уживались грубость и любезность, обаяние и надменность, а внешний лоск соседствовал с варварством и жестокостью.

В марте 1720 г. он по указу Петра I отправился на Урал руководителем группы специалистов для обследования металлургической промышленности огромного Урало-Сибирского региона. В инструкциях, данных Берг-коллегией, ему вменялись административно-финансовые и материальные обязанности. Его пребывание на Урале продолжалось всего полтора года. Однако за это время он сумел многое сделать: перенес на новое место Уктусский завод, учредил надзор за частными заводами, предлагал (изучив состояние дел) перенести Ирбитскую ярмарку на другое место, а также «перенести» дорогу из Верхотурья в Кунгур [8, с. 47-48]. Предлагал также В.Н. Татищев построить новый завод на р. Исеть и сделать его центром горнозаводского Урала, поскольку это место было ближе к рудникам и было богато лесом. Не дожидаясь ответа из Берг-коллегии, он начал даже подготовительные работы. Однако Петербург не поддержал его. Ссылаясь на острую нужду в «медном производстве», он заявил, что «железных заводов везде довольно, а медных заводов дровами не оскудить, [а посему] лучше заводить серебряные, серные и квасцовы [заводы], ибо таковых в России нет» [9, с. 48-52]. Такой ответ насторожил В.Н. Татищева: он заподозрил недоверие членов Берг-Коллегии к нему и их «интригу к себе». В ответ на отказ В.Н. Татищев отписал в Берг-коллегию, что, если ему не доверяют, то необходимо прислать чиновника с большими полномочиями и учредить горное начальство, которому и дать власть. Однако из коллегии последовал ответ, что им довольно за его службу [10, с. 61].

Большое значение придавал В.Н. Татищев образованию. При всех казенных заводах им были открыты школы, в которых обучали арифметике, геометрии и горным наукам [9, с. 66]. В деревнях, приписанных к заводам, также были устроены школы грамотности. Для привлечения в школы большего числа учеников, В.Н. Татищев обещал грамотным освобождение от рекрутчины. Призывая «охотников» к учению, он наставлял, чтобы они учились читать, «тогда их подъячие не смогут так обманывать» [11, с. 17]. Кроме того, он издал распоряжение о сборе детей, их переписи и назначении для них учителя [12, л. 105-106].

Встретил В.Н. Татищев на Урале и сильного врага в лице заводчиков Демидовых. Привыкнув к своему безраздельному господству, они были недовольны действиями В.Н. Татищева, требовавшего везде порядка и соблюдения законов. Для ограждения своей «империи» Демидовы вынуждены были обратиться к своим покровителям: Ф.М. Апраксину и А.Д. Меншикову [10, с. 61]. Для разрешения конфликта на Урал выехал генерал-майор В.И. Геннин. Все это поставило В.Н. Татищева в двойственное положение. С одной стороны, он оказался под судом, а с другой, — Берг-коллегия подтвердила его полномочия как ее представителя. Осознавая сло-

жившуюся ситуацию, он направляет прошение в Берг-Коллегию о «невозможности им занимать должность до окончания розыска», а после завершения дела — разрешить «отставку». Берг-коллегия согласилась только с первым предложением и 7 августа 1722 г. его отстранили от дел «до окончания розыска», но, в конечном итоге, В.Н. Татищев вынужден был покинуть Урал.

Новым начальником горных заводов Урала был определен В.И. Геннин — «строитель Петербурга и Екатеринбурга», крупнейший инженер-металлург первой половины XVIII в., создатель первого описания Уральских и Сибирских заводов. Оказавшись на Урале для расследования конфликта В.Н. Татищева с Демидовыми, он «осел» затем здесь на 12 лет, в течение которых управлял горнозаводской промышленностью края.

В России В.И. Геннин оказался, как известно, в конце 1697 г.: он подал тогда прошение о принятии его на русскую службу [13, с. 214]. Просьба «иноземца» была удовлетворена: 10 мая 1698 г. его приняли фейерверкером в Оружейную палату [14, с. 117]. С 1712 г. начинается государственная деятельность В.И. Геннина, которой он отдаст более 30 лет. В том же году ему было приказано достроить литейный двор и пороховые заводы в Петербурге. Отлично выполнив это поручение, он в 1713 г. был назначен Олонецким комендантом и начальником Петровских, Повенецких и Кончеозерских заводов [15, с. 17-18]. Это было очень ответственное назначение: вышеозначенные заводы имели важное значение, т.к. они находились недалеко от места военных действий и являлись основными поставщиками оружия для русской армии. Однако они не справлялись со своими обязанностями, и В.И. Геннин должен был «исправить» их работу. И это ему удалось: он наладил производство, перестроив для этого заводы и усовершенствовав их технику, заменил старые домны новыми, с большей производительностью. До этого на Петровском заводе работала только одна домна, через год — уже четыре, а на Повенецком — три [15, с. 94-95, 122]. Благодаря модернизации, Петровский завод достиг при нем высшей точки «своего развития»: он стал одним из самых высокомеханизированных предприятий [16, с. 18]. Главная «обязанность» В.И. Геннина состояла в «желании царя наладить выпуск пушек, которые были бы не хуже шведских». И он выполнил это поручение: из 1000 пушек только три разрывались на испытаниях. Словом, Геннинские заводы стали основным поставщиком пушек, ружей и снарядов для русской армии и флота [15, с. 58-62]. В 1721 г. В.И. Геннину поручили построить Сестрорецкий оружейный завод, а также разработать проект строительства канала между Москвой и Волгой [14, с. 16].

Но не только увеличение выпуска продукции интересовало В.И. Геннина, заботило его и обучение рабочих. Для этого, он учредил на Петровском заводе школу, в которой обучал рабочих доменному, пушечному, якорному и другим заводским ремеслам [15, с. 65]. В районе заводов были обнаружены минеральные воды, которые несколько раз посещал Петр I. Во время очередного лечения он осмотрел заводы и остался доволен их работой, по-

жаловав за это их начальнику «портрет Его Величества с алмазами» [17, с. 7].

Для улучшения качества производимой продукции и знакомства с европейским опытом В.И. Геннин часто ездит за границу, в частности, в Голландию, Саксонию, Пруссию, где он изучает более совершенную технику и вербует иностранных специалистов. После поездки в «Европу» в 1719 г. он полностью перестраивает заводы и устанавливает на них иностранную технику [18, с. 15], о чем не замедлил доложить: «Построил я новую плотину... и ныне строил машины» [19, с. 118].

6 марта 1722 г. В.И. Геннин был произведен в генерал-майоры и назначен (в конце марта — И.Н.) управляющим горными заводами Урала [17, с. 8]. Став им, он потребовал для себя широких полномочий: «Чтоб я имел в Сибири полную мочь. Дабы губернатор по моим требованиям, не только послушен был, но все то, что к строению заводов надобно, охотно и немедленно отправлял» [17, с. 26]. По опыту работы на Олонецких заводах В.И. Геннин знал, что ему будут чинить противодействие и местные воеводы, и Тобольский губернатор. Не очень-то рады будут его деятельности и частные заводовладельцы. Поэтому желание В.И. Геннина «о их послушании» было вполне обоснованным [17, с. 20]. Кроме того, он понимал, что на Урале ему будет не хватать грамотных специалистов. Поэтому, уезжая, он забрал с Олонецких заводов и из Петербурга мастеров, подмастерьев и учеников (36 чел.) [17, с. 22-24, 28].

Прибыв на Урал, он первым делом осмотрел медные, железные рудные места и «учинил там большую пробу», которая показала, что «данные месторождения прибыльны» [17, с. 40]. Они поразили его (особенно залежи железной руды), «кои находятся...гнездами в земле» [17, с. 30]. Высокую их оценку подтвердила и первая плавка («железо явилось плотно и без жил... такое мягкое, что его невозможно было переломить... такое чистое, что я такова еще нигде не видел» [17, с. 30]. Однако восторг В.И. Геннина от природных богатств Урала тут же рассеялся, как только он посетил казенные заводы. Они произвели на него удручающее впечатление. Их место расположение было неудобным, заводы испытывали нехватку воды и припасов, а работавшие там мастера были «бездельными и необученными» [17, с. 41-42].

Закончив осмотр заводов, В.И. Геннин приступил к практическим делам: осуществлению целей своей поездки. Начал он с восстановления работы старых заводов и поиска новых месторождений. За первые два года им были перестроены и расширены 3 и построено 8 новых заводов [20, с. 573-575]. При их строительстве он увеличивал размеры домен, изменял верхнюю часть их конструкции, усовершенствовал устройство дутья домен [21, с. 64]. Наряду с этим, им были введены «новые производства» на Екатеринбургском заводе: жестяная и лудильная фабрики [22, с. 76]. Кроме того, при В.И. Геннине была построена столица горнозаводского Урала — Екатеринбург.

Как старые, так и вновь построенные заводы требовали квалифицированных специалистов. Привезенных с Олонецких заводов мастеровых не хватало. Поэтому В.И. Геннин постоянно и настойчи-

во просит прислать ему новых. Развивая казенную горнозаводскую промышленность, В.И. Геннин не упускает из виду и частные заводы. В противовес В.Н. Татищеву, он поддерживал дружеские отношения с Демидовыми, Строгановыми, А.Д. Турчаниновым и др.

Увеличение числа заводов поставило закономерный в таких случаях вопрос: о формировании органов горнозаводского управления. В 1723 г. В.И. Геннин переводит Сибирское высшее горное начальство из Уктусского завода в строящийся Екатеринбург и переименовывает его в Сибирский обер-бергамт. После этого, он составляет первые в России заводские штаты. Но его отношения с Берг-коллегией тоже не заладились: в ее деятельности он видел только бюрократическую волокиту. Несмотря на получаемые прибыли, деятельность заводов оценивалась ей отрицательно. Особенно обидным было для В.И. Геннина то, что клевету на него распространяли люди, «которые... государству никакой прибыли не показали ни от заводов... ни от горных дел, кроме хвастовства и на бумаге» [17, с. 404-405]. В силу этого, В.И. Геннин поднимает вопрос о своей замене. Однако его просьба осталась без ответа.

Как явствуют источники, В.И. Геннин вел широкую переписку. Его корреспондентами были Петр I, Екатерина I, князь А.Д. Меншиков, генерал Я.В. Брюс, граф Ф.М. Апраксин и др. Во многих посланиях он поднимал вопросы экономического развития России. В частности, в 1726 г., в доношении Верховному Тайному Совету он предлагал изготавливать платы в одну и пять копеек, выступая, одновременно, против уменьшения веса меди в монете. «Какой вред, — писал он, — происходит от многих и разных лехких денег?.. Они несут народу явный и напрасный убыток» [17, с. 365].

К замечаниям В.И. Геннина Сенат на этот раз прислушался, да и работа его была по достоинству оценена: в 1727 г. он был произведен в генерал-лейтенанты, а в 1731 г. удостоен ордена Святого Александра Невского. Однако к этому времени, в деятельности В.И. Геннина уже не было былого размаха. Главную причину своего «безделия» он видел в чрезмерном занятии «несносными приказными делами» [17, с. 15]. Чтобы уйти от них, он вновь заводит разговор об отставке. В 1734 г. он получает ее и уезжает с Урала. Прибывший на смену ему В.Н. Татищев, сразу же обвинил своего предшественника в халатном отношении к финансовым делам, во взяточничестве и «укрывательстве раскольников». Обвинениям, естественно, никто не поверил, поскольку В.И. Геннин представил Анне Иоанновне подробнейший отчет о своей деятельности на Урале (сегодня он известен историкам как «Описание Уральских и Сибирских заводов» — И.Н.), который будет позднее опубликован в виде книги. По свидетельству историка М.Ф. Злотникова, Анне Иоанновне больше понравился отчет, нежели книга [17, с. 16].

По возвращении в Петербург В.И. Геннин был назначен в 1735 г. начальником Главной артиллерийской канцелярии и членом Военной коллегии, а в 1736 г. стал управляющим Сестрорецкими и Тульскими заводами [23, с. 283]. Спустя пять лет, в

1742 г., он вышел отставку «от оружейных и заводских дел за старостию и болезнию» [24, с. 330].

Прибывший же на Урал В.Н. Татищев возглавил Канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов. Под его руководством родились проекты строительства новых горных законов России, Горный и Заводской уставы, Наказ шихтмейстера. Для их обсуждения создаваемых документов было созвано в декабре 1734 г. совещание частных промышленников. Однако оно не было должным образом подготовлено. И как результат — организаторы и участники его не пришли к единому мнению по проекту Горного устава. Было условлено договориться обо всем на следующем заседании. Но оно не состоялось, в связи с вспыхнувшим 15 августа 1735 г. восстанием башкир. Свидетельств о том, было ли оно созвано позднее, пока не обнаружено. Известно лишь, что промышленники представляли в Сенат «свои мнения» до января 1736 г. [25, с. 8, 19-20].

Говоря о проектах, предложенных В.Н. Татищевым, следует отметить, что особую неприязнь чиновников вызвал проект учреждения должности «шихтмейстера», который обязан был контролировать деятельность заводовладельцев и их приказчиков [26, с. 204]. Несмотря на то, что проект не был утвержден Анной Иоанновной, В.Н. Татищев, тем не менее, руководствовался в своей деятельности изложенными в нем принципами. Даже после его отъезда, проект являлся неофициальным «руководством» в деле управления горнозаводской промышленностью России.

Во время пребывания В.Н. Татищева на Урале, там велось строительство 5 железоделательных и 2 медеплавильных заводов. Особо покровительствовал он рудознатцам, что привело к естественному расширению разведанных запасов сырья. Самым крупнейшим из найденных месторождений было «Благодатненское» — залежи железной руды на горе Благодать, о которых В.Н. Татищев писал Анне Иоанновне, что «руды там — множество, [она] весьма хороша и богата» [27, с. 196].

Наряду с прямыми обязанностями, исполнял В.Н. Татищев и «иные». К числу таковых относилась и борьба с раскольниками, которые составляли значительную часть населения заводов. К примеру, только у Демидовых их доля среди рабочих доходила до 43% [28, с. 21]. Более того, большинство старост и приказчиков на частных заводах являлись не просто раскольниками, а руководителями раскольнических общин. В.Н. Татищев, как известно, раскол не принимал, но и не приветствовал кругих мер по борьбе с ним, понимая, что если ее вести, то на заводах некому будет работать, упадет количество выплавляемого металла и, естественно, уменьшатся доходы казны. Однако, как только вышел указ об искоренении раскола на Урале, В.Н. Татищев, в силу занимаемой должности, обязан был его выполнять. В самые глухие места им

были отправлены воинские команды со строгим приказом: сжигать скиты, а найденных там раскольников доставлять в Екатеринбург и затем отправлять на старое место жительства или в монастыри. Однако эта акция провалилась, т. к. большинство отправленных не доехали до места назначения, ибо по пути «исчезли», а разгромленные скиты быстро заполнились вновь [29, с. 69-70].

К этому времени в Петербурге произошли значительные изменения: со смертью К.Р. Левенвольде, фаворита Анны Иоанновны, возросло влияние Э.И. Бирона, который вывел из Саксонии барона А.К. Шемберга и в 1736 г. поставил его во главе Генерал-Берг-директориума. «Заговорщики» вознамерились взять казенные заводы под свое управление. Такого В.Н. Татищев, естественно, допустить не мог. А посему от него решили избавиться: он был назначен главой Оренбургской экспедиции. В 1737 г. он навсегда покинул Уральские горные заводы. В конце своей жизни В.Н. Татищев писал, что рассчитывал принести пользу «сочинением истории и географии, но так уж сложилось, что ему пришлось заниматься разнообразной деятельностью» [30, с. 279].

Таким образом, в XVIII в. зародилась и стала активно формироваться в дальнейшем система управления горнозаводской промышленностью России. Тогда же начал складываться и административно — управленческий персонал горных заводов, среди которых главную роль стали играть главные начальники. В их числе заметно выделялся В.Н. Татищев, которого по праву можно отнести к выдающимся деятелям России первой половины XVIII в. Без преувеличения, трудно найти сферу деятельности, к которой бы не обратился его пылкий взор. Не обошел он своим вниманием и управление, в силу специфики своей государственной деятельности (он занимал должность Главного начальника горных заводов Урала, руководителя Оренбургской и Калмыцкой экспедиций, Астраханского губернатора — И.Н.) ему приходилось сталкиваться с вопросами управления. Тоже самое можно сказать и о В.И. Геннине. Именно благодаря его «техническому таланту» и «искусству руководителя», Олонецкие и Уральские заводы стали крупным промышленным центром по производству металла и вооружения, их железо стало пользоваться спросом не только в России, но и в Европе. Благодаря ему, началась плановая разведка, а потом и плановаяработка рудных месторождений. Руководя заводами, он осуществлял различные усовершенствования при добыче руды, строительстве заводов, их технической модернизации (внедрил новое дутье в домнах, сооружал плотины и усовершенствовал использование энергии воды и т.д.). Кроме того, В.И. Геннин как и В.Н. Татищев многое сделал для формирования и совершенствования разветвленной системы регионального управления горнозаводской промышленностью России.

Библиографический список

- Дашкевич Л.А. Численность и состав технических кадров горных заводов Урала в первой половине XIX в. // Демографические процессы на Урале в эпоху феодализма. — Свердловск, 1990.
- Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 271. Оп. 1/6. Д. 3380.
- РГАДА. Оп. 1/1. Д. 12.

4. Дашкевич Л.А. Социально-правовое положение технических кадров горных заводов Урала в первой половине XIX в. // Власть, право и народ на Урале в эпоху феодализма. — Свердловск, 1991.
5. Попов Н.А. В.Н. Татищев и его время / Н.А. Попов. — М., 1861.
6. Алефиренко П.К. Экономические взгляды В.Н. Татищева // Вопросы истории. — 1948. — №12.
7. Павленко Н.И. «Наказ шихтмейстеру» В.Н. Татищева // Исторический архив. — 1951. — Т. IV.
8. Юхт А.И. Государственная деятельность В.Н. Татищева в 20- начале 30 гг. XVIII в. — М., 1985.
9. Научное наследство. Т.14. Татищев В.Н. Записки. Письма. 1717-1750. — М., 1990.
10. Кузьмин А.Г. Татищев. — М., 1987.
11. Бестужев-Рюмин К.Н. Василий Никитич Татищев: Администратор и историк начала XVIII в. 1686-1750. — СПб., 1882.
12. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Оп. 1. Д. 5.
13. Шандра А.В. К вопросу о некоторых биографических данных генерала де В.И. Геннина // Екатеринбург — вчера, сегодня, завтра. Материалы научно-практической конференции, посвящённой 275-летию города. — Екатеринбург, 1998. — Ч. II.
14. Берх В.Н. Дополнение к жизнеописанию В.И. Геннина // Горный журнал. — 1828. — Кн. 2.
15. Берх В.Н.. Жизнеописание генерал-лейтенанта В.И. Геннина, основателя российских горных заводов // Горный журнал. — 1826. — Кн. 1.
16. Петрозаводск. — Петрозаводск, 1993.
17. Геннин В.И. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. — Екатеринбург, 1995.
18. Злотников М.Ф. Первое описание уральских и сибирских заводов // Геннин В.И. Описание сибирских и уральских заводов. М., 1937.
19. Берх В.Н. Дополнение к жизнеописанию В.И. Геннина // Горный журнал. — 1826. — Кн. 3.
20. История Урала с древнейших времен до 1861 года. — М., 1989.
21. Бакланов Н.В. Техника металлургического производства XVIII века на Урале / Н.В. Бакланов // Известия Академии истории материальной культуры. — М.; Л., 1935. — Вып. 134.
22. Геннин В.И. Описание Уральских и Сибирских заводов / В.И. Геннин. — М., 1937.
23. Берх В.Н. Дополнение к жизнеописанию В.И. Геннина / В.Н. Берх // Горный журнал. — 1829. — Кн. 5.
24. РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 460.
25. Горловский М.А., Павленко Н.И. Материалы совещания уральских промышленников 1734-1736 гг. // Исторический архив. — 1953. — Т. IX.
26. Павленко Н.И. «Наказ шихтмейстеру» В.Н. Татищева / Н.И. Павленко // Исторический архив. — 1951. — Т. IV.
27. Научное наследство. Т.14. Татищев В.Н. Записки. Письма. 1717-1750. — М., 1990.
28. Черкасова А.С. Социальная борьба на заводах Урала в первой половине XVIII века / А.С. Черкасова. — Пермь, 1980.
29. Покровский Н.Н. Путешествие за редкими книгами / Н.Н. Покровский. — М., 1988.
30. Андреев А.И. Переписка В.Н. Татищева за 1746-1750 гг. // Исторический архив. — 1951. — Т. VI.

Челябинский государственный педагогический университет
Получено 18.04.08

I.A. Novikov

THE ROLE OF V.N.TATISHEV AND V.I.GENNIN IN THAT PROSESSES OF FORMATION REGATION OF GOVERNMENT BODIES METALLURGICAL INDUSTRY IN RUSSIA IN FIRST HALF XVIII CENTURY
In the article analyse the prosses of formation region of government bodies metallurgical industry in Russia and the role in that prosses of V.N.Tatishev and V.I.Gennin.

mining and metallurgical industry, mining servise, mining district, basic personnel, V.N.Tatishev, V.I.Gennin, Senat, decree

УДК 902

C.B. Селиверстов

АЛАШ И СИБИРЬ В 1918—1919 ГОДАХ: ПОЗИЦИЯ А. БУКЕЙХАНОВА И ТЕНДЕНЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассматривается развитие отношений между казахской национальной автономией Алаш и Временным Сибирским правительством в 1918-1919 гг. и позиция А. Букейханова в этих отношениях.

Россия, гражданская война, Сибирское правительство, казахская автономия Алаш, казахское общество, национальная политика, А. Букейханов

В истории взаимоотношений Казахстана и России, Сибири и Степного края есть немало важных и значительных событий. Одной из поворотных ситуаций XX века, когда в регионе были возможны разные тенденции развития, является противоречивый период 1918—1919 гг. Представляется, что его осмысление (особенно в национальном, региональном аспектах) должно быть продолжено. Перспективен подход, который позволяет рассматривать те или

иные национальные, локальные события на широком историческом и регионально-ситуативном фоне, во взаимодействии различных сил [1; 2; 3; 4; 5].

Для Степного края, где в 1917 г. утвердилась политическая идея Казахской автономии как полноправного субъекта новой Российской республики, было далеко не безразлично положение дел как в центре страны, так и в Сибири. Свидетельство тому — программа казахской политической партии

«Алаш», опубликованная 21 октября 1917 г. в газете «Казак». «Все казахские земли, — говорилось в ней, — объединяются в единое целое, [оно] обладают суверенитетом и входят в Российскую Республику на федеративных началах... В первое время Казахская автономия может составить единое образование вместе с другими заинтересованными в этом народами, а если нет, то с самого начала может стать самостоятельной единицей» [6, с. 439, 504]. Под последним, в силу геополитического положения казахских земель, что под «заинтересованными народами» могли подразумеваться и сибирский, и туркестанский регионы.

Как показывает анализ исторической ситуации, для лидера движения «Алаш» Алихана Букейханова (1866-1937) и его сторонников приоритетное значение в этих непростых условиях 1917 г. имело взаимодействие казахских земель не с Кокандской автономией (Туркестанским мухтарием), а скорее с Сибирской автономией [7, с. 21; 8, с. 165-170]. Примечательно и то, что общеказахский съезд, принявший это историческое решение о необходимости создания национальной автономии Алаш, проходил в декабре 1917 г. на севере — в Оренбурге — при протекции «белой» власти генерала А.И. Дутова [1, с. 213]. Разумеется, все эти региональные обстоятельства не были взаимоисключающими — в благоприятных условиях правительство Алашской автономии могло и должно было развивать отношения как на северном направлении, так и на южном. Однако уже в феврале 1918 г. туркестанское Кокандское правительство пало и, таким образом, возможности политических комбинаций для Алаш-Орды (т.е. правительства Алаш) сузились.

С другой стороны, изменилась вскоре и ситуация в Сибири: в конце мая 1918 г. советская власть была свергнута и 4 июля Омское Временное Сибирское правительство (ВСП) приняло «Декларацию о государственной самостоятельности Сибири». Лидеры казахской Алаш-Орды сразу же отреагировали на падение власти большевиков. Уже 13 июля 1918 г. они заявили, что Сибирь заняла «в этом освободительном движении центральное положение». И потому, «освободившиеся теперь от власти большевиков автономные области... должны сплотиться в грозный час, столкнуться и найти общий язык» [9, с. 120]. Исходя из такого понимания ситуации, в июле 1918 г. Алаш-Орда предложила ВСП установить взаимные отношения, заключить соглашение, которое бы регулировало административные, военные и финансовые вопросы, при условии признания Алаш-Орды «центральным органом казак-киргизского народа» [9, с. 121].

Эта записка (от 13 июля 1918 г.), направленная в адрес Совета министров Сибири, была подписана председателем Алаш-Орды и членами правительства. Этот коллегиальный документ отразил, тем не менее, безусловно, взгляды А. Букейханова и выявил особенности его воззрений на политические процессы в регионе. Уже с первых строк видно, что его авторы не стремятся к союзу с Сибирью любой ценой — для Алаш-Орды необходимо установить «правильные взаимоотношения между Сибирью и автономией Алаш». Правда, ситуация ос-

ложнилась тем, что народы России «очутились перед фактом разгона Всероссийского Учредительного собрания». И поэтому «многие области вынуждены были объявить государственную самостоятельность», в т.ч. и казахский народ, создав автономию Алаш. Однако теперь, когда «очищена от большевиков почти вся Сибирь и часть Киргизского края», здесь единой общероссийской государственной власти не существует. Лидеры Алаш-Орды отмечают, что освободившиеся от власти большевиков области «вынуждены встать на путь государственной самостоятельности», но все эти области «не могут остаться изолированными: они должны искать контакта, единения своих сил», вплоть до создания «общероссийской федеративной власти», а потому их сотрудничество является «государственно необходимым» [9, с. 122-123].

Констатируя, что события идут «с кинематографической быстротой», что возникают все новые автономии, руководители Алаш-Орды указывают, что страна «вступает на опасный путь дробления на множество губернских автономий, не признающих друг друга в момент, когда так нужно единение». И здесь А. Букейханов и члены Алаш-Орды с чувством достоинства указывают на цельность Киргизского края, «никогда не входившего в состав Сибири и Туркестанских областей». И только «разнообразные взаимные интересы Сибири и Алаш диктуют тесный союз обеих автономий», взаимное признание и объединение которых существенно увеличит их силы [9, с. 125].

А. Букейханов и его соратники предупреждают правительство Сибири, что затягивание переговоров может привести к тому, что отдельные казахские области «будут сепаратно искать ориентаций с Туркестаном». В этой ситуации «опасность распада автономии Алаш вынудит Алаш-Орду решиться на крайние меры, отказаться от союза с Сибирью». Оперативное же признание сибирским правительством автономии Алаш, утверждали руководители Алаш, создаст возможность не только сохранить политическое единство казахского народа, но и «отянуть Туркестан от немецкой ориентации, сохранить его в пределах Российской Федерации» [9, с. 125-126].

Как видим, А. Букейханов и его сторонники воспринимали интеграцию с Туркестаном как крайний, но возможный вариант в том случае, если Сибирь не установит конструктивных отношений с Алаш. Вот на таком понимании региональной ситуации и предлагала Алаш-Орда Временному Сибирскому правительству заключить межправительственное соглашение, которое позволило бы не только поддерживать порядок, но и упорядочить административное управление на территории Алаш.

При этом следует подчеркнуть, что А. Букейханов смотрел на региональные дела гораздо шире, нежели только как на алашско-сибирские отношения. Он предлагал созвать в ближайшее время «конгресс депутатов автономных народов и окраин», с целью создания «федеральной власти», которая «сплотит разрозненные автономии, спаляет их «для защиты интересов Союза, как от внутренних, так и от внешних врагов» [9, с. 127], т.е. руководители Алаш-Орды думали даже в то критическое время (когда

Центральная Россия была занята большевиками) о создании полноценного «федеративного союза». Кто же мог стать субъектом этого нового союза? На тот момент, по мнению А. Букейханова, таковыми могли стать «Сибирь, Алаш, Башкирия и Туркестан». Вот такой своеобразный «Евразийский союз» (в условиях появившихся надежд на стабилизацию ситуации в регионе) предлагало правительство Алаш Сибири в июле 1918 г. И действительно, «деятели Алаш Орды не были сепаратистами. Они были реалистически мыслящими людьми, понимавшими в тех исторических условиях роль и значение России для казахского народа, причем линию на единство с Россией деятели Алаш Орды проводили твердо и последовательно» [10, с. 72]. А единство с Россией, «в тех исторических условиях», было невозможным без установления добрососедских отношений с Сибирью.

Аргументы А. Букейханова были сначала восприняты Временным Сибирским правительством в целом позитивно. Для рассмотрения предложений казахской стороны была создана межправительственная комиссия, которая провела в Омске в конце июля — начале августа 1918 г. ряд заседаний, в ходе которых она выработала общую позицию. А. Букейханов (наряду с А. Ермековым и Х. Тохтамышевым) лично участвовал в этих переговорах [11, с. 128-130]. Однако довести переговоры до нужного результата, т.е. до подписания официального соглашения, не удалось [2, с. 72]. Ситуация осложнилась тем, что эксперты Сибирского правительства исходили из формально-юридической и неадекватно меняющимся реальностям позиции, что автономии области, находящейся вне их подчинения, «может установить только Всероссийское Учредительное Собрание». К сожалению, неадекватность сибирской позиции проявилась и в том, что стремление Алаш к признанию и взаимным отношениям начало восприниматься в Омске как стремление «к обособлению от России» [12, с. 133].

Наиболее активные отношения между Алаш-Ордой и ВСП имели место в июле-августе 1918 г. Тогда лидеры Алаш, как отмечает Д.А. Аманжолова, очень надеялись на утверждение двустороннего соглашения «в скором будущем» [2, с. 74]. В августе 1918 г. представители Алаш участвуют в работе Омской комиссии по выработке положения о выборах во Всесибирский представительный орган. Сибирские областники, в частности, Н.Н. Козьмин, тогда резонно полагали, что казахи, по объективным причинам, должны присоединиться к Сибирской автономии «на особых условиях», с соглашением о спорной 10-верстной полосе у Иртыша [13, с. 15].

Таким образом, алашско-сибирские отношения складывались (в условиях лета 1918 г.) противоречиво и имели «главным образом локальное значение» [2, с. 80]. Но, на наш взгляд, именно эти формирующиеся региональные отношения содержали в себе зерна будущих «евразийских» федеративных, и даже межгосударственных отношений, субъектом которых, несмотря на обстоятельства, и стремился сделать Алаш А. Букейханов.

С другой стороны, в 1918 г. сохраняется более широкий, «всероссийский», контекст существования автономии Алаш. В сентябре 1918 г. А. Букей-

ханов едет в Уфу, где 8 сентября открылось Государственное совещание политических и региональных сил России. На нем рассматривались остро актуальные вопросы единства и сепаратизма, взаимоотношений регионов России, приемлемые способы новой интеграции раздробленного Евразийского пространства.

12 сентября 1918 г. А. Букейханов выступает в Уфе не только как лидер автономии Алаш, но и как представитель тюрко-мусульманских народов. В частности, он подтвердил приверженность национальной группы участников совещания «идее» Учредительного собрания — «но наши мечты оказались разбитыми, как и мечты всех демократов России» [14, с. 139]. Какой же выход видит А. Букейханов в сложившейся ситуации? По его мнению, в условиях полной анархии и развода, «областные правительства... совершенно необходимы» и не являются признаком сепаратизма. «Те организации, от имени которых я выступаю, — подчеркнул А. Букейханов, — не являются представителями сепаратизма, а... мыслят, что они составляют часть единой России, что автономные области в концерте мировых держав не могут играть никакой роли, если бы они захотели создать какое-нибудь маленько сепаратное государство. Мы едины с демократической федеративной республикой Россией, мы мыслим себя только частью единой России». При этом А. Букейханов призывает российских деятелей отказаться «от прежнего представления о том, что инородцы — рабы, а представители Великороссии — это рабовладельцы». Сделать этот психологический поворот, подчеркнул он, необходимо именно потому, что новая Россия — «федеративная, демократическая, едина, и мы пойдем с русским народом, чтобы создать великую и счастливую Россию» [14, с. 139].

Информация о выступлении А. Букейханова на Государственном совещании в Уфе, введенная в научный оборот Д.А. Аманжоловой [13, с. 17], существенно дополняет наши представления о направлении развития мысли казахского лидера и подтверждает, что, несмотря на распад общего государственного пространства, он продолжает мыслить в казахско-русском, тюрко-российском, а по существу, — в общеевразийском контексте.

Как известно, 22 сентября 1918 г. на Государственном совещании в Уфе было создано Временное Всероссийское правительство, которое вскоре переехало в Омск и в октябре приняло решение о прекращении «на ближайший период времени» деятельности «всех без исключения областных правительств», в том числе Сибирского и Алаш-Орды [15, с. 131-133; 16; 2, с. 107-108]. Однако, такое решение никак не снимало с повестки дня вопрос об автономии Алаш, тем более, что органы Алаш-Орды были в регионе сохранены. По существу, в сложнейших условиях осени 1918 г. на территории казахских областей и уездов имело место двоевластие [2, с. 106-110].

Деятели Алаш понимали всю сложность реального функционирования казахской автономии. В ноябре 1918 г. комиссар Алаш-Орды по Кустанайскому уезду И. Омаров говорил по этому поводу: «После октябрьского переворота, Россия... переста-

ла быть великой державой». В этой ситуации «члены Учредительного Собрания» признали, что «единственным способом» восстановления государства является «привлечение к этому делу всех слоев населения». Страна «может быть спасена, — подчеркивал он, — лишь в том случае, если ей придут на помощь все народы». Применительно к автономии Алаш это означало присоединение к ней русского населения, проживавшего на ее территории. Тот же комиссар И. Омаров отмечал: «Киргизы, жившие до сего времени с крестьянами мирно и по-братьски, надеются, что крестьяне и в будущем не откажутся от совместной работы и составят вместе с киргизами одну общую автономию» [17, с. 108]. Кстати, именно об этом, по существу, говорил и А. Букейханов в ноябре 1917 г., когда указывал на необходимость поддержки идеи автономии русской частью населения Степных областей [18, с. 457].

Однако у проблемы казахско-русского взаимодействия была в годы гражданской войны и другая сторона: если Алаш нуждался в поддержке русского населения, то и Сибирь, по ходу обострения войны, тоже нуждалась в поддержке казахского народа. Осознавать это омское правительство стало к концу 1918 г. Так, в записке МВД Всероссийского Временного правительства (ВВП) отмечается, что одним из способов создания надежного тыла и привлечения населения в разряд «не только сочувствующих» есть «удовлетворение назревших чаяний и нужд отдельных народностей». Поэтому, «учитывая уроки истории, необходимо отказаться от старых методов русификации и прийти к строительству государства, при условии согласования интересов господствующей народности с интересами отдельных национальностей». А значит, российская политика «в отношении народностей киргизских может быть только благожелательной» [19, с. 142].

В феврале 1919 г. в Омске состоялся очередной раунд переговоров между представителями ВВП и Алаш-Орды. Казахскую делегацию, как и прежде, возглавлял А. Букейханов. На первой же встрече, он подчеркнул, что в октябре 1918 г. Алаш-Орда, учитывая чрезвычайные обстоятельства, подчинилась решению Всероссийского правительства о прекращении существования самостоятельных областных правительств. И вот теперь, — «мы пришли сюда, как братья» [20, с. 138-139]. Кстати, его выступление на омской встрече примечательно тем, что оно дает возможность говорить об «уточнении» его взглядов на данном этапе истории. События же тогда, в 1917-1919 гг., действительно, менялись как в калейдоскопе. Но, несмотря на неблагоприятные политические обстоятельства, даже в годы гражданской войны невозможно было избежать вопроса о том, каково место казахов среди народов Евразии, какова цивилизационная ориентация казахской интеллигенции и куда должна идти страна Алаш?

Тогда, в 1919 г., когда еще было не ясно кто победит, А. Букейханов сделал свой выбор: «Киргизский народ не питает сепаратистских замыслов, он не желает отделения от России... Мы — западники»... В своем стремлении приобщить народ к культуре мы не смотрим на восток, в Монголию, мы зна-

ем, что там культуры нет. Наши взоры устремлены на запад. Получить культуру мы сможем оттуда, через Россию, при посредстве русских. Мы пришли сюда с единственным желанием устроить порядок, необходимый для того, чтобы страна могла дойти до учредительного или национального собрания» [20, с. 139]. Эти же мотивы прозвучали и в его интервью «Сибирский речи» (19 февраля). В нем он заявил, что усилия правительства Алаш-Орды способны сохранить казахов как народность, поднять их на надлежащую высоту культуры и просвещения и, наконец, завоевать «равноправие»... перед всеми сынами России». В связи с этим, нельзя не отметить, что в процессе самоопределения казахского народа А. Букейханов «не видел отделения казахов от России, наоборот,... он считал своим долгом — перед родиной — работать рука об руку, в контакте с государственно мыслящими людьми, идущими навстречу возрождению России» [2, с. 115-116; 21].

Иначе говоря, А. Букейханов предстает перед нами, как и 15 лет назад, западником, европеистом, один из ведущих выразителей тюрко-казахского западничества, сторонником национального самоопределения и, в то же время, сторонником общероссийской интеграции Алаша и России. Несмотря на непростые отношения с непоследовательной российской властью, он мыслит конструктивно и стремится к взаимоприемлемому компромиссу с ней. С другой стороны, западничество А. Букейханова не было антироссийским по своей цивилизационной ориентации. В России он видел не противника, а соратника и объективного посредника между Алашем и Европой.

Однако в 1919 г. правительство А.В. Колчака действует, в условиях военного времени, противоречиво и недальновидно, оно не видело, к сожалению, значимости и перспектив набиравшего силу «турко-мусульманского фактора» [22, с. 70]. Более того, в нем наличествовали существенные различия в подходах к национально-региональным делам между МВД и Министерством туземных дел. В силу этого, февральские переговоры лидеров Алаш-Орды с правительственной комиссией прошли безрезультирующе. Только лишь 21 августа 1919 г. А.В. Колчак подписал постановление СовМина «Об утверждении положения о киргизском суде», но сведений об утверждении должности Главноуполномоченного по управлению казахским краем (о чем настаивали лидеры Алаш еще на февральских переговорах), как отмечает Д.А. Аманжолова, пока не обнаружено [2, с. 121-122]. В Белом же движении, в условиях все обострявшейся войны преобладали тем временем «панроссийские тенденции» [2, с. 136]. Однако в случае победы белых армий, Россия, вряд ли бы вернулась к прежнему, унитарно-имперскому режиму. Единственно приемлемым путем ее развития и центрально-региональных, и межнациональных отношений в ней мог стать федерализм, правда, в «белой» или в «красной» форме.

Как известно, военно-стратегическая ситуация в Евразийском регионе к концу 1919 г. существенно изменилась. Это и предопределило переход Алаш-Орды (как на востоке, так и на западе казахских земель) на сторону советской власти, т.е. это

был результат поражения адмирала А.В. Колчака [1, с. 217]. Новая власть, в отличие от российско-сибирских правительств 1918-1919 гг., не желала иметь отношений с Алаш, как национальной организацией. Поэтому 9 марта 1920 г. Киргизский Военно-революционный комитет ликвидировал Алаш-Орду и отменил все ее решения «за время существования» (т.е. с декабря 1917 г. [2, с. 177]. Что касается ее лидеров, то, несмотря на радикально изменившуюся в регионе ситуацию, они в цивилизационном смысле вновь смотрят на запад, который обрел теперь «красный» цвет.

А что же стало со взглядами и позицией А. Букейханова? Здесь обращает на себя внимание то, что тогда, во время февральских переговоров в Омске, он демонстративно отказывался «смотреть на восток» и высказал желание «смотреть на запад». Думается, что некоторая чрезмерность в подходе здесь, несомненно, присутствует, но надо полагать, что высказывая это, он руководствовался не только текущей ситуацией, но и тем, что от «своего» Востока казахское общество «уйти» никуда не могло. Он незримо присутствовал во всем: в хозяйственno-бытовой, духовно-религиозной и иных сферах жизни народа Алаш. Однако стремление к развитию влечет, по его мнению, казахскую интеллигенцию, казахское общество в целом, на Запад, к познанию европейских ценностей в сфере образования, науки, культуры и социально-политического устройства. «Можно ли перешагнуть в этом стремлении на запад через Россию?» — похоже, спрашивал он себя. И себе же отвечал: «Теоретически, да. Но практически — это маловероятно и малоэффективно».

Словом, лидеры казахского народа искали свой путь развития в XX в. И, хотя они, как отмечает Д.А. Аманжолова, «стремились к тесной связи с общероссийским мусульманским движением», но, тем не менее, на первое место «всегда ставили задачи региональные» [22]. Некоторые исследователи полагают, что в региональных «красно-белых» тенденциях 1918-1919 гг. в Казахской степи преобладали не идеологические факторы, а традиционные родовые и даже военные [1, с. 215-216]. Однако изучение позиции А. Букейханова и его сторонников по интересующему нас вопросу, показывает, что они имели свой собственный взгляд на возможное национально-политическое развитие Алашской идеи.

Со стремлением найти свой национально-государственный и региональный путь связано и то, что в воззрениях А. Букейханова пантюркские идеи (и туркестанского, и общетюркского, «туранского» [характера) не занимают того места как у некоторых тюрко-татарских российских мыслителей. Исходя из национальных интересов казахского народа, он дистанцируется (в идейном плане), начиная с 1919 г., как от татарского, так и от туркестанского тюркизма, где исламизм занимал весьма значительные позиции. Подобное отношение А.Букейханова к «туркизму — пантюркизму» объясняется, на наш взгляд, не только его приверженностью к западничеству, но и особенностями всей казахской национальной истории, — тем, так сказать, свободным, даже независимым положением, которое казахское сообщество исторически занимало, начиная

с XV-XVI вв., в тюрко-мусульманском мире Евразии, в частности, по отношению к Казани, Уфе и Бухаре. И хотя в 1918-1919 г. «процветала» идея широкого «юго-восточного тюрко-казачьего союза», который мог бы, включая ряд автономных образований, «простираясь от Урала до южных границ Центральной Азии», на самом деле эти планы «никогда не были больше, чем мечтой» [1, с. 216].

Исходя из этого, можно утверждать, что А. Букейханов не был идейным противником объединительного тюркизма. Он был, в первую очередь, сторонником реализации Алашской идеи — т.е. идеи казахского государства. И для ее достижения, как он полагал, сотрудничество и даже союзные отношения с Сибирью, с Россией в целом, были более предпочтительными, нежели чисто тюрко-мусульманское сообщество, в котором Казахская степь, в силу определенных исторических традиций и обстоятельств, могла бы оказаться на периферийном положении. Но, говоря об этом, мы не должны забывать и о существовании в то время другой, большой региональной и политической идеи — общетуркестанской. Однако, это уже тема другого исследования.

А пока подведем итоги. Итак, какие тенденции в отношениях между Алаш и Сибирью реально преобладали и какие могли быть? Как известно, в таких случаях возможны были три варианта: сотрудничество, нейтралитет, конфронтация.

Анализ ситуации показывает, что непримириимой конфронтации тогда, в 1918-1919 гг., между Сибирью и Алаш, между Омском и Семипалатинском (центр Алаш-Орды) не было. Но была ли историческая возможность установить алашско-сибирские отношения на новых, неимпериалистических, неколониальных принципах? Таких как «согласование интересов» и «взаимная благожелательность»? Видимо, таких возможностей исключать нельзя.

Подчеркнем, — позитивную политическую инициативу и активность тогда проявляла алашская сторона. Вся жизнь и деятельность А. Букейханова показывает, что для него стремление к сотрудничеству с Россией — это не тактический или вынужденный выбор, обусловленный трудностями позиционирования Алаш-Орды в условиях «красно»-«белой» гражданской войны. Для А. Букейханова и его соратников по движению «Алаш» это был вполне осознанный и обоснованный выбор.

Полагаем, что при определенных условиях в конце 1919 г. имелась некоторая возможность установления отношений сотрудничества, партнерского взаимодействия и даже (при наличии взаимной добродой воли и мирных отношений в регионе) дружественных отношений между Алаш-Ордой, с одной стороны, и сибирским и российским правительствами, расположенными в Омске, с другой. Однако этого не произошло. Причины случившегося, разумеется в экстремальных исторических обстоятельствах. Но не только. Причина несостоявшегося альянса также в односторонности, ограниченности воззрений омских правительств, в тех политических и иных стереотипах, которые препятствовали позитивному восприятию предложений Алаш-Орды.

Сегодня на политическом «дворе» новый век — Казахстан и Россия развиваются отношения межгосударственного сотрудничества в условиях независимости. Сегодня Казахстан и сопредельные западно-сибирские области России являются взаимно пограничными. И это свидетельствует, что геополитическая ситуация в регионе объективно вновь име-

ет некоторые черты сходства. Но есть и принципиальное отличие: те потенциально-позитивные тенденции, которые Алаш-Орде и российским правительствам не удалось закрепить в 1918-1919 гг., в настоящее время успешно реализуются на совершенно новом, суверенном уровне казахстанско-российских взаимоотношений.

Библиографический список

1. Zelinsky S. Pan-Turkism and Islam in Russia. Cambridge, 1960.
2. Аманжолова Д.А. Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш. М., 1994.
3. Ланда Р.Г. Ислам в истории России. М., 1995.
4. Yemelianova G.M. Russia and Islam. A Historical Survey. N.Y., 2002.
5. Исхаков С. М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. — лето 1918 г.). М., 2004.
6. Проект программы партии «Алаш» // Движение Алаш. Сб. док-тov и материалов. Алматы, 2004. Т. 1.
7. Абжанов Х.М. «Алаш»: след в истории народа // Стана и мир. Алматы, 2008. №12.
8. Селиверстов С. В. Пути интеграции в Евразийском регионе в 1917 г.: Г.Н. Потанин, А. Букеиханов, М. Чокай // Азиатская Россия во второй половине XIX — нач. XX в.: проблемы региональной истории. Омск, 2008.
9. Докладная записка в совет министров автономной Сибири уполномоченного при западно-сибирском комиссариате члена Алаш-Орды о переговорах. 13 июля 1918 года // Алаш-Орда: Сб. док-тov. Алма-Ата, 1992.
10. Кул-Мухаммед М. Жакып Акпаев. Политико-правовые взгляды Ж. Акпаева. Алматы, 1995.
11. Журнал заседания комиссии по рассмотрению записок представителей Алаш-Орда об установлении временных взаимных отношений сибирского правительства с Алаш-Орда. 29 июля — 3 августа 1918 г. // Алаш-Орда: Сб. документов. Алма-Ата, 1992.
12. Из заключения консультанта К.Г. Дишлера о проекте соглашения между Сибирским Временным правительством и Алаш-Ордой // Россия и Центральная Азия. 1905 — 1925 гг. Сб. док-тov. Караганда, 2005.
13. Аманжолова Д.А. Этносы и вопрос о государственном устройстве России в годы гражданской войны // История. 2000. №41.
14. Из выступления лидера казахского движения Алаш и председателя Алаш-Орды А.Н. Букеиханова на Государственном совещании. 12 сентября 1918 г. // Россия и Центральная Азия. 1905—1925 гг. Сб. док-тov. Караганда, 2005.
15. Грамота временного всероссийского правительства ко всем областным правительствам и ко всем гражданам Государства российского о ликвидации областных правительств. 22 октября 1918 г. // Алаш-Орда: Сб. документов. Алма-Ата, 1992.
16. Шиловский М.В. Временное всероссийское правительство (Директория) 23 сентября — 18 ноября 1918 г. // Сибирская Задумка. 1999 [Электрон. ресурс]. — Режим доступа: <http://zaimka.ru/soviet/shilovski5.shtml>
17. Воззвание к крестьянам Кустанайского уезда комиссара Алаш-Орды по Кустанайскому уезду Омарова. 11 ноября 1918 года. // Алаш-Орда: Сб. документов. Алма-Ата, 1992.
18. Приезд Алихана в г. Семипалатинск // Движение Алаш. Сб. док-тov. Апрель 1901 г.—1917 г. Алматы, 2004. Т. 1.
19. Из записки МВД Всероссийского Временного правительства об Алаш-Орде [Начало 1919 г.] // Россия и Центральная Азия. 1905 — 1925 гг. Сб. док-тov. Караганда, 2005.
20. Журнал предварительного междуведомственного устройства казак-киргизского народа. 11 февраля 1919 г. // Алаш-Орда: Сб. док-тov. Алма-Ата, 1992.
21. Сибирская речь. 1919. №23. 19 февраля.
22. Ланда Р.Г. Мусульманский мир и Первая мировая война // Восток. М., 2004. №1.
23. Аманжолова Д.А. Казахское общество в 1-й четверти XX века: проблемы этноидентификации [Электрон. ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kyrgyz.ru/?page=300>.

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана (Республика Казахстан)
Получено 24.04.08.

S.V. Seliverstov

ALASH AND SIBERIA IN 1918—1919: A. BUKEJHANOV'S POSITION AND TENDENCIES OF REGIONAL RELATIONS

Article is devoted to consideration of relations between Kazakh autonomy Alash and the Siberian governments during the difficult period of 1918-1919. The special attention is given to sights of the leader of the Kazakh society of A.Bukejhanov, which being the person of the European orientation aspired to establish mutually advantageous relations with the Siberian autonomy and the All-Russia government in Omsk.

Russia, civil war, Siberian government, Kazakh autonomy Alash, Kazakh society, national polisy, A.Bukejhanov

УДК 902

Е.М. Чедурова

СЕЛЬСКАЯ КООПЕРАЦИЯ И РАЗВИТИЕ АГРАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СИБИРИ В НАЧАЛЕ ХХ ВЕКА

В статье, на основе опубликованных и архивных материалов анализируется развитие аграрных технологий в Сибири в начале XX века и роль сельской кооперации в этом вопросе.

кооперация, кооперативное товарищество, аграрные технологии, агрономические выставки, фермы, ссыпные пункты, опытные поля, станции

В конце XIX — начале XX в. во всех цивилизованных странах происходило становление и быстрое развитие центров агрономической науки и практической агрономии в виде сельскохозяйственных станций и опытнических полей. Именно на последних разрабатывались основные направления местной практической агрономии, проводились селекционные и семеноводческие работы, опыты по совершенствованию технологии полеводства, в т. ч. и по обновлению севооборотов, разрешению проблем травосеяния, кормоводства и луговодства.

Одним из важнейших направлений деятельности кооперативов в рассматриваемое время являлось облегчение труда земледельца, содействие его переходу к новым формам и методам хозяйствования, основанным на достижениях сельскохозяйственной науки и передовой практики.

Важную роль в создании в Сибири рационального хозяйства, повышения доходности земледелия должна была сыграть агрономия. Агрономическая служба в Сибири начала создаваться еще в конце XIX в. Первые специалисты — по одному на губернию — появились в регионе в конце XIX в. и назывались они тогда «правительственными агрономами». Первыми среди них были Н.А. Скалозубов (в Тобольской губернии) и И.К. Окулич (в Томской губернии) [1, с. 177].

В 1907 г. в Сибири появилась «переселенческая агрономия», и для проведения агрономических мероприятий и исследований был открыт кредит в сумме 183 тыс. руб. На 1908—1910 гг. кредит был определен в 200 тыс. руб. ежегодно. Около половины этой суммы пришлось на долю западносибирских губерний. Так, на 1909 г. только на агрономические исследования по Тобольской губернии было выделено 14080, Томской — 19760 руб. [2, с. 180].

В связи с организацией в Сибири переселенческой агрономии, специальной комиссией был выработан план агрономических мероприятий, предусматривавший широкое развитие опытных полей и посевов, сети метеорологических и опытных станций во всех районах Западной Сибири. Кроме того, агрономы должны были обращать особое внимание на испытание местных сортов хлебных злаков и трав, оказывать агрономическую помощь переселенцам, распространяя среди них, а особенно среди старожилов, знания о преимуществах рациональных севооборотов, применения в земледелии усовершенствованных орудий и машин, содействовать внедрению в практику травосеяния и новых земледельческих промыслов.

Руководствуясь им, правительственные агрономы стали уделять внимание, главным образом, обслуживанию старожильческого населения, а пере-

селенческие — переселенцев. Такая разобщенность агрономов существовала до 1910 г., т.е. до тех пор, пока вся работа по оказанию агрономической помощи в сибирских губерниях не была передана в ведение одного «хозяина» — Департамента земледелия. С этого же времени в каждой губернии начинают создавать агрономические совещания (в качестве высшего органа местных агрономических организаций под председательством губернаторов). В связи с этим, территории губерний были разделены на агрономические районы, которые, в свою очередь, были разбиты на более мелкие сельскохозяйственные единицы — подрайоны. Во главе первых стояли агрономы, во главе вторых — инструкторы по сельскохозяйственной части. К началу 1909 г., кроме 8 правительственный агрономов, в Сибири числилось 5 старших агрономов, 8 инструкторов сельского хозяйства, 5 техников сельского хозяйства и один техник по льноводству [2, с. 181].

Агрономическая деятельность находила проявление и в организации зерноочистительных пунктов (накануне Первой мировой войны в Тобольской и Томской губерниях их начитывалось около 30) [1, с. 177], в устройстве показательных участков, которые в 1911 г. имелись в 97 селениях Западной Сибири [1, с. 177], показательного кормления скота, в рекламе сельскохозяйственных машин и орудий.

Демонстрация плугов проводилась в 1907 г. на кооперативном опытном участке близ д. Рябковой Курганского уезда. Сюда были доставлены (товариществом «В.Г. Столль и К») американский дисковой плуг фирмы «Штанунг», плуг «по Саку» фирмы «Ленин-Вештау I», трехлемешной плуг и пружинная борона, товариществом «Тобол» — один плуг №2 и один плуг №3. Плуги данных товариществ были одобрены кооператорами. Здесь же был продемонстрирован опрыскиватель Вильмарена для опрыскивания растений с зеленым кроном (швейнфуртской зеленью) [3, л. 14-15].

До 1911 г. деятельность местной агрономии в основном сводилась к изучению края, для чего специалисты совершали «рекогносцировочные» поездки. Кроме того, они занимались устройством метеорологических станций, которых во всей Сибири насчитывалось в 1908 г. — 63, в 1910 г. — 96, в т.ч. в Тобольской губернии — 1, Томской губернии — 10 [2, с. 181].

Столыпинская аграрная реформа не могла кардинально изменить структуру сельскохозяйственного производства и технологический цикл крестьянского хозяйства. Крестьяне не могли качественно улучшить, а тем более, изменить способы возделывания пашни и технологию выращивания зерновых культур. Для этого им не хватало денежных

средств, инвентаря, познаний в агрономии. Важным фактором замедления темпов роста аграрной культуры среди единоличных хозяйств в течение всех лет реформы оставалась общая недоброжелательность создаваемая вокруг них общинниками.

В очерке «Основные линии развития русской сельскохозяйственной мысли за два века» А.В. Чаянов, дополняя характеристику аграрных сдвигов в Российской деревне новыми штрихами, отмечал, что в период с 1905 по 1911 г. «темпы развития товарного хозяйства и широкой агрономической деятельности, соединенные с быстрым развитием кооперации, действительно переустраивают все основы нашего деревенского быта», когда «к статистику и агроному присоединяются сельский кооператор, как новая фигура на деревенском горизонте», и то, что «пятилетие, с 1909 по 1914 гг., было той эпохой, когда более или менее четко оформились эти новые веяния и, когда перед агрономической наукой были поставлены во весь рост задачи организации крестьянами хозяйства, его кооперирования и создания форм общественного содействия ему» [4].

Иначе говоря, перед кооперацией как целой хозяйственной организацией — встали задачи, с одной стороны, внедрения в практику новых систем хозяйствования, с другой, — объединения кооперативов, в связи с расширением кооперативного принципа на многие стороны крестьянского хозяйства.

Обеспечивая мелкому крестьянскому хозяйству, если не все, то большинство тех экономических выгод, которые внутренне присущи крупному капиталистическому предприятию, кооперация, вместе с тем, способствовала его материально-техническому и аграрному совершенствованию путем выделения кредитов на приобретение улучшенных сельскохозяйственных орудий, породистого скота, сортовых семян и т.п.

С целью расширения и поднятия производительности местного скотоводства, подбора местной породы Союз кредитных кооперативов выписывал племенных производителей из Европейской России, устраивал случные пункты при кредитных товариществах. Так, для Новониколаевского района в 1916 г. был выписан породистый скот, в т. ч. 30 — жеребцов, 50 — быков, 10 гнезд — свиней и 50 — овец [5, л. 78].

В исследуемый период Западная Сибирь продолжала оставаться районом развитого скотоводства. В годы войны произошел, как известно, большой сдвиг в росте поголовья всех видов скота. Динамика его численности определялась в 1913, 1916, 1917 гг. как: 14,6 млн., 18,8 млн. и 17,2 млн. голов соответственно. В 1916 г. прирост скота составил, по сравнению с до военным временем, 29%, в 1917 г. произошло снижение численности скота, но темпы его роста, по-прежнему, превосходили доведенные на 18% [6, с. 43].

Западносибирская деревня в 1914—1917 гг. имела самые высокие показатели по численности скота на душу населения. На 100 чел. в 1916 г. приходилось 316,7 голов скота, в то время как в Европейской России этот показатель не превышал 57,4 голов [7, с. 112]. В западных странах (США и Дания) этот показатель равнялся в 1915 г. 106,2 и

133,8 голов соответственно [8, с. 116]. В пересчете на 1 хозяйство Западной Сибири количество скота — в среднем — составляло 17,2, а в районах кочевого скотоводства — 32,8 голов [7, с. 112]. В некоторых волостях, где проживало исключительно коренное население, на 1 хозяйство приходилось от 110 до 120 голов скота [9, л. 73-74].

За годы войны структура стада значительно изменилась. Поголовье лошадей, к примеру, выросло с 1913 по 1916 г. на 564 тыс., а крупного рогатого скота — на 1,5 млн. голов. Но в общей массе скота количество лошадей уменьшилось на 3%, в то время как коров увеличилось на 1%. В Западной Сибири, как и в развитых капиталистических странах, разводили главным образом продуктивный скот. В 1917 г. доля лошадей в табуне не превышала 22% [10, с. 58].

Составной частью работы кооперативов в области агротехники было создание сельскохозяйственных складов с прокатными пунктами. Они производили не только продажу машин и орудий, но и сдачу их в аренду на тот или иной сезон сельхозработ. Через склады же деревни снабжались строиматериалами, различными товарами для деревенского обустройства.

В своей работе агрономы стремились опереться на коллективные субъекты — кооперативы, так как необходимо было не просто показать крестьянам, как можно рационально вести хозяйство, но и оказать ему посильную помощь в его «культурной» организации. Так, для ознакомления с результатами опытов на отведенных территориях организовывались показательные поля с демонстрациями рекомендуемых севооборотов, наиболее эффективных способов обработки почвы. Устраивались передвижные агрономические выставки, а также проводились краткосрочные курсы, беседы и встречи, на которых объяснялась значимость опытных работ для повышения производительности земледелия, давались практические советы по освоению агротехнических новшеств, что, в свою очередь, способствовало расширению посевных площадей в регионе и росту производства товарного хлеба.

В целях содействия «культурному» развитию скотоводства в составе агрономической организации Западной Сибири появились с 1911 г. специалисты по животноводству. Правда, их пока было мало. Не хватало и средств, выделяемых правительством на подъем и улучшение сибирского скотоводства. Поэтому главным направлением работы специалистов — животноводов стала организация выставок. Редко, но проводились курсы по животноводству, а также беседы, чтения.

Остались невостребованными лишь специалисты по организации «племенных рассадников». В 1912 г. в Тобольской губернии было устроено 2 «рассадника» для крупнорогатого скота и свиней. С этой целью для первого были отобраны и куплены быки местной породы, а для второго — бороды и матки йоркширской и местной пород. Исключение составила лишь Кайнская школа молочного хозяйства, (базировавшаяся на сибирских коровах, их стадо было получено в результате 16-летнего отбора) [2, с. 253]. В Алтайском округе также велась такая работа. Здесь разводили в основном кузнецкую

и чумышскую породы лошадей, а также кулундинскую породу овец [11, с. 1].

Достаточно разносторонняя племенная работа проводилась в Кузнецком округе. На Мариинской ферме, например, содержали лошадей — клейдесдалльской породы, крупный рогатый скот — симментальской породы, овец каракульских и мериносов. Для случки с фермерскими производителями допускали приводных кобыл и свиней. Плата за случку составляла с метисным жеребцом — 2 руб., боровом — 50 коп. [12, с. 105].

В Омском уезде в 1913г. действовало 28 животноводческих участков с общей численностью скота 18433 голов [10, с. 58]. Вели они торговлю скотом. В 1915 г. только на ярмарках Омского уезда было продано 737 тыс. голов мелкого скота.

Учреждали кооперативы также образцовые фермы, опытные поля и станции, цель которых со-

стояла в улучшении земледелия, животноводства, организации хозяйства и развития сельскохозяйственных отраслей, наиболее соответствующих климатическим условиям данной местности.

Словом, роль кооперативных товариществ и обществ в организации сельскохозяйственного производства, пропаганды и внедрения новых аграрных технологий была весьма значительна. Кооперацию начала XX в. исследователи рассматривали как один из наиболее вероятных путей выхода из социально-экономического кризиса. Дореволюционная кооперация способствовала не только высвобождению крестьян из-под гнета, как отечественного ростовщического капитала, так и международного, но и повышению агрокультуры хозяйства за счет снабжения его селекционными семенами и более современными машинами и сельскохозяйственным инвентарем.

Библиографический список

1. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Новосибирск, 1967.
2. Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX — начала XX в. Новосибирск, 1975.
3. Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф.267. Оп.1. Д.15.
4. Чаянов А.В. Основные линии развития сельскохозяйственной мысли за два века. М., 1917.
5. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф.153.Оп.1.Д.1.
6. Сборник статистико-экономических сведений по Сибирскому краю. Новосибирск, 1927.Вып.1.
7. Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. Пг., 1927.Вып.3.
8. Пронин В.И. Скотоводство в Сибири в XIX — начале XXв. // Из истории Алтая. Томск, 1978.
9. ГАНО.Ф.1329.Оп.1.Д.128.
10. Иванцова Н.Ф. Западно-Сибирское крестьянство в 1917- первой половине 1918 гг. М., 1993.
11. По вопросу об учреждении в Западной Сибири первого сельскохозяйственного института с опытной при нем станцией. М., 1913.
12. Сельскохозяйственные учреждения: Фермы, опытные поля и станции, учебные заведения. Ч. 1. СПб. 1896.

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 29.04.08.

E.M. Chedurova

AGRICULTURAL COOPERATION IS THE DEVELOPMENT OF AGRARIAN TECHNOLOGIES IN SIBERIA AT THE BEGINNING OF THE 20 CENTURY

In given clause one of the directions of activity of cooperative societies in examined time is shown. There was an assistance to his transition to its new forms and methods of managing based on achievement of an agricultural science and advanced practice. And owing to their activity there was an increase of number of the competent population, and involving country economy in cooperative organizations and associations, which promoted increase of productivity of work by use in facilities of the advanced agricultural engineering and new technology.

cooperation, cooperative company, agrarian technologies, agronomical exhibitions, farm, pouring points, skilled fields, station

УДК 902

H.A. Шипилова

РОЛЬ КООПЕРАЦИИ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ СТРУКТУРЫ ПРОИЗВОДСТВА И ЕЁ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1906-1917 гг.)

В статье, на основе опубликованных материалов и архивных документов, показана роль кооперации в регулировании рыночных отношений и совершенствовании форм сельскохозяйственного производства путём внедрения в практику новых систем хозяйствования и полеводства.

кооперация, Западная Сибирь, сельскохозяйственное производство, культурно-просветительская деятельность, структура производства

Одним из важнейших направлений деятельности кооперативов в рассматриваемое время являлось облегчение труда земледельца, содействие его

переходу к новым формам и методам хозяйствования, основанных на достижениях сельскохозяйственной науки и передовой практики.

В конце XIX — начале XX вв., как известно, во всех цивилизованных странах происходило становление и быстрое развитие центров агрономической науки и практической агрономии в виде сельскохозяйственных станций и опытнических полей. Именно там разрабатывались основные направления местной практической агрономии, проводились селекционные и семеноводческие работы, опыты по совершенствованию технологии полеводства, в том числе и по обновлению севооборотов, разрешению проблем травосеяния, кормоводства и луговодства.

Важную роль в создании в Сибири рационального хозяйства, повышения доходности земледелия должна была сыграть агрономия. Агрономическая служба в Сибири начала создаваться еще в конце XIX в. Первые специалисты — по одному на губернию — появились в регионе в конце XIX в. и назывались они тогда «правительственными агрономами». Первыми среди них были Н.А. Скалозубов (в Тобольской губ.) и И.К. Окулич (в Томской губ.) [1, с. 177].

В связи с организацией в Сибири переселенческой агрономии специальной комиссией был выработан план агрономических мероприятий. Он предусматривал широкое развитие опытных полей и посевов, сети метеорологических и опытных станций во всех районах Западной Сибири. Кроме того, агрономы должны были обращать особое внимание на испытание местных сортов хлебных злаков и трав, оказывать агрономическую помощь переселенцам, распространяя среди них, а особенно среди старожилов, знания о преимуществах рациональных севооборотов, применения в земледелии усовершенствованных орудий и машин, содействовать внедрению в практику травосеяния и новых земледельческих промыслов.

Руководствуясь им, правительственные агрономы стали уделять внимание, главным образом, обслуживанию старожильческого населения, а переселенческие — переселенцев. Такая разобщенность агрономов существовала до 1910 г., т.е. до тех пор, пока вся работа по оказанию агрономической помощи в сибирских губерниях не была передана в ведение Департамента земледелия. С этого же времени в каждой губернии начинают создаваться агрономические совещания в качестве высшего органа местных агрономических организаций под председательством губернаторов. В связи с этим, территории губерний были разделены на агрономические районы, которые, в свою очередь, были разбиты на более мелкие сельскохозяйственные единицы — подрайоны. Во главе первых стояли агрономы, во главе вторых — инструкторы по сельскохозяйственной части.

Агрономическая деятельность находила проявление в организации зерноочистительных пунктов (накануне войны в Тобольской и Томской губерниях их начитывалось около 30) [1, с. 177], в устройстве показательных участков, которые в 1911 г. имелись в 97 селениях Западной Сибири, показательного кормления скота, в рекламе сельскохозяйственных машин и орудий.

До 1911 г. деятельность местной агрономии в основном сводилась к изучению края, для чего специалисты совершали «рекогносцировочные» поездки. Кроме того, они занимались устройством метеорологических станций, которых во всей Сибири

насчитывалось в 1908 г. — 63, в 1910 г. — 96, в том числе в Тобольской губернии — 1, Томской губернии — 10 [2, с. 181].

Столыпинская аграрная реформа не могла кардинальным образом изменить структуру сельскохозяйственного производства и технологический цикл крестьянского хозяйства. Крестьяне не могли качественно улучшить, а тем более изменить способы возделывания пашни и технологию выращивания зерновых культур. Для этого им не хватало денежных средств, инвентаря, познаний в агрономии. Особым фактором замедления темпов роста агрокультуры среди единоличных хозяйств в течение всех лет реформы оставалась общая недоброжелательная атмосфера вокруг них, созданная общинниками.

Иначе говоря, перед кооперацией, как целой хозяйственной организацией встали задачи, с одной стороны, внедрения в практику новых систем хозяйствования и полеводства, с другой — объединение кооперативов в связи с расширением кооперативного принципа на многие стороны крестьянского хозяйства.

Обеспечивая мелкому крестьянскому хозяйству, если не все, то большинство тех экономических выгод, которые внутренне присущи крупному капиталистическому предприятию, кооперация вместе с тем способствовала его материально-техническому и агрокультурному совершенствованию путем выделения кредитов на приобретение улучшенных сельскохозяйственных орудий, породистого скота, сортовых семян и т.п.

В исследуемый период Западная Сибирь продолжала оставаться районом развития скотоводства. В годы войны, как известно, произошел большой сдвиг в росте поголовья всех видов скота. Динамика его численности определялась в 1913, 1916, 1917 гг. как: 14,6 млн., 18,8 млн. и 17,2 млн. голов соответственно. В 1916 г. прирост скота составил, по сравнению с военным временем, 29%, в 1917 г. произошло снижение численности скота, но темпы его роста, по-прежнему, превосходили довоенные (на 18%) [3, с. 43].

Составной частью работы кооперативов в области агротехники было создание сельскохозяйственных складов с прокатными пунктами. Они производили не только продажу машин и орудий, но и сдачу их в аренду на тот или иной сезон сельскохозяйственных работ. Через склады же производилось снабжение деревни строительными материалами, различными товарами для деревенского обустройства.

В своей работе агрономы стремились опереться на коллективные субъекты — кооперативы, так как необходимо было не просто показать крестьянам, как можно рационально вести хозяйство, но и оказать посильную помощь в его «культурной» организации. Для ознакомления с результатами опытов на отведенных территориях организовывались показательные поля с демонстрациями рекомендемых севооборотов, наиболее эффективных способов обработки почвы, устраивались передвижные, агрономические выставки, а также организовывались и проводились краткосрочные курсы, беседы, встречи, на которых объяснялась значимость опытных работ для повышения производительности земледе-

лия, давались практические советы по освоению агротехнических новшеств. В целях содействия «культурному» развитию скотоводства в составе агрономической организации Западной Сибири появились с 1911 г. специалисты по животноводству. Правда, их пока было мало. Не хватало и средств, ассигнуемых правительством и на подъем и улучшение сибирского скотоводства. Поэтому главным направлением работы специалистов — животноводов являлась организация выставок. Значительно реже, но все же проводились курсы по животноводству, а также беседы, чтения.

Кооперативы учреждали образцовые фермы, опытные поля и станции, с целью повлиять на улучшение земледелия, производительность животноводства, на организацию хозяйства и развитие отраслей наиболее соответствующих климатическим условиям данной местности.

Западно-Сибирская селекционная станция организовала на 300 десятинах земли опытное поле, на котором испытывалось 108 хозяйственных сортов. Урожайность пшеницы на станции составила даже в засушливом 1918 г. 235 пудов с десятины. Она, также проводила курсы по подготовке мастеров маслоделия, агрономические совещания, консультации по вопросам организации сельскохозяйственного производства [4, с. 70].

Необходимость взаимодействия общественных организаций и кооперации диктовалась и причинами организационно-хозяйственного характера. Большинство агрикультурных мероприятий требовали значительных финансовых затрат, поэтому важной предпосылкой для их реализации была организация кредитной кооперации. Существование, например, продуктивного скотоводства имело смысл только при соответственном развитии последней, бравшей на себя переработку и сбыт произведенной продукции. С другой стороны, кооперация настойчиво призывала крестьянские хозяйства использовать у себя дорогостоящую сельскохозяйственную технику. А поскольку у крестьян не было средств для покупки, то она открывала для этого машинные товарищества, прокатные пункты. Именно поэтому к общественной агрономии ближе стояли те кооперативы, которые были, непосредственно связанны с крестьянским производством — сельскохозяйственные товарищества разных типов и сельскохозяйственные общества.

Возросшая в период войны роль крестьянской кооперации, признание правительством ее экономических возможностей и общественного влияния, ее значения для решения агрономических и агротехнических проблем сибирской деревни свидетельствовали о принципиально новых явлениях в экономике и социальных отношениях в стране, что нашло свое отражение и в уставах союзов. В них отмечалось, что последние создавались с целью улучшения «материального и духовного благосостояния населения», что достигалось путем сбыта сельскохозяйственной продукции, снабжения населения сельскохозяйственной техникой, а также организацией предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья [4, с. 68].

Каждый Союз кооперативов имел свою деловую программу, в которой определялись меры по совер-

шенствованию структуры производства и внедрению современных методов ведения хозяйства, способствующих получению конкурентно-способной продукции без коренной ломки деревенского общинного уклада. Кооперативы предусматривали образование прокатных пунктов, кузнечно-слесарных мастерских, ветлечебниц, агроцентров.

Такого рода деятельность кооперативов Сибири развивается и принимает широкий размах в годы Первой мировой войны. Прежде всего, приобретались и строились предприятия по переработке продуктов сельского хозяйства: паровые мельницы, хлебопекарни, кожевенные заводы, мыловарни, маслобойки.

Развитие маслодельной кооперации повлекло за собой развитие мелиорации, мелиоративных товариществ. С целью увеличения поголовья молочного скота необходимы были сенокосные, пастильные угодья. А суть мелиорации состояла в очистке почвы от камней, орошении, осушении, лесоразведении или устройстве живых изгородей, лесных опушек, разведения растительности с целью предотвращения обвалов камней, укрепление берегов рек, сооружении плотин вдоль рек, известкование и увлажнение земли.

Мелиорация, так или иначе, была связана с улучшением естественных условий для развития сельского хозяйства и требовала больших затрат. Правительством в годы реформы кооперативам выдавался мелиоративный кредит, используемый на улучшение структуры крестьянского хозяйства, а также ссуды на техническое оснащение, приобретение хозяйственного инвентаря.

Иначе говоря, перед сибирской кооперацией стояли в сфере улучшения, «облагораживания» земли, сложные задачи, распадавшиеся на несколько частей: 1. Это создание мелиоративных товариществ, — своеобразного по своей деятельности типа кооперативных учреждений. 2. Перед кредитными кооперативами всталая задача по предоставлению мелиоративного кредита населению. 3. Только кооперативы могли взять на себя производство мелиоративных работ, так как они, как уже указывалось выше, требовали больших затрат и объединения усилий заинтересованных лиц в осуществлении мелиорации. 4. Наряду с самими работами, важную роль играла и пропаганда последней, ознакомление населения с ролью и ее значением в деле земельных улучшений. Проводниками всех идей в крестьянскую среду и стали сельскохозяйственные кооперативы. Для решения поставленных задач им предписывалось организовать повсеместно кооперативные культурно-технические бюро, которые своей деятельностью могли бы реально содействовать распространению земельных улучшений, чем бы и способствовали расширению посевных площадей в регионе и росту производства товарного хлеба в нем.

С распространением влияния кооперации на пушной промысел, ее работы по объединению промыслового населения, главная масса выбрасываемой из Западной Сибири пушнины проходила через кооперацию. Кооперативные методы работы, ее борьба за улучшение способов лова зверя и время охоты дали кооперативным заготовкам максимум первосортных шкурок. Так, со станций, расположенных

женных в пределах Западной Сибири за 1912-1916 гг. было отправлено мехового и пушного товаров: со станций Тобольской губернии в 1912 г. — 2570 пуд., в 1913 г. — 2165, в 1914 г. — 320, 1915 г. — 1485, 1916 г. — 815, а из Томской — это соотношение было следующим: 6538, 4409, 4503, 1134, 423 соответственно. В общей сложности грузов, входящих в группу 71В (это меха выделанные и не-выделанные), из Западной Сибири в 1916 г. было вывезено 5309 пудов [5, л. 69].

Сибирская коопeração за сезон 1916 г. дала следующую партию пушнины — 5597392 шкурок белки, колонка, горностая, песца, соболя, рыси, росомахи и т.д. [6, с. 30]. Таким образом, роль ко-

операции в организации сельскохозяйственного производства, пропаганды и внедрения аграрных технологий была весьма значительна. Поэтому её не случайно рассматривали в начале века как один из наиболее вероятных путей выхода из социально-экономического кризиса. Дореволюционная коопे-рация способствовала повышению агркультуры хозяйства за счет снабжения его селекционными се-менами и более современными орудиями. Словом, западносибирская кооперация, будучи составной частью общероссийской, являлась не только эффективным механизмом регулирования рыночных от-ношений, но и одним из средств совершенствования форм сельскохозяйственного производства.

Библиографический список

1. Горюшкин Л.М. Социально-экономические предпосылки социалистической революции в сибирской деревне (об уровнях и особенностях развития капитализма в сельском хозяйстве Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв). Новосибирск, 1962.
2. Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX — начала XX в. Новосибирск, 1975.
3. Сборник статистико-экономических сведений по Си-бирскому краю. Новосибирск, 1927. Вып. 1.
4. Иванцова Н.Ф. Западно-сибирское крестьянство в 1917—первой половине 1918 гг. М., 1993.
5. ГАНО. Ф.51. Оп.1. Д.1399.
6. Потребительская кооперация Сибири. М., 1923.

Бийский педагогический государственный университет им. В.М. Шукшина

Получено 24.04.08.

N.A. Shipilova

THE ROLE OF CO-OPERATIVE SOCIETIES IN PERFECT ONESELF OF STRUCTURE OF PRODUCTION AND HERE CULTURAL-INSTRUCTIVE THE ACTIVITY IN WEST SIBERIA (1906-1917 GG.)

The paper written on the basis of analyzed publications and archive materials co-operative societies in perfect oneself of structure of production and here cultural-instructive the activity in West Siberia (1906-1917 gg.)

cooperative societies, West Siberia, agricultural production, cultural-instructive activity, structure of production

УДК 902

Э.П. Дворников

АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРЯДОВОЙ ПРАКТИКИ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ ГОРНОГО АЛТАЯ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ

Работа посвящена анализу составляющих формирования обрядовой практики. Нами отмечены ландшафтные и хозяйственны материальные факторы их становления и развития. Проанализированы особенности расположения ритуальных комплексов в пределах природно-территориальных участков.

ландшафт, мировоззрение, культура, обряд

В свете активного формирования интереса к исто-рии появления ныне живущих народов на первый план выходит проблема изучения этногенетической истории, становления и развития культуры. В этой связи немаловажную роль играет комплексное применение данных этнографии, философии, истории. Важнейший источник в изучении обозначенной проблемы предоставляют памятники археологии. Именно археология позволяет на материальных остатках прошлого изучить истоки культур, наро-дов, обрядов. Как правило, археологи занимаются вещественной работой, часто анализируя только вещественный комплекс, не используя более широ-ко возможности интерпретации применяя наработки философии и культурологии. Дело в том, что археология даёт лишь овеществлённый результат

проведения того или иного обряда, абсолютно не фиксируя ритуалы до обряда и после.

В нашей работе мы предлагаем подход, направ-ление в исследовании некоторых ярких аспектов объединённых в характеристики культуры, основой которого будет выяснение условий формирующих особенности становления той или иной культуры. Первооснову культурологического анализа составят не только памятники археологии, а скажем более широкая, внешняя среда, на основе которой форми-ровался обряд. Как нам представляется, к таким факторам относятся природно-климатические усло-вия (ландшафты, климат, температура) и хозяй-ственно материальное производство основанное, в том числе и на природно-климатической обстанов-ке. По нашему мнению, эти два фактора являются

основополагающими в развитии и становлении культуры и обряда иллюстрирующего основы традиционного мировоззрения.

Совершенно очевидно, что ландшафты играли важную роль в выборе типа хозяйства в древности. В Горном Алтае это ярко фиксируется до сих пор в применении способа ведения хозяйства — отгонного скотоводства, как оптимально в условиях горнодолинных ландшафттов. Вероятно, мы не ошибаемся, указав, что ландшафт формирует менталитет человека. В данном случае этот посыл следует понимать, как определённые черты характеризующие скажем представителя кочевой скотоводческой культуры или оседлой земледельческой. Кроме того, тип хозяйства, основанный на природных условиях, формирует особенности поведения человека. Как мы предполагаем, представители горного кочевого образа жизни, вероятно, в своем характере имеют черты характеризующие человека как твёрдого, закаленного. В целом определяется как жёсткий, агрессивный. Земледельческий тип хозяйства характеризуется, на наш взгляд, стабильностью, размеренностью и определяет более мягкий тип поведения представителя земледельческой культуры. Мы считаем, что определяющим фактором поведения горца или степняка является именно ландшафт, а скажем не традиции культуры. Любая культура видоизменяется, приспосабливается под ландшафтные, природные условия. Именно этот фактор формирует культуру поведения этноса.

Ландшафт и обрядность объединяются в слове где? Где проводить обряд погребения, да, разумеется, там, где покоятся предки, но ведь был первый из них кто погребен именно здесь, почему?

Имея определённый опыт полевых исследований, мы постоянно сталкиваемся с осознанием того, что расположение ритуальных комплексов имеет очень строгую систему территориального и хронологического плана. На одной сравнительно не большой террасе сосредоточены объекты разных эпох культур народов, традиций, тем не менее, их объединяет место построения некрополя. Соответственно в разные исторические эпохи определённые ландшафтные свойства имели важные критерии при выборе мест погребения усопшего. Вероятно, не последним фактором выбора этого места являлась укрупненность, труднодоступность, удаленность от оби-

таемых мест. Кроме того, в слове хоронить отмечается важный синоним «прятать», а значит, не тревожить напрасно и заходить в эти сакральные места в исключительных случаях, а именно для совершения обряда погребения или поминок. Современный уровень исследования позволяет изучать роль природных факторов в формировании археологических комплексов. На основании этого мы можем выявить культурные и духовные предпосылки, которые послужили мотивацией выбора природных условий для формирования археологического микрорайона. Как известно, в традиционной культуре народов Горного Алтая жива связь с окружающим миром, ориентацией по сторонам света, звездам, цикличностью Солнца и Луны, что формирует этнические особенности. Такие мировоззренческие ориентиры формировали принципы расположения археологических объектов. В результате комплексного изучения древних памятников Кош-Агачского района Республики Алтай было установлено:

1. Археологические комплексы имеют четкую ландшафтную приуроченность к территориям, долговременно не затапляемым водой и связанные с общей геоморфологической и геолого-геофизической структурой территории;
2. В ряде случаев к археологическим комплексам приурочены этнографические строения, которые составляют общую систему и осуществляют преемственность культур (например памятник Чигур) [1].
3. Для некоторых археологических комплексов использовались горные породы с повышенной намагниченностью, которые приходилось транспортировать за десятки километров.
4. Отмечено влияние археологических комплексов на биофизические параметры человека на фоне геологических факторов [2].

Подводя итог выше сказанному, отметим, что природные условия с древнейших времён в максимальной степени определяли тенденции развития культуры и заставляли человека действовать в том или ином направлении, относясь к природе как к живому существу. Анализ обрядов погребально-поминального цикла лишь подтверждает связь мировоззренческих ориентиров с природными условиями.

Библиографический список

1. Дворников Э.П. Из истории изучения памятников археологии, находящихся к югу от Катунского и Южно-Чуйского хребта // Горный Алтай. Исторический сборник. Выпуск десятый.— Горно-Алтайск — Бийск: РИО ГАГУ, 2005. — С. 47-51.
2. Шитов А.В., Воронков Е.Г., Велиляева Э.С., Каранин А.В. Некоторые ландшафтные, геолого-геофизические

и биофизические характеристики археологических комплексов Кош-Агачского района (Республика Алтай) // Вестник Томского государственного университета. Бюллетень научной информации «Изучение взаимодействия метеорологических, гидрологических, литосферных и биосферных процессов» Томск: ТГУ, 2006. — С. 95-108.

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 05.07.08.

E.P. Dvornikov

Aspects forming ritual practice ancient and medieval nomads Gorny Altai to archeological materials
Горно-Алтайский государственный университет

This work dedicated to analysis component forming ritual practice. We noted landscape and economic and material factors their formation and development. We analyses particularity location ritual complexes within natural and territorial areas.

landscape, word outlook, culture, ritual

УДК 902

T.B. Анкудинова

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В г. УЛАЛЕ (ОЙРОТ-ТУРЕ) В 20-30-е гг. XX в.

В статье на основе архивных источников и опубликованных материалов проанализировано становление системы народного образования. Показано создание учреждений сферы народного образования города Улале в 20—30-е гг. XX в.

Сибирский край, Горный Алтай, социальная структура, система народного образования, миссионерские школы

Составным компонентом социальной инфраструктуры было и остается развитие народного образования. Революционные потрясения начала XX в. с особой силой обнажили необходимость преодоления культурной отсталости людей, основу которой составляла их неграмотность. По данным Западно-Сибирского края, в 1920 г. Сибирь по уровню грамотности населения находилась на последнем месте среди регионов РСФСР. В 20-30-е гг. основными направлениями повышения образовательного уровня населения была ликвидация неграмотности и малограмотности среди взрослых и подрастающего поколения. И достигалось это путем внедрения системы Всеобуча, расширения системы профессионального и специального образования. К середине 20-х гг. в Сибирском крае была организована сеть пунктов по ликвидации неграмотности и ячеек общества «Долой неграмотность». В Улале оно было организовано в 1925 г. Грамотным в рассматриваемое время считался человек, умевший читать по слогам и подписываться на родном или русском языке. Грамотность городского населения, (именно городского так по всем документам Западно-Сибирского края было упоминание об Улале) составляла в 1926 г. — 54,4% (мужчин — 62,5%, женщин — 46,8%). Перепись, проведенная в октябре 1928 г., дала следующие результаты: все население города составляло 5899 чел., в т.ч. 3712 взрослых, 2187 — детей, неграмотных насчитывалось 876 чел. или 15,6% от общего числа населения, в районах же области в данный период времени имелось 24,9% неграмотного населения [1].

В связи с реорганизацией системы народного образования в начале 20-х гг., все бывшие миссионерские школы были превращены в единую школу I ступени. К концу 30-х гг. в городе складывается единая система образования, включавшая в себя три типа школ, взаимосвязанных между собой: начальная (четыре года обучения), неполная средняя (семилетняя) и средняя (десятилетка). Если в 1922 г. в Улале действовали 3 школы (школа первой ступени, Заречная школа и школа при Улалинском детском доме), то в конце 30-х г. в городе уже работало 9 начальных школ, неполная средняя и две средних полных (в 1927 г. в Улале была открыта первая школа — девятилетка), с количеством учителей 117 и учащихся — 3370 чел. [2, л. 68]. Таким образом, школами тогда было охвачено 98% детей русских и 100% алтайцев. Обучение в школах было бесплатным, плата взималась только за пользование учебниками. По решению горсовета горкомхоз передавал все бывшие кулацкие дома под школы и дошкольные учреждения, проверив пригод-

ность школьных помещений, также были открыты две специальные группы для умственно-отсталых детей, для детей алтайцев была организована специальная школа с обучением на родном языке. В 1938 г. была открыта средняя школа-десятилетка №6. Первый в ее выпуск состоялся в июне 1941 г.

Дошкольное воспитание в Улале осуществляли в середине 30-х гг. 7 детских яслей. Борьба с беспризорностью велась через областную детскую комиссию, был развит патронат, однако средств для этого было не достаточно. Из-за жилищного кризиса не было возможности открыть и детский преемник [3, л. 13].

Ликвидировав колчаковщину, Советская власть взялась за подготовку руководящих партийных, советских и хозяйственных работников для города и области. Для этого, в декабре 1923 г. — в Улале была открыта советская партийная школа (СПШ) с пятимесячным сроком обучения. Она ежегодно пополняла ряды партийных работников. С 1924 по 1934 гг. совпартшкола выпустила 250 чел. [4, л. 147]. Она работала и в последующие годы. Кроме того, обком партии периодически проводил краткосрочные курсы подготовки и переподготовки кадров. В 1923 г., в Улале состоялись месячные курсы секретарей парткомов и исполнкомов. На курсах летом 1924 г. обучалось 107 человек; работали курсы секретарей сельских Советов, секретарей первичных комсомольских ячеек [5, с. 327]. Подготовка работников низового партийного и советского руководства осуществлялась через систему курсов и семинаров.

В условиях социалистических преобразований и развития сельского хозяйства области требовались профессиональные кадры. Именно, в связи с этим, в конце 1930 г. в Улале был открыт зооветтехникум. На его зоотехническое отделение было зачислено 79 человек и на ветеринарное — 57 [6, л. 123]. Это было первое в Горном Алтае среднее специальное учебное заведение, готовившее специалистов для сельского хозяйства. Первый выпуск он произвел в 1933 г. В этом же году для более широкой подготовки лиц коренной национальности подготовительное отделение ЗВТ было реорганизовано в национально-алтайское.

В 1928 г. в Улале начал работу педагогический техникум — первое среднее специальное учебное заведение Горного Алтая, при котором функционировали подготовительное, школьное и дошкольное отделения, на подготовительном отделении, которого готовили в течение года алтайскую молодежь для поступления в техникум. Принимали преимущественно детей алтайской бедноты, батраков,

середняков, в небольшом количестве принимались дети других национальностей, но с обязательным знанием алтайского языка. Первый набор составил 63 чел. Кроме него, работало еще одно отделение — школьное. Оно выпускало учителей начальных школ, а дошкольное — воспитателей детских садов [7, л. 128]. Комплектование техникума происходило учащимися школы II ступени. В 1931 г. состоялся первый выпуск педагогического техникума, школы области получили тогда 20 учителей начальных классов. Для алтайцев, не знавших русского языка или слабо владевших им, с недостаточной подготовкой за семилетнюю школу было открыто дополнительное подготовительное отделение, после окончания которого учащиеся поступали на 1 курс педагогического техникума. В этом же году при педагогическом техникуме начало работать заочное отделение. В феврале 1937 г. Ойротский педагогический техникум был переименован в Ойротское педагогическое училище. За первое десятилетие своего существования он подготовил на очном отделении более 200 учителей для начальных школ.

С целью подготовки заведующих магазинов, председателей сельских потребительских обществ, счетоводов, продавцов и других работников торговли для области, в Улале в 1930 г. был открыт трехгодичный учебно-курсовый комбинат кооперативного образования. Позже, в 1933 г. он был преобразован в кооперативное училище [8].

27 июля 1932 г. постановлением бюро обкома ВКП(б) начал свою деятельность рабфак — рабочий факультет. Так назывались краткосрочные общеобразовательные учебные заведения в 1920—1930-х гг. для взрослых (рабочих и крестьян), которые открывались при высших учебных заведениях для подготовки работающей молодежи к поступлению в вузы. Горно-Алтайский рабфак имел свои особенности: он не был подразделением вуза, в число учащихся принимали не только рабочих и крестьян, но и школьников, при нем было создано подготовительное отделение по программе 6-7 классов. Сюда принимались исключительно дети алтайцев. С 1 октября 1932 г. он был переименован в Ойротский национальный педагогический рабфак, в связи с 10-летием образования Ойротской автономной области. В 30-е гг. он являлся одним из основных средних учебных заведений в деле подготовки национальных кадров для области.

Еще одним средним специальным учебным заведением г. Ойрот-Туры была с 1934 по 1939 гг. спе-

циальная сельскохозяйственная школа при Народном Комиссариате Земледелия РСФСР, созданная для подготовки специалистов средней квалификации для Тувинской Народной Республики [9]. Школа начала работать с февраля 1934 г. и существовала до октября 1939 г. Первоначально учащиеся обучались двум специальностям — зоотехния и ветеринария. С 1935 г. при спецшколе было открыто третье отделение — агрономическое. Практику учащиеся проходили в учхозе школы и на госгсплемстанции в с. Кызыл-Озек. А в ноябре 1936 г. было организовано свое учебное опытное хозяйство.

В 1937 г. состоялся первый выпуск школы. Народное хозяйство Тувы получило 42 специалиста средней квалификации. Статистика говорит о том, что за время существования спецшколы (с 1934 г. по 1939 г.) в ней было обучено 550 чел. К октябрю 1939 г. этот процесс был завершен. Но деятельность спецсельхозшколы оставила заметный след в укреплении и расширении отношений между Горно-Алтайской автономной областью и Тувинской Народной Республикой.

В 1938 г. был образован педагогический кабинет (впоследствии институт усовершенствования учителей), который занимался обобщением передовых методов работы педагогов школ области, организовывал семинары в целях повышения квалификации учителей [10, л. 85].

С 1930 по 1941 гг. в Ойрот-Туре работала Ойротская художественная школа, которая вошла в историю как первая художественная школа в Западной Сибири. Ее основателями и педагогами были алтайские художники Г.И. Чорос-Гуркин и Н.И. Чевалков. В 1940 г. была предпринята попытка реорганизации школы в художественное училище с пятилетним сроком обучения, однако эти начинания были прерваны войной, а в 1941 г. школа была закрыта.

Таким образом, коренное социалистическое преобразование области на базе роста хозяйства делало город центром по подготовке кадров. В городе были сосредоточены учебные заведения: совпартшкола, нацпредрабфак, спецсельхозшкола, колхозная школа, педагогический техникум, зооветтехникум, учкомбинат, неполная средняя и средняя школа, а также 8 начальных). Кроме них имелись курсы по подготовке молодежи в ВУЗ и ряд других учебных заведений, готовивших трудовые кадры для города и области.

Библиографический список

1. Сибирский край. Статистический справочник. — Новосибирск, 1930. — 698 с.
2. КПДА РА. Ф. 59. Оп. 1. Д.462.
3. КПДА РА. Ф. 36. Оп. 1. Д.60.
4. ГАНО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 731.
5. Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области / Л.П. Потапов / под редакцией Л.П. Потапова. — Горно-Алтайск, 1973. — 542 с.
6. КПДА РА. Ф. 55. Оп. 1. Д. 935.
7. КПДА РА. Ф. 55. Оп. 1. Д. 935.
8. Горно-Алтайский хронограф: годы, события, факты. — Горно-Алтайск, 2003. — 270 с.
9. Белоусова, Н.В. Подготовка кадров для народного хозяйства в Горно-Алтайской автономной области (1928 — 1941 гг.) / Н.В. Белоусова // Горно-Алтайск. 70 лет. Материалы научно-практической конференции. 23 — 24 апреля — Горно-Алтайск, 1998. — 152 с.
10. КПДА РА. Ф. 36. Оп. 1. Д. 331.

T.B. Ankudinova

The Formation of Public Education System in Ulala during the 20th-30th XX century. The formation of public education system is analyzed in the article, on the basis of archival sources and published materials. The appearance of educational institutions of Ulala town in 20th -30th is also studied here.

Siberian region, Mauntain Aitay, soscal structure, sistem people vacation, mission shulies

УДК 902

A.B. Попов

ОБРЕТЕНИЕ ЕДИНСТВА: ЦЕРКОВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВОССОЕДИНЕНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА И РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ЗА ГРАНИЦЕЙ.

В статье, на основе документальных источников (опубликованных) анализируется процесс сближения Русской Православной Церкви Московского Патриархата и Русской Православной Церкви за границей и их единения.

Московский Патриархат, Русская Православная церковь, Русская Православная церковь за границей, Синод, Собор, оппозиция

XX в. был самым трагичным в истории русского народа и государства. Их судьбу разделила и Русская Православная Церковь (РПЦ), подвергшаяся гонениям и унижениям на Родине. Ее положение усугубил и раскол РПЦ на несколько ветвей и юрисдикций, образовавшихся за рубежом. Наиболее значимыми из них стали за границей Карловацкая Церковь, Американская Православная Церковь, Западно-Европейский Экзархат (Архиепископия) Константинопольского Патриархата, православные церкви, тем или иным путем отделившиеся от РПЦ (Японская Православная Церковь, Китайская Православная Церковь, Финская Православная Церковь, Эстонская Православная Церковь и др.). Но в этой трагедии есть одна страница, которая особенно болезненно воспринималась верующими. Это — разделение РПЦ на Русскую Православную Церковь Московского Патриархата и Русскую Православную Церковь за границей (РПЦЗ), взаимоотношения между которыми — «Московской Патриархией» и РПЦЗ — были неоднозначными и всегда волновали русских православных.

Русские православные иерархи, священники и их паства, оказавшись за рубежом, выбрали разные пути своего церковного устройства. Часть их вступила в состав поместных Церквей, на канонической территории которых они проживали. Другая часть, нарушив канонические правила, без согласия Матери-Церкви приняла автокефалию от Вселенского Патриархата, как это произошло в Польше, Эстонии, Латвии, Финляндии. Третья (также в нарушение канонических правил) — перешла во «временную» юрисдикцию Вселенского Патриарха в качестве экзархатов (русские приходы в Западной Европе). И хотя границы канонических территорий Церквей часто совпадали с границами государств, распад последних, по мнению РПЦЗ, не должен вести к дроблению Церквей [1, с. 55]. Об этом не раз писал архиепископ Виталий (Максименко). «Постигшее Православную Церковь в России несчастье, — указывал он, — вызвало в Ее заграниценных... частях заболевание двух родов. Одни части (правильнее сказать, руководители их), будучи свободными, по мотивам далеко не церковным, подчини-

лись Московской Патриархии и пошли на службу коммунистической власти. Другие, воспользовавшись бессилием порабощенной Русской Церкви, самочинно оторвались от нее и от прочих свободных частей Русской Церкви и явочным порядком завели у себя автокефалии. Так сделали в Польше, Латвии, Эстонии, Финляндии по принуждению светских правителей, но также поступили и в свободной Америке по своей собственной воле» [1, с. 55].

Истоки РПЦЗ, как известно, уходят своими корнями в Гражданскую войну. Именно тогда появились Временные высшие церковные управления (ВВЦУ) на юго-востоке России и в Сибири, которые стали первым «опытом автономного церковного управления» в обход высших органов власти РПЦ. Именно из ВВЦУ и выросла — организационно — РПЦЗ [2, с. 180-188].

Поражение «белых» в противостоянии с большевиками понудило их, в частности, ВВЦУ юго-востока России, эвакуироваться вместе с белой армией из Крыма в Константинополь. Среди беженцев был и митрополит Антоний (Храповицкий) с группой архиереев и священнослужителей Юга России [3, с. 5]. По его первоначальному убеждению русские православные беженцы должны были влиться в поместные православные Церкви по месту проживания. Однако под влиянием окружения, его позиция изменилась: «южное» ВВЦУ было переименовано в Высшее русское церковное управление за границей (ВРЦУ) и продолжило свою самостоятельную деятельность за рубежом. Это положило начало истории РПЦЗ [4, с. 162-185].

Свой шаг иерарх решил легализовать, направив Вселенскому Патриарху прошение о легализации Высшего русского церковного управления за границей. 2 декабря 1920 г. на него был получен ответ. В соответствии с ним, русским архиереям разрешалось «образовать для паstryрского служения временную церковную комиссию («эпиропию») под высшим управлением Вселенской патриархии, для надзора и руководства общей церковной жизнью русских церковных колоний, в пределах православных стран, а также для русских воинов... [5, с. 85-86]. Оно же также предписывало «отдать» брако-

разводные дела суду Вселенского Престола или судам тех православных Церквей, где проживают русские беженцы. Но самое главное в ответе было то, что он полностью исключал возможность самостоятельного существования ВРЦУ. В соответствии с ним, русские епископы обязаны были подчиняться Высшему управлению Константинопольской Церкви, а их права очерчивались чисто пастырскими функциями. В ноябре — декабре 1921 г. ВРЦУ провело Собор РПЦ за границей, который принял несколько политических заявлений. В ответ на действия «зарубежных» иерархов, Патриарх Тихон повелел своим указом упразднить ВРЦУ. Однако часть русских иерархов во главе с владыкой Антонием, не подчинилась ему и продолжила свою деятельность. Правда, ВРЦУ (по решению Собора РПЦЗ) было упразднено. На смену ему пршел Временный заграничный архиерейский Синод РПЦ за границей. «Архиерейский Синод, - писал по этому поводу митрополит Евлогий митрополиту Сергию, — стремился под новым наименованием оставаться прежним Заграничным Высшим Церковным Управлением. Он желал иметь всю полноту прав прежнего Святейшего Правительствующего Синода по отношению к заграничному епископату и церквам. Не довольствуясь этим, он искал путь воспринять полноту прав Всероссийской Церковной власти как за рубежом, так и по отношению к России, и вопрос этот был поставлен на повестке всех Архиерейских соборов 1923, 1924 и 1926 гг. Архиерейский Синод и Собор стремился стать законченной церковной организацией типа поместной Церкви с полнотой соответствующих прав» [5, с. 85-86].

Попытка митрополита Сергия примириться — в 1933 г. — с зарубежной частью РПЦ успеха не имела. 22 июля 1934 г. он и Священный Синод подвели черту под своими взаимоотношениями с Зарубежной Церковью: указом №944 митрополиту Антонию и еще семи русским заграничным иерархам было запрещено «священнослужительство». Получив его, владыка Антоний писал 7 (20) августа 1934 г. по этому поводу митрополиту Елевфию: «Отрицаю всякую силу за постановлениями митрополита Сергия и его „Синода“, я глубоко скорблю, что мой бывший ученик и друг находится в таком не только физическом, но и нравственном пленении у безбожников. Признаю действия его преступными и подлежащими суду будущего свободного Всероссийского Собора. Если же ни он, ни я до такого не доживем, то рассудит нас Сам Пастыреначальник Господь, к которому возношу молитву о помиловании митрополита Сергия» [3, с. 357].

Реагируя на указ митрополита Сергия, Архиерейский собор 1934 г. обратился с «Окружным посланием» к зарубежной пастве. «В силу условий русской жизни, — говорилось в нем, — нет возможности установить, где действует подлинное волеизъявление Высшей Церковной власти в России, а где действует злая воля. Единственным выходом из этого неопределенного и мучительного положения было объявить Зарубежную часть Русской Церкви временно независимой от Московской Патриархии, как это и сделано Собором в 1927 году» [6, с. 139-140]. Это был окончательный разрыв РПЦЗ с РПЦ Московского Патриархата.

Право своего «существования» (правда, частное) РПЦЗ «обрело» из совместного постановления Святейшего Патриарха, Священного Синода и Высшего церковного совета (№362, от 20 ноября 1920 г.), принятого в первый же день после формального окончания Гражданской войны на юге России. Правда, еще в разгар ее (5 (18) мая 1920 г.) Патриарх Тихон и Священный Синод издали постановление, предпославшее епархиальным архиереям, в случае прекращения связи с центром, решать все церковные дела на местах самостоятельно. Однако за день до выхода постановления №362, фронтов Гражданской на территории Европейской России не стало и необходимость в нем отпала. Оно же гласило, что «если епархия, вследствие передвижения фронта, изменения государственной границы... окажется вне всякого общения с высшим церковным управлением или само высшее церковное управление во главе со святейшим Патриархом прекратит свою деятельность, [то] епархиальный архиерей немедленно входит в сношения с архиереями соседних епархий на предмет организации высшей инстанции церковной власти для нескольких епархий, находящихся в одинаковых условиях (в виде Временного Высшего Церковного Правительства или Митрополичьего округа или иначе)» [6, с. 139-140]. В основу «рождения» новой управленческой структуры (Архиерейский Синод) закладывалось постановление №362, которое подходило зарубежным иерархам для выхода из канонического тупика. В дальнейшем оно часто служило главным и единственным аргументом в пользу каноничности существования РПЦЗ [7, с. 158-173].

Следует отметить, что при организации ВВЦУ и ВРЦУ зарубежные архиереи вообще не ссылались ни на какие канонические основания. Только с распространением последнего зарубежного церковного управления они использовали постановление №362. На самом деле заграничное церковное управление ни при основании своего «прототипа» на Юге России, ни в дальнейшем не опиралось на него. Это подтверждают документы первого Зарубежного Собора (Собрания), где о постановлении №362 вообще не упоминается. В «Наказе Русскому Заграничному Церковному Собранию» (РЗЦС) указывается: «Русское Заграничное Церковное Собрание должно действовать на основании слова Божия и священных канонов Церкви, имея ввиду необычное положение Русской Церкви заграницей, ставить целью удовлетворение действительных церковных нужд в настоящем положении, действуя с ведома и благословения Святейшего Патриарха Сербского и согласуя свою деятельность с канонической юрисдикцией Сербской Патриархии» [8, л.15]. На наш взгляд, в постановлении №362 нет ничего такого, чтобы давало хотя бы малейшие канонические и иные основания для существования ВРЦУ, Зарубежного Архиерейского Синода, а впоследствии и Зарубежной Церкви. Однако ее защитники, опираясь на вышеуказанное постановление, неизменно приписывают ему каноническое значение, приравнивая, таким образом, его, к каноническому закону. Безусловно, оно имело определенное каноническое значение, т.к. Святейший Патриарх, Священный Синод и Высший Церковный Совет, принимая постановле-

ние №362, никоим образом не вышли за рамки своей компетенции и не нарушили апостольских правил и постановлений Вселенских и Поместных Соборов. В этом смысле постановление канонично, но это не означает, что оно являло собой канонический закон и тем более канон.

Но, если говорить по существу, то на самом деле постановление Патриарха Тихона от 7 (20) ноября 1920 г. к эмиграции вообще не относилось. Оно касалось только епархиальных архиереев, пребывавших на своих законных канонических кафедрах и несших свои пастырские обязанности. Исходя из сказанного, можно сделать следующие выводы:

1. На епископов, оставивших свои епархии, действие указа №362 распространяться не могло;

2. Русское духовенство в эмиграции вышло в своей жизнедеятельности за рамки постановления №362 и создало (преднамеренно используя его) новую, соответствовавшую условиям его эмиграции, форму организации православных приходов;

3. ВЦУ за границей имело право на существование лишь до момента получения постановления №348 от 5 (22) мая 1922 г.;

4. Деятельность ВЦУ за границей (в соответствии постановлением №362) должна была носить временный характер и автоматически прекращалась с момента возобновления его связи с Патриархией.

Но ничего этого ВЦУ не было сделано, что послужило камнем преткновения между РПЦЗ и РПЦ Московского Патриархата. «Подлило», в какой-то мере, масло в «огонь» в их отношения Декларация митрополита Сергия (Страгородского), будущего Патриарха, которая дала основание Зарубежной Церкви выйти из подчинения московской церковной власти и прекратить общение с ней. Характеризуя ее, Патриарх Алексий II отметил в начале своего Святейшего пастырства, что она стала трагическим документом, отобразившим то время и коя ныне — не применима. В том же интервью он, от лица всей Церкви, просил прощение «за соблазн», в который иерархи вводили народ своими действиями. Высказывания Патриарха были тогда замечены в церковных зарубежных кругах. Забегая вперед, скажем, что Декларация митрополита Сергия имеет ныне для нас только историческое значение и, в силу этого, она не могла стать препятствием для объединения РПЦЗ и РПЦ Московского Патриархата, что убедительно и продемонстрировала наша действительность.

Но, продолжая начатый выше разговор, подчеркнем, что нарушение канонических и церковно-административных принципов за время самостоятельного существования РПЦЗ зашло слишком далеко. Фактически она обрела все атрибуты автокефальной церкви, с которыми было не легко расстаться. Это, в известной мере, и стало главным препятствием на пути объединения и возращения РПЦЗ в лоно Матери-Церкви. Пока же первая была вполне самостоятельна, о чем свидетельствовали ее следующие признаки:

1. Самостоятельное избрание Первоеиерарха — Председателя Архиерейского Собора и Синода;
2. Прославление угодников Божиих;
3. Мироварение (до 1950 г. РПЦЗ получала Святое Миро от Сербской и Константинопольской

Церквей, а с 1950 г. она сочла себя вправе совершать этот обряд самостоятельно);

4. Обращения Председателя Архиерейского Синода к Главам Поместных Церквей не от имени возглавителя части Русской Церкви, а от имени Главы независимой Церкви;

5. Суд в последней инстанции;

6. Право изменения границ и учреждения новых епархий Русской Церкви за границей;

7. Право награждения высшими церковными наградами [9, с. 118-119].

Таким образом, все вышеперечисленное говорило, что самоопределение РПЦЗ («Заграничная часть Русской Церкви почтает себя неразрывною, духовно-единою, ветвью Великой Русской Церкви и не отделяет себя от своей Матери-Церкви...не считает себя автокефальную») на деле являлось декларацией, т.е. не соответствовало истинному положению [10, с. 135].

В Послании Собора Архиереев РПЦЗ, состоявшегося в 1927 г., особо подчеркивалось, что «Заграничная часть Всероссийской Церкви должна прекратить административные сношения с Московской церковною властью, в виду невозможности нормальных сношений с нею и в виду порабощения ее безбожной советской властью, лишающей ее свободы в своих волеизъявлениях и канонического управления Церковью» [10, с. 135]. Примерно в этом же духе высказался в 1974 г. на Всезарубежном церковном Соборе в 1974 г. Женевский архиепископ Антоний. «Самостоятельное существование части Русской Церкви, — говорил он, — не предвидено полностью канонами. Оно оправдывается только двумя фактами: неслыханными гонениями на Церковь в России и временностью нашего положения. Если же кончится режим богооборцов, если прекратятся преследования верующих на Родине, если восстановится религиозная свобода, то Русская Православная Церковь за границей перестанет существовать, слившись с Матерью Церковью» [6, с. 139-140].

Но, несмотря на разного рода «несоответствия», РПЦЗ не рвала связи с Московской Патриархией, надеясь — в конце концов — соединиться. В этой связи, нельзя не вспомнить проповеди («Наш долг перед Матерью-Русской Церковью») одного из самых почитаемых в Зарубежье святителей — архиепископа Виталия (Максименко), которую он произнес в преддверии 150-летия Русской Американской Православной Митрополии. В ней он назвал следующие «препятствия», которые мешают воссоединению РПЦЗ с Московской Патриархией:

1. Советская власть отобрала у Русской Церкви храмы, следовательно, их надо вернуть;

2. Она же не позволяет печатать и продавать ве-роучительные и молитвенные книги;

3. Она не позволяет открыть школы для подготовки священников;

4. Она запрещает открытие благотворительных и просветительных братств и обществ;

5. Она не позволяет проповедовать Евангелие и публично защищать свою веру.

Осознавая справедливость предъявленных РПЦЗ требований, «московская церковная власть» предъявила к ней одно лишь условие — подписать соглашение о лояльном отношении к Советской власти.

Сегодня все тревоги прошлого, как известно, позади. Но тогда проблем было много. Тогда же, в августе 2000 г., немалый импульс процессу объединения дал Архиерейский Собор РПЦ, на котором были приняты ее Устав, Основы социальной концепции РПЦ, Основные принципы отношения РПЦ к инославию [11, с. 118-133]. Выступая на нем, Патриарх Алексий прямо сказал: «Московский Патриархат неоднократно на протяжении десятилетий выражал добрую волю к скорейшему восстановлению канонического единства в лоне Матери-Церкви с желающими этого иерархами, клириками и монашествующими, входящими в структуру "Русской зарубежной церкви", что, к сожалению, не находило должного понимания у другой стороны. Состояние отделенности от Матери-Церкви, в котором пребывает ныне часть русской диаспоры, нельзя назвать нормальным, к нему нельзя привыкнуть, его, по словам апостола, надо переживать как острую боль в Теле Христовом. Святитель Иоанн Златоуст писал в свое время, что «ничто так не противно Богу, как разделение в Церкви, даже если мы совершили тысячу благих дел, мы виновны, как те, кто мучил тело Господа нашего, если мы раздираем тело Церкви... Я говорю и свидетельствую, что причинять разделения в Церкви есть не меньшее зло, чем впадать в ересь». Возлагая упование на неизмеримое милосердие Божие и его Всеблагой Промысл, приводящий человека многоразличными путями к духовному спасению, РПЦ вновь и вновь призывает к обретению канонического единства всех православных, живущих в диаспоре, связывающих свою духовную жизнь с идеалами исторической России, но, по разным причинам, пребывающим вне канонического общения с Матерью-Церковью» [11, с. 118-133].

Свою летчу в объединение РПЦЗ и Московской Патриархии внес прошедший в октябре 2000 г. в Нью-Йорке Архиерейский Собор РПЦЗ. Высоко оценив итоги Архиерейского Собора РПЦ в Москве, Нью-Йоркский Собор принял резолюцию, в которой подчеркнул, что на последнем Соборе Московской патриархии были сделаны значительные сдвиги в отношении оздоровления церковной жизни в России. Этот первый положительный шаг Московской патриархии на соборном уровне не может не вселять в нас надежду... Поэтому собор РПЦЗ считает целесообразным в настоящее время создать при Архиерейском Синоде постоянную действующую комиссию по вопросам единства Русской Церкви» [12, №3].

Спустя два месяца после Собора (в декабре 2001 г.), глава РПЦЗ митрополит Лавр сказал в одном из своих интервью: «В отношениях с Московской Патриархией РПЦЗ никогда не заботилась и не заботится о своих политических выгодах и конъюнктуре, главная цель РПЦЗ — чтобы восторжествовала истина Христова. И если истина восторжествует во всей чистоте и полноте, то миссия РПЦЗ будет выполнена, и она не будет ожидать для себя каких-то заслуженных почестей, а со смиренением возблагодарит Бога. Торжество истины в Русской Церкви — есть главная награда для РПЦЗ. Мы молитвенно ждем полного очищения Московской Патриархии от наследия советского времени, следим за этим процессом и радуемся каждому положительному шагу в этом направлении. По большому

счету все зависит не от РПЦЗ, а от Московской Патриархии. Скажем, она прославила святых царственных мучеников и этим сняла одну из важных причин нашего разногласия. Теперь одним из наиболее важных вопросов является вопрос ее участия в экуменическом движении» [12, №13].

Шагом на пути к сближению стал и состоявшийся 17-19 ноября 2003 г. визит в Москву делегации РПЦЗ во главе с архиепископом Марком Берлинским и Германским [13, с. 13]. В ходе его состоялись встречи и переговоры с Патриархом Алексием и другими членами Синода РПЦ Московской Патриархии. Во время их была выражена воля обеих сторон к установлению «молитвенно-евхаристического общения». Было принято решение и о создании комиссий, призванных способствовать разрешению накопившихся за долгие годы проблем. Иначе говоря, участники переговоров выразили готовность следовать по пути к церковному единству в духе истинного покаяния, при опоре на общее каноническое Предание и уважая церковно-административные реальности, сложившиеся в XX в. В заключение переговоров представители РПЦЗ сформулировали свои позиции, составившие основу диалога и возможного их объединения с Московской Патриархией:

а) общей основой обеих частей Русской Церкви является дореволюционная Русская Церковь и Церковь 1920-х гг., а посему — обе стороны обязаны руководствоваться установками Всероссийского Собора 1917-1918 гг.;

б) после 1917 г. наступила эпоха, в первое десятилетие которой сложилось отдельное существование Русской Зарубежной Церкви, изначально мыслившееся как временное, но затянувшееся на долго;

в) после прославления новомучеников в 2000 г. остались две спорные проблемы, которые должны быть решены — отношения Церкви и государства и экуменизм;

г) при объединении Церквей должно быть сохранено единство РПЦЗ, как органически выросшей и жизнеспособной структуры, она должна сохранить свое церковно-административное управление, правовой статус (различный в разных странах) и собственность.

Продолжая конструктивный диалог с Москвой, РПЦЗ провела в декабре 2003 г. Архиерейский Собор, на котором было принято решение о визите митрополита Лавра в Россию. Для этого обе Церкви создали специальные подготовительные комиссии. Официальный визит в Москву Председателя Архиерейского Синода РПЦЗ состоялся, как известно, 14-28 мая 2004 г. и стал важнейшей вехой на пути к единству. В ходе этого визита возглавляемая митрополитом Лавром делегация имела встречи и беседы с Патриархом Алексием II, членами Священного Синода Московского Патриархата и Президентом России В.В. Путиным, посетила Троице-Сергиеву Лавру, Санкт-Петербург, Екатеринбург, а также православные святыни Курской и Нижегородской областей, связанные с именем преподобного Серафима Саровского. Итогом встреч и переговоров стало решение о начале совместной работы комиссий РПЦ и РПЦЗ, основными направ-

лениями деятельности которых являются выработка совместного понимания взаимоотношений Церкви и государства, отношения Церкви к инославным общинам и межконфессиональным организациям, а также поиск установления административного единства, т.е. решение вопроса о статусе РПЦЗ как самоуправляющейся части РПЦ [14, с. 3]. Для этого в программу комиссий были включены следующие вопросы:

- а) форма литургического поминования священноначалия;
- б) снятие прещений предыдущих годов;
- в) отношение к старостильным группам в Греции, Румынии, Болгарии и других странах;
- г) параллельные структуры (епархии и приходы РПЦЗ) на канонической территории Московского Патриархата;
- д) статус клириков, принятых из других юрисдикций и находящихся под каноническими прещениями;
- е) порядок избрания и утверждения первоиерарха и архиереев РПЦЗ;
- ж) пастырское взаимодействие в странах русской диаспоры.

В ходе дальнейших собеседований, состоявшихся под председательством Патриарха Алексия II (17-18 мая 2004 г.), а также последующих встреч с делегациями РПЦЗ (в Москве — 22-24 июня и 17-19 ноября 2004 г., в Мюнхене — 14-16 сентября 2004 г. и в Париже — 2-4 марта 2005 г.) были подготовлены проекты «объединительных» документов, в частности, Заявлений «Об отношениях Церкви и государства», «Об отношении Православной Церкви к инославным вероисповеданиям и межконфессиональным организациям» и др., одобренных впоследствии Священноначалием Московского Патриархата и Русской Зарубежной Церкви.

Был подготовлен тогда и проект Акта «О каноническом общении», который определял канонический статус исторически сложившейся совокупности епархий, приходов, монастырей, братств и других церковных учреждений РПЦЗ, как неотъемлемой самоуправляющейся части РПЦ, действующей на началах, подобных тем, которые были предусмотрены Уставом РПЦ в отношении самоуправляемых Церквей на территории Московского Патриархата. С вступлением в силу предлагавшегося Акта, автоматически восстанавливалась вся полнота канонического общения внутри единой Поместной РПЦ, возглавляемой Святым Патриархом Московским и всея Руси.

Согласно разработанному проекту, и РПЦЗ была самостоятельна в делах пастырских, просветительных, административных, хозяйственных, имущественных и гражданских. Высшую власть в ее пределах принадлежала Архиерейскому Собору, созываемым Первоеиерархом РПЦЗ на основании «Положения» о ней. Согласно каноническому порядку РПЦЗ, решения, выходившие за пределы компетенции ее Архиерейского Собора, принимались по согласованию с Патриархом Московским и всея Руси и Священным Синодом РПЦ. Вышестоящей инстанцией ее власти являлся, естественно, Поместный и Архиерейский Соборы РПЦ, решения которых, как и решения ее Священного Синода,

были действительны для РПЦЗ с учетом особенностей, определяемых Актом о каноническом общении, Положением о РПЦЗ и законодательством государства, в которых она осуществляет свое служение. Ее архиереи являлись членами Поместного и Архиерейского Соборов РПЦ и участвовали (в установленном порядке) в заседаниях Священного Синода. Наконец, святое миро для своих нужд РПЦЗ получала от Патриарха Московского и всея Руси.

Одним из важнейших вопросов церковной жизни XX в. в отношениях РПЦ и РПЦЗ, несомненно, был вопрос о взаимоотношениях Церкви и государства. В силу этого, Комиссии сочли необходимым высказаться относительно их и, в частности, о Поплении Заместителя Патриаршего Местоблюстителя (от 16/29 июля 1927 г.), часто именуемое «Декларацией». Обсудив ее, стороны отразили в совместном документе — «Об отношениях Церкви и государства» — следующее:

1. Хотя издание «Декларации» и не было единственной причиной церковных разделений, возникших в 1920-е годы, не подлежит сомнению [и то], что толчком к закреплению административного разрыва между Церковью внутри России и ее зарубежной эмигрантской частью послужил именно этот документ. Он стал для многих и началом разобщения духовного.

2. «Декларация» была написана под беспрецедентным нажимом со стороны богоchorческой власти, угрожавшей полным пресечением всех легальных форм церковной жизни. Об этом Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II сказал еще в 1991 году: «Сегодня мы можем сказать, что неправда замешана в Декларации. Декларация ставила своей целью поставить Церковь в правильное отношение к советскому правительству. Но эти отношения — а в Декларации они ясно обрисовываются как подчинение Церкви интересам государственной политики — как раз не являются правильными с точки зрения Церкви».

3. Церковная политика митрополита Сергия, несомненно, была направлена на сохранение церковной иерархии, которую стремились уничтожить богоchorцы, а также возможности преподания Тайнств. Как показало время, общины, отошедшие от общения с церковной иерархией, возглавляемой митрополитом Сергием, лишиены были возможности выжить в условиях гонений, а сохранившиеся их остатки не могли открыто проповедовать Христово учение и влиять на духовную жизнь народа. После Поместного Собора 1945 года значительная часть «непоминающих» клириков и мирян вошла в юрисдикцию Московского Патриархата. Среди оставшихся вне общения с Московской Патриархией проявлялась опасность уклонения в сектантство.

4. Политика митрополита Сергия способствовала воссозданию церковной жизни во время и после Второй мировой войны. Патриотическая позиция, выраженная, в частности, и в «Декларации», в годы Великой Отечественной войны нашла отклик в сердцах многих членов Русской Православной Церкви. Православные воевали и трудились для блага своей Родины, как святые великомученики Георгий Победоносец, Феодор Стратилат и многие святые воины первых веков христианства воевали, защищая свою

языческую страну, как преподобный Иоанн Дамаскин трудился для блага своей страны, находившейся под мусульманской властью. Деятельность архиереев и пастырей Русской Православной Церкви, в годы Второй мировой войны благословлявших народ на самопожертвование в борьбе с фашизмом, стала ярким примером выполнения христианского и патриотического долга. Осознание страшной опасности германского нацизма было свойственно и архипастырям Русской Зарубежной Церкви, сострадавшим трагическим судьбам русского народа. Известно, что находившийся вне досягаемости безбожной власти архиепископ Иоанн (Максимович), причисленный Русской Зарубежной Церковью к лику святых, служил молебны за победу своего Отечества, проводил денежные сборы на нужды борющейся армии.

5. Издание «Декларации» не означало, что Церковь единомысленна с идеологией безбожной власти. В документе была сделана попытка показать то, о чем Церковь говорила с первых веков своей истории, со времен апостолов и апологетов: христиане — не враги государства. Однако для безбожной власти православные христиане и после издания «Декларации» остались неблагонадежными и чуждыми. Вместе с тем, «Декларация» внесла жестокое разделение в среду церковного народа. Известны случаи, когда на допросах «непоминающих» священнослужителей гонители Церкви ссылались на «Декларацию». Она явилась и все еще является соблазном для многих чад Русской Православной Церкви.

6. На протяжении двухтысячелетней истории Церкви подобного рода компромиссы в условиях гонений известны. Но никогда ни люди, шедшие на компромиссы ради сохранения легального существования Церкви, ни, конечно же, те, кто не соглашался с такой политикой, не считали путь компромиссов нормальным, единственным и единственным для Церкви Христовой.

7. Мученики и исповедники, отдававшие свою жизнь за Христа и Его Церковь, в изобилии были как среди принявших «Декларацию», так и среди отвергавших ее. Из тех и других многие ныне причислены к лику святых. Действия митрополита Сергия, которые вызывали и вызывают много споров, были, несомненно, продиктованы поиском путей сохранения церковной жизни в наступившей переломной эпохе, в небывало тяжелых условиях. «Трагедия митрополита Сергия заключается в том, что он пытался «под честное слово» договориться с преступниками, дорвавшимися до власти.

8. Как в зарубежной части Русской Церкви, так — что особенно важно — и внутри России «Декларация» расценивалась церковным народом как болезненный, трагический компромисс, но не как свободный голос Христовой Церкви.

9. В полном согласии с церковным, святоотеческим учением об отношении Церкви и мирской власти сформулированы соответствующие главы документа, принятого на Архиерейском соборе Русской Православной Церкви Московского Патриархата (август 2000 г.) и получившего положительную оценку на Архиерейском Соборе Русской Зарубежной Церкви (октябрь 2000 г.)» [14, с. 13].

Анализируя вышеприведенные Комиссией положения и их оценки, можно отметить, что основы

социальной концепции РПЦ в ряде из них ясно указывают на принципы церковного подхода к взаимоотношениям Церкви и государства. В частности, в них говорится о том, что Церковь при определенных обстоятельствах должна призывать к гражданскому неповиновению. «Основы» содержат и мысли, принципиально отличающиеся от тех, что были выражены в «Декларации». Как сказал в 1991 г. Святейший Патриарх Алексий II, «Декларация митрополита Сергия в целом ушла в прошлое, и мы не руководствуемся ею» [14].

В этом же ключе высказался о ней и митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. «Свободный голос Церкви, с особенной отчетливостью прозвучавший в этом соборном документе («Основах социальной концепции»), — говорил он на Архиерейском Соборе в октябре 2004 г., сопоставляя его и «Декларацию», — даёт возможность взглянуть по-новому на «Декларацию». При всем понимании того, что курс отношения к государству, который был избран в 1927 году, обосновывался побуждениями сохранить возможность легального существования Церкви, — этот курс Собором Русской Православной Церкви авторитетно был признан не соответствующим подлинной норме церковно-государственных отношений. Эпоха церковной несвободы пришел конец». «Декларация» была признана документом вынужденным, не выражавшим свободной церковной воли. Вместе с тем, критическая оценка «Декларации» не означает осуждения Святейшего Патриарха Сергия, не выражает желания омрачить его образ и умалить подвиг его Первовсвятительского служения в тяжелейшие годы существования Церкви в Советском Союзе. Оценивая принятый документ, управляющий Берлинской и Германской епархией РПЦЗ архиепископ Марк (Арндт) сказал: «Думаю, что выработанный нами теперь документ, который должен быть представлен священноначалию обеих Церквей, одинаково удовлетворит обе стороны и даст во всей полноте Русской Церкви импульс для дальнейшего пути» [14, с. 13].

Таким образом, результаты работы совместной комиссий РПЦ и РПЦЗ оказались плодотворными. Узнавая и стремясь понять друг друга, им удалось найти форму и способы ликвидации церковного разобщения двух частей Единой Церкви. Итогом их совместной работы стал проект «Акта о каноническом общении», о котором в согласованном документе («О совместной работе комиссий Московского Патриархата и Русской Зарубежной Церкви») говорится: «Проект «Акта о каноническом общении» определяет канонический статус исторически сложившейся совокупности епархий, приходов, монастырей, братств и других церковных учреждений Русской Зарубежной Церкви как неотъемлемой самоуправляемой части Русской Православной Церкви» [14, с. 13].

И последняя подвела итог проделанной работе. Сделал это IV Всезарубежный Собор РПЦЗ, открывшийся 7 мая 2006 г. в Сан-Франциско в кафедральном соборе в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость». Выступая на нем Предстоятель РПЦЗ митрополит Лавр подчеркивал, «что речь не идет о «соединении» или «слиянии», а о примирении и взаимном признании друг друга, об установлении евхаристического общения с Московск-

ким Патриархатом при сохранении нашей административной самостоятельности, ибо мы понимаем нужды нашего духовенства и паствы лучше, чем их понимают в Москве. Мы не собираемся отступать от своих принципиальных позиций, в частности, по вопросу экуменизма. Мы намерены продолжать выступать с решительным осуждением так называемой теории ветвей и всякого рода совместных экуменических молений, что и отражено в документах обеих церковных комиссий, уже одобренных Архиерейским Синодом. Мы видим, что в Московском Патриархате созрело восприятие нашего понимания и отношения к ереси экуменизма, и поэтому активно стремимся к тому, чтобы вся Полнота Русской Церкви прониклась таким же отношением к ней. Мы стремимся и к тому, чтобы вся Православная Церковь вернулась к своему первоначальному заявлению, принятому в Москве на Всеправославном Совещании 1948 года. В этом отношении мы не идем на компромисс со своими заветными принципами, которыми мы руководствовались в течение последних десятилетий. Однако, живя в неправославном мире, мы всегда были открыты к диалогу со всеми, строго держась того, что это необходимо делать без всякого ущерба для веры и православного догматического учения. В наших официальных документах мы всегда придерживались умеренной экклезиологии и никогда не отрицали наличия благодати в Поместных Православных Церквях» [14, с. 13].

Во время последующих заседаний Собора были заслушаны доклады о духовно-историческом наследии и современном состоянии Русской Зарубежной Церкви, а также подробное сообщение о работе Комиссии по переговорам со встречной Комиссией Московского Патриархата. После каждого доклада следовали обсуждения довольно острые, в которых приняли участие архиереи, клирики и миряне. Особое их внимание привлекли два вопроса:sergiанство и участие РПЦ Московского Патриархата во Всемирном Совете Церквей. Высказавшись по ним, оппозиция объединению заняла на первых порах непримиримую позицию Но здравый смысл все же взял верх. Голосование по Резолюции, начавшееся в четверг, 11 мая, принесло победу сторонникам объединения. Против его (или воздержались) не более пяти процентов от общего числа делегатов. В принятом документе говорилось: «Мы, архиастыри, пастыри и миряне, члены IV Всезарубежного Собора, единодушно выражаем свою решимость уврачевать раны разделения внутри Русской Церкви — между ее частями во Отечестве и за рубежом. Нашей Пасхальной радости сопутствует великая надежда, что в благоприятное для сего времени, будет восстановлено, на основе Христовой Истины, единство в Русской Церкви, открывющее нам возможность служить вместе и причащаться от единой Чаши». В ней также был подчеркнут автономный статус Зарубежной Церкви («Мы выражаем наше соборное согласие с тем, что необходимо подтвердить на будущее канонический статус Русской Зарубежной Церкви, как самоуправляемой части Поместной Русской Церкви, в соответствии с действующим Положением о Русской Православной Церкви Заграницей...»), отражено негативное отношение к экуменизму и содержался призыв к РПЦ Московского Патриархата покинуть Всемирный Со-

вет Церквей («Из обсуждений на Соборе видно, что участие Русской Православной Церкви Московского Патриархата во Всемирном совете церквей вызывает смущение в среде нашего клира и паствы. Мы с сердечной болью просим священноначалие Русской Православной Церкви Московского Патриархата взять мольбу нашей паствы о скорейшем устраниении этого соблазна») [15, с. 1].

16 мая Архиерейский собор РПЦ одобрил Резолюцию и Послание IV Всезарубежного Собора и принял окончательное решение епископата Зарубежной Церкви о воссоединении с РПЦ Московского Патриархата («...завершением его [Собора] сози-дательного делания будет восстановление чаемого единства Поместной русской Церкви, как было выражено в Послании Собора») [15, с. 2].

30 января 2007 г. состоялась очередная встреча Патриарха Алексия II с полномочной делегацией РПЦЗ, на которой была определена дата подписания «Акта о каноническом общении» между РПЦ и РПЦЗ — 17 мая 2007 г. Его в тот день подписали: от имени РПЦ Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси, от РПЦЗ — ее Первовиарх, Лавр, митрополит Восточно-Американский и Нью-Йоркский. Это подписание означало, что, наконец-то, был преодолен многолетний раскол Русской Православной Церкви и восстановлено каноническое общение внутри Поместной Русской Православной Церкви. Все ранее изданные акты, препятствовавшие полноте канонического общения, были признаны недействительными либо утратившими силу.

Однако достигнутое объединение не было безболезненно ни для РПЦ, ни для РПЦЗ. Часть духовенства и мирян тех и других, как не принявшие его, пытались создать новые церковные объединения (юрисдикции). Хотя число противников объединения было незначительным, но их активность на информационном поле, в т.ч. в интернете, была замечена, что понуждает нас уделить внимание этому моменту.

Одним из лидеров движения «неприсоединения» стал «зарубежный» епископ Одесский и Таврический Агафангел (Пашковский), которому Митрополит Лавр запретил служить еще 20 мая 2007 г. Его сторонники заявили, что в раскол ушел не епископ Агафангел, а митрополит Лавр и другие иерархи Зарубежной Церкви. Чтобы подтвердить это, они создали Временное Высшее Церковное Управление РПЦЗ и провозгласили епископа Агафангела единственным представителем его законной церковной власти в ВВЦУ РПЦЗ [15, с. 1-2]. В своем заявлении последний так определил свою позицию: «...я не вижу будущности у тех, кто воссоединился с МП... поэтому считаю восстановление каноничного устройства церковного организма Русской Зарубежной Церкви делом первостепенной важности...наш путь — путь тех, кто желает оставаться в Русской Православной Церкви Заграницей — это путь к V Всезарубежному Собору, который бы принял решения, ограждающие догмат о Церкви, от попыток его искаложения» [15, с. 1-2]. В своем оповещении от 17 мая 2007 года он также писал: «Поскольку чаемое всей нашей Церковью покаяние Московской Патриархии в грехах сергианства и экуменизма до сего дня отсутствует, я нахожу преждевременным установление между нами евхаристического и администра-

тивного единства. Также я нахожу недопустимым отказ Зарубежной Церкви от своего духовного наследия, которое, по моему убеждению, невозможно будет сохранить во всей его полноте, в условиях, обозначенных Актом о каноническом единстве» [15, с. 1-2]. Таким образом, главный аргумент епископа Агафангела и его сторонников против объединения Церквей заключается, по их мнению, в том, что представители Московского Патриархата настоящими на верности принципам экуменизма и сергианства, а представители РПЦЗ уступили их давлению.

Не поддержал объединение Церквей и архиепископ Омский и Сибирский Тихон, председатель Архиерейского синода катакомбной Русской Истинно-Православной Церкви. В своем послании к духовенству и пастве Зарубежной Церкви, он был еще более резок в оценках объединения, чем епископ Агафангел. «Больше, — заявил он, — нет духовно свободной Русской Зарубежной Церкви, а есть во всем зависимая от Кремля так называемая “РПЦЗ-МП”... Акт [объединения] навсегда войдет в историю Всеянской Церкви — как акт духовной слепоты и величайшего падения некогда православных иерархов. По своему значению и последствиям, он превышает Брестскую унию 1596 года и даже унию, заключенную митр. Сергием с богоchorческой властью в 1927 году... Мы видим, что иерархия РПЦЗ(Л) не только внутренне, но совершенно открыто и, по-видимому, окончательно отреклась от учения, идеалов и наследия Русской Зарубежной Церкви, от пути Святых Новомучеников и Исповедников Российских и Катакомбной Церкви — от Истинного Православия. С духовно-канонической точки зрения это и есть подлинный раскол... уходят из Зарубежной Церкви в раскол не те, кто порывает церковное общение с апостасийной иерархией РПЦЗ(Л). Нет, храня идеалы Зарубежной Церкви, эти священники и паства в Зарубежной Церкви и остаются. А в раскол ушли митр. Лавр с его Синодом, и все его священники и миряне, кто покорно последовал за ними в МП». Обращаясь к пастве Зарубежной Церкви, архиепископ Тихон писал: «И помните, что Вы не одиноки: в России сохранилась катакомбная, Русская Истинно-Православная Церковь, архиереи которой восполнili апостольскую преемственность от РПЦЗ. Совместными усилиями, милостью Божией мы сохраним Русскую Зарубежную Церковь. Мы видим свою задачу не в открытии приходов РИПЦ за границей, а в братской помощи Зарубежной Церкви в Ее возрождении, — также, как в трудные советские годы Зарубежная Церковь помогла восполнить епископат и возродиться Своей страждущей Катакомбной Сестре на Родине» [16].

Следует отметить, что сразу же после окончания IV Всезарубежного Собора архиепископ Тихон не был столь резок в оценках и в целом поддержал решения Собора. Он писал тогда: «Некоторые страдательные люди не раз высказывали беспокойство об участии приходов Зарубежной Церкви в России. Что будет с ними в новых условиях единства Русской Зарубежной Церкви и Московского Патриархата? Моя задача передать им, что воля Божия в том, чтобы раскол в Русской Церкви, виною которого явилась единственно безбожная коммунико-большевистская власть был прекращен» [16].

Одним из главных критиков объединения Церквей, написавшим, пожалуй, наибольшее число статей и других публикаций на эту тему был М.В. Назаров. По его мнению, суть объединения заключена «в отказе от исторической истины, на предательстве тех верных и благочестивых клириков и церковного народа в Отечестве, которые сопротивляются антирусской власти и пытаются исцелить Церковь и Россию изнутри». Опубликованные объединительные документы РПЦЗ и МП — акт предательства русского православного народа, оккупированного ныне служителями той самой мировой системы зла, подчеркивал М.В. Назаров. В политическом смысле, считал он, «архиереи РПЦЗ подписались в легитимации всех достижений Великой криминальной революции (с 1991 г.), расчленении, разграблении и нравственном разложении России». Главной целью Московской патриархии была, по его мнению, «безоговорочная легитимация нынешней церковно-патриархийной структуры как непогрешимой “Матери-Церкви”, без необходимости рассматривать прошлые и нынешние грехи ее руководителей и каяться в них» [16].

По мнению отдельных противников объединения, именно «апостасия» и «отступничество» Московской Патриархии особенно усилились в постпредостроечные годы, поэтому объединение с ней было предательством православия со стороны РПЦЗ. В частности, П. Будзиевич пишет, что «МП, так и антирусский путинский оккупационный режим не являются ни легитимной 1000-летней русской православной церковью, ни русским правительством, узурпаторы идут на всё, чтобы создать видимость легитимного русского духовного и светского возглавления» [16].

Наряду с вышеназванными, есть противники объединения и среди клириков и мирян Московской Патриархии. Одним из них является ее клирик, священник Георгий Эдельштейн. Он заявляет, что переговоры между РПЦЗ и РПЦ МП были проведены за закрытыми дверями, на которых переговорщики со стороны последней оказались искушеннее: «ОВЦС специализируется в области тайных закулисных переговоров и интриг уже 50 лет, его сотрудники — профессионалы высшего класса, они способны одинаково хорошо исполнять должности наперсточника и шулера или Штирлица и Зорге. В искусстве слюбодуния им нет равных во всем мире, соперничать с ними в дипломатии может разве что Ватикан». Главная же причина несвоевременности объединения видится ему в «неизжитости сергианства», на которое РПЦЗ «предпочла закрыть глаза» [16].

Весьма характерно повел себя по дискутируемым вопросам протоиерей Александр Шаргунов. Поддерживая (в принципе, прошедшее объединение Церквей), он в то же время во многом «солидаризируется» с аргументами противников объединения. В частности, он пишет: «в России все это зло (сатанизм, содомия, разврат, масонство, сионизм, культа денег, индивидуализм) насаждается государственными структурами и носит тотальный характер... [17].¹⁸ Безразличие к сущности современного Российского государства для современной Православной Церкви губительнее, разрушительнее пресловутой лояльности к атеистическому советскому

государству. Лояльность к растлению детей как государственной политике или геноциду русского народа рядом не стоит с сергианским... Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи». По утверждению о. Александра РПЦЗ предпочла не заметить новую революцию, которая по своим масштабам — «глубине подрыва основ человеческого существования — личности, государства, семьи...» — значительно превосходит революцию 1917 года [17]. И «в этих условиях, — соглашается священник, — разумеется, лучше объединение, чем разъединение. Необходима консолидация всех здоровых сил Церкви. Чего же мы ждем от этого объединения? Чтобы православные христиане в России, в Европе и в Америке могли совместно служить и молиться друг с другом. Чтобы

обе части Церкви осознали великую ответственность Православия за спасение многих... взаимно помогали друг другу в противостоянии новой, не имеющей аналогов общей угрозе» [17].

Подводя итоги всему вышесказанному, следует подчеркнуть главное — противники единения остались в меньшинстве. Несмотря на все трудности, порой непонимание, каноническое общение между двумя частями Русской Православной Церкви было восстановлено во всей полноте. Однако это не означает, что все проблемы уже решены. До сих пор остается ряд проблем, локальных конфликтных ситуаций, которые требуют своего решения в духе церковной икономии и терпимости. Сам же факт воссоединения Церквей, вне сомнения, стал событием поистине исторического масштаба не только для России, но и всего русского православного мира.

Библиографический список

1. Иларион, епископ Венский и Австрийский Принцип «канонической территории» в православной традиции // Церковь и время. Научно-богословский и церковно-общественный журнал. — 2005. — №2 (31).
2. Попов А.В. Временные Высшие Церковные Управления на территориях, контролируемых белогвардейскими правительствами // История белой Сибири. Материалы VI международной научной конференции. 7-8 февраля 2005 г. — Кемерово, 2005.
3. Никон (Рклицкий), епископ. Жизнеописание и творения Блаженнейшего Антония Митрополита Киевского и Галицкого. Т. 5. В эмиграции 1920-1936 гг. Организация русской церковно-общественной жизни за границей России, после эвакуации из Крыма в 1920 году. Богословское творчество и его критика. — Нью-Йорк, 1959.
4. Попов А.В. Русская Православная Церковь за границей: образование и раскол (1920-1934) // Новый исторический вестник. — 2005. — №12.
5. Из переписки заместителя патриаршего местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергея (Страгородского) и митрополита Евлогия (Георгиевского), управляющего Православными Русскими Церквами в Западной Европе. 1927-1928. (Документы из архива Отдела внешних сношений Московского патриархата) // Церковь и время. — 1998. — №2 (5).
6. Русская Православная Церковь в советское время (1917-1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / Сост. Г. Штикер. — М., 1995.
7. Русская Православная Церковь в советское время (1917-1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / Сост. Г. Штикер. — М., 1995.
8. ГА РФ. Ф. Р. — 6343. Оп. 1. Д. 1.
9. Русак В.С. Церковные расколы XX века. Русская зарубежная Церковь и Московский Патриархат. // Международные «Макарьевские чтения», посвященные 210-летию со дня основателя Алтайской духовной Миссии Св. Макария. — Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2002.
10. Граббе Ю.П. Взаимоотношение Русской Православной Церкви заграницей и Материалы Церкви // Деяния Второго Всезарубежного Собора Русской Православной Церкви, с участием клира и мирян состоявшегося 1(14) — 11(24) августа 1938 года в Сремских Карловцах в Югославии. — Белград, 1939.
11. Попов А.В. Российская православная диаспора: Проблемы историографии // История российского зарубежья проблемы историографии (конец (XIX-XX в.). — М.: Институт российской истории РАН. — 2004.
12. Белое духовенство — первый шаг к примирению. Резолюция Архиерейского собора РПЦЗ может стать началом диалога двух русских Церквей // Сегодня. — 2001. — №3. — 06.01.2001
13. Визит в Москву делегации Русской Зарубежной Церкви // Журнал Московской Патриархии. — 2003. — №11.
14. Неразрешимых проблем нет. Воссоединение некогда единой Русской Церкви может вскоре состояться // НГ Религии. — 2003. — №20 (128).
15. Круг П. Углубление раскола. Часть духовенства Зарубежной Церкви создала свое высшее церковное управление // НГ Религии. — 2007. — №12 (206).
16. Будзилович П. Еще одна ложь МП к «воссоединению церквей» [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.russia-talk.com>
17. Шаргунов А., протоиерей. Объединение в единении. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.rusidea.org/?a=130042>

Историко-архивный институт, Российского государственного гуманитарного университета, г.Москва
Получено 15.05.08.

A.V. Popov

The find of unity: the church — legal basis of reunion the Russian Christian of church of the Moskov Patriarch and the Russian Christian of church behind border. In the article, on the basis of documentary sources analized the process of reunion the Russian Christian of church of the Moskov Patriarch and the Russian Christian of church behind border.

Moskov Patriarch, Russian Christian of church, Russian Christian of church behind border, Sinod, Cathedral, opposition

УДК 902

Д.Н. Гергилев

АДМИНИСТРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ СИБИРЬЮ В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВВ. (ДО РЕВИЗИИ М.М. СПЕРАНСКОГО)

В статье, на основе документальных источников (опубликованных) анализируется процесс развития административного управлению Сибирью в конце XVIII — первой четверти XIX вв. (до ревизии М.М. Сперанского).

**административное управление, Сибирь, губернская реформа, система управления, Сенат,
административно-территориальное устройство Сибири**

История административного управления Сибирью всегда вызывала интерес отечественных и зарубежных исследователей. Особое внимание уделяли они выше указанному периоду, когда структура административного управления сибирским регионом неоднократно менялась. В частности, в 1782 — 1783 гг. в Сибири была проведена губернская реформа, итогом которой стало появление Тобольского, Иркутского и Колыванского наместничеств [1] Эта реформа явилась следствием планомерной политики государства в развитии системы административного управления Сибирским краем. В её основе лежало два направления: унификация структуры и компетенции центральных органов власти и региональная «централизация».

Отдаленность Сибири от центра способствовало тому, что значительная часть полномочий и функций высших и центральных органов власти была передана на места и сосредоточена в руках наместников. Глава местной администрации находился в непосредственном подчинении у императора. Такое устройство власти, по мнению исследователя русской колонизации М.К. Любавского, полностью отвечало потребностям государства, которое, по-прежнему, проводило колонизаторскую деятельность в Сибири со своими политическими, экономическими и военно-стратегическими целями [2, с. 472].

Потребность в довольно частом изменении административно-территориального устройства Сибири была вызвана целым рядом причин. Одной из главных из них, было, заметно ускорившееся, русское освоение региона в первой половине XIX в. К примеру, с 1795 по 1850 гг. сибирское население увеличилось в 2 раза (с 593 тыс. до 1,2 млн. душ м.п. [3, с. 10-26]. По темпам прироста населения Сибирь устойчиво опережала среднероссийские показатели. Необходимо учитывать обширность территории, неравномерность распределения населения, разнородность его состава по социальному-экономическому и этническому признакам, сосредоточение военных сил в пограничных территориях, задачи фискальной политики, распределение материальных ресурсов. Решение всех этих вопросов вынуждало самодержавие делегировать часть своих полномочий местным государственным учреждениям. Немногочисленность дворянского сословия в этом регионе приводит к усиливанию власти местной государственной администрации, ее бесконтрольности и произволу.

Распространяя общероссийскую систему местного управления на Сибирь, правительство оставляло широкий простор для действий региональной

администрации. Указ от 28 января 1782 г. наделил, к примеру, сибирских наместников правом отбирать из губернских учреждений (по закону 1775 г.) только такие, которые отвечают местным условиям. Это привело к тому, что в Сибири не были созданы учреждения, занимавшиеся делами дворянского сословия (дворянские опеки, верхние земские суды и т.п.). Наместники обращались в центральные и высшие учреждения империи лишь в наиболее важных случаях, предпочитая решать большинство проблем самостоятельно [4, №153334].

Известный исследователь истории государственного управления XVIII в. А.Б. Каменский придерживается мнения, что губернская реформа Екатерины II явилась настоящей контреформой, более радикальным изменением в системе управления, относительно коллежской реформы Петра I. Произошло перераспределение полномочий между органами власти в центре и на местах. Однако реформа Екатерины II не означала принципиальных изменений в существе и характере политической власти, но лишь в методах и способах ее реализации [5, с. 436].

Упразднение Павлом I в 1797 г. наместничеств и преобразование их правлений в губернские, было вызвано излишней самостоятельностью местной администрации [4, №17634, 17677]. Губернские власти стали теперь подчиняться непосредственно Сенату. Согласно Павловской реформе, Сибирь была поделена на две губернии — Тобольскую и Иркутскую, но власть губернаторов, заменивших наместников, ограничить так и не удалось. За короткий период царствования Павла I меры, принятые им в отношении Сибири, не принесли ощутимых результатов и не повлияли — заметно — на государственное строительство.

В начале царствования Александра I в высших правительственные кругах понимают необходимость создания особой системы управления Сибирью [7]. Указание на необходимость учета особенностей в управлении азиатским регионом Российской империи содержалось в указе 1 июня 1801 г. о назначении ревизором в Сибирь сенатора И.О. Селифонова [8, №19980]. Вместе с назначением ревизор получил особую инструкцию, в которой говорилось, что «сибирский край по пространству своему, по разностям естественного его положения, по состоянию народов, его населяющих, нравам и обычаям» требует «в самом образе управления особенного постановления», основанном на достоверном представлении местных обстоятельств, «коих по всем их подробностям сообразить и привести в надлежащее единство на столь великом расстоянии невозможно» [8, №19980]. И.О. Селифонтову по-

ручили не только устранить злоупотребления, но и подготовить проект административного преобразования региона. Императорское поручение обращало внимание на необходимость изменить губернское положение применительно к Сибири, указав на «несообразность оного с правами и понятиями обычайств» [9, с. 70]. Император подчеркивал, что «главный предмет ревизии... какое может быть удобнейшее страны сей разделение, и какое долженствует в ней быть сообразнейшее положению ее управление». А отступления нужно сделать для удовлетворения народных нужд и повинностей, по отношению к устройству суда, образования и поселения в обывателях уверенности, что они живут «под добрым и радеющим о них правительством» [8, №19980]. Результатом ревизии стало создание в 1803 г. единого сибирского генерал-губернаторства с центром в Иркутске. Его возглавил И.О. Селифонтов. Вместе с новой должностью он получил и особую инструкцию, которая существенно расширяла его полномочия. В документе указывалось, что хотя руководствоваться в своей деятельности генерал-губернатор должен «Учреждениями о губерниях», но все же из-за отдаленности края «могут встречаться такие обстоятельства, в коих нужно предпринимать меры, законом не предусмотренные» [10, №20771].

Генерал-губернатор получил право назначать и увольнять местных чиновников, кроме губернаторов, вице-губернаторов и начальников губернских палат. Смещать чиновников, имевших отраслевое подчинение, он мог только с согласия заинтересованного министерства. Имел Селифонов влияние и на казенную палату, и горное управление, хотя они и сохранили непосредственное подчинение Министерству финансов. Пользуясь этим, генерал-губернатор выдавал предписания «к деятельности» другим чиновникам «на свой страх, уведомляя министерства о том, кому и какая инструкция дана». При этом, чиновникам указывалось, что «никаких новых налогов и повинностей ни на кого, ни под каким предлогом не налагать». Особое внимание уделяла инструкция сохранению прежних порядков среди аборигенного населения Сибири: «Многими указами и другими актами повелено ...оставить ясачных при их собственных правах и обычаях, по которым они сами бы разбирались во всех маловажных своих делаах, не привлекая их к тяжбе и волоките по судному обряду,... вы должны подтвердить, чтоб отнюдь никто не вмешивался в таковые дела ясачных, исключая уголовных или подлежащих особой важности, в таковых случаях должны они судимы быть по общим государственным узаконениям» [10]. Необходимо отметить, что учет особенностей народонаселения Сибири проявлялся и дальше, в периоды, когда специальных преобразований не проводилось. Например, при рассмотрении в 1814 г. представления министра финансов о податях с ясачных народов, живущих в сибирских губерниях, решено «оставить при той же денежной подати, которую они до 1810 г. платили» [10, №25536].

Как видим, главной задачей инструкции И.О. Селифонтову, было усиление местной генерал-губернаторской власти. Иначе говоря, авторы инструкции пытались исправить недостатки «Учреждения

о губерниях» 1775 г., которые были вызваны удаленностью сибирской территории от центра и ее обширностью, при небольшом населении. Но, несмотря на стремление усовершенствовать систему управления регионом, инструкция не выходила за рамки традиционной политики, опиравшейся на особое доверие монарха к генерал-губернатору. Стремление сочетать самостоятельность региональных правителей с указанной компетенцией можно видеть из указа Сенату «о непреступлении губернаторами пределов власти, назначенной им законом». Последним царь поручил Сенату (в 1802 г.) уведомить все государство «о неослабном прохождении службы, всякому mestu и лицу принадлежащих» [10, №20372]. Суть указа сводилась к усилению роли губернского правления, уменьшению административного произвола в присутственных местах.

В 1804-1805 гг. И.О. Селифонтов провел ряд преобразований в административно-территориальном устройстве Сибири, направленных на усиление бюрократического надзора и приближение администрации к сибирскому населению. По его предложению, из состава Тобольской губернии была выделена в 1804 г. Томская, а также уменьшено во всех сибирских губерниях число уездов. Императорским указом от 26 февраля 1804 г. определялось, что «до общего о сибирском крае положения, управление Тобольской губернии остается на прежнем состоянии. Управление Томской губернией постановляется также на основании общего о губерниях Учреждения» [11, №21183]. Многолюдно населенные уезды были разделены на особые части — комиссарства. Взамен заседателей в их нижних уездных судах в комиссарства назначались частные комиссары, подчиненные исправнику. Главной мерой по исправлению недостатков управления, И.О. Селифонтов считал лучшее устройство земской полиции. Однако усложнение местного управления привело к обратному результату: комиссары стали — через голову уездного исправника — обращаться к губернским властям, что создавало дублирование многих документов и еще больше загружало губернскую канцелярию, на плечи населения легли дополнительные расходы по содержанию возросшего числа чиновников и их семей.

На губернском уровне также были проведены преобразования, направленные на объединение губернских отраслевых управлений и усиление роли губернатора в них. Во вновь образованной Томской губернии в целях экономии средств и большего единства в действиях было создано (под предводительством губернатора) губернское правительство из двух экспедиций: исполнительной (заменила губернское правительство) и казенной (вместо казенной палаты). Судебные дела были сосредоточены в гражданском и уголовном суде [11, №21183]. В апреле 1805 г. эти преобразования затронули и Иркутскую губернию.

Предложенные генерал-губернатором И.О. Селифонтовым изменения (по наведению порядка в управлении Сибирью) особого успеха не имели. Не удалось новой сибирской администрации пресечь и жалобы, продолжавшие поступать в Петербург. Новая ревизия Сибири была «поручена» в 1805 г. графу А.Ю. Головкину, отправившемуся во главе

посольства в Китай. И.О. Селифонтов был отстранен от должности с запрещением посещать столицы. В ходе ревизии А.Ю. Головкин пришел к выводу о «невозможности» применения к Сибири положения, действующего во внутренних губерниях России. Указом 3 марта 1806 г. новым сибирским генерал-губернатором был назначен «по совету» А.А. Аракчеева, тайный советник сенатор И.Б. Пестель [12, с. 141-149].

Свою деятельность последний начал с укрепления своих позиций в регионе. Пользуясь доверием императора, он заменяет своими людьми всех сибирских губернаторов. При этом начальником в Иркутскую губернию был назначен исключительно преданный ему Н.И. Трескин. Под руководством И.Б. Пестеля в Сибири был установлен режим жесткой регламентации и беспрекословного подчинения местному начальству. Любые проявления самостоятельности, а тем более оппозиции — жестко наказывались [13, с. 13]. И.Б. Пестель практически не занимался административным управлением вверенной ему территории, находясь постоянно в столице, а управлением Сибирью ведал Н.И. Трескин, который «железной рукой» подавлял все попытки сопротивления. Закономерным следствием подобного его «самоуправства» стал росший с каждым днем поток жалоб из Сибири, как от отдельных граждан, так и от общественных групп, находившихся в оппозиции к генерал-губернатору.

«Распри» сибирских властей между собой, жалобы на произвол чиновников стали известны стечению начальству. 10 октября 1813 г. «для рассмотрения поступивших от Сибирского генерал-губернатора представлений по делам тамошнего края» Александр I повелел учредить Комитет (под председательством В.П. Кочубея) по делам Сибирского края. В его состав вошли: государственный контролер Б.Б. Кампенгаузен и управляющий делами иностранных исповеданий кн. А.Н. Голицын. Впоследствии к ним присоединились А.С. Шишков и министр полиции А.Д. Балашев. Комитет по делам Сибирского края, работавший при Комитете министров, должен был вносить в него свои решения. Но собирался он нерегулярно, по мере поступления дел, и просуществовал до 4 февраля 1819 г. На заседаниях рассматривались, помимо представлений сибирского генерал-губернатора, различного рода жалобы на действия местной администрации. В апреле 1817 г. Александр I хотел отдать под суд томского губернатора Д.В. Илличевского, а вместо И.Б. Пестеля назначить его соперника — команди-

ра Отдельного Сибирского корпуса Г.И. Глазенапа. Однако им (при помощи А.А. Аракчеева) удалось сохранить свои посты.

Значительный интерес для понимания формирования в то время нового подхода к административной политике в Сибири, представляют два документа: записка ministra внутренних дел О.П. Козодавлева и особое мнение председателя Комитета министров П.В. Лопухина. Последний, исходя из сложившейся практики, предлагал направить с ревизией в Сибирь двух сенаторов и учредить там специальные уголовный и гражданский департаменты Сената. Но Козодавлев заявил, что направление сенаторов с ревизией в Сибирь не только неудобно, но и совершенно бесполезно. Он осудил также стремление бесконтрольно усиливать местную власть, тогда как ее, наоборот, необходимо, не ослабляя, поставить под надзор. Для этого Козодавлев предлагал учредить в Сибири Верховный совет в составе чиновников, назначаемых правительством, и членов, избираемых из сибирских жителей разных сословий. Он также планировал, опираясь на опыт остзейских магистратов, усилить в Сибири городское самоуправление, что, по его мнению, принесло бы пользу торговле, промышленности и образованию. При этом министр настаивал на отставке И.Б. Пестеля и назначении в Сибирь нового генерал-губернатора, очевидно, связывая с этим осуществление своего плана.

Таким образом, можно утверждать, что в начале XIX в. система государственного управления развивается, подчиняясь разнонаправленным и во многом противоречивым тенденциям. Одновременно в Сибири идет процесс централизации и децентрализации бюрократического аппарата. В правительственные кругах появляются первые попытки отыскать определенное равновесие между этими основными началами государственного устройства.

В определении принципов региональной политики империя оказалась перед выбором: ввести общегосударственную систему управления или представить Сибири некоторую административную автономию. Признание особого статуса Сибири в составе империи вело бы к законодательному закреплению отдельности края, формированию отношений «Россия — Сибирь». Не разрешая вопрос — колония Сибирь или окраина, государство не могло выбрать стратегии в управлении этой огромной территорией. Вследствие этого Петербург принимает решение о необходимости проведения ревизии и последующих реформ.

Библиографический список

1. Ремнев А.В. К вопросу о периодизации административной политики самодержавия в Сибири XIX — начала XX вв. // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI-XX вв. Материалы четвертой региональной научной конференции. — Новосибирск, 1999.
2. Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. — М., 1996.
3. Рутц, М.Г. Динамика численности городского населения Западной Сибири в первой половине XIX в. // Города Сибири XVIII — начала XX в. Сб. научных статей. — Барнаул, 2001.
4. Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ) — I. Т. 21.
5. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века. — М., 2001.
6. ПСЗ-І. Т. 24.
7. Вагин В.И. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири. Т. 1-2. — СПб., 1872.
8. ПСЗ-І. Т. 26.
9. Гудошников М. Сибирь. Историческая хрестоматия. — М. — Иркутск, 1932.
10. ПСЗ-І. Т. 27.
11. ПСЗ-І. Т. 28.
11. ПСЗ-І. Т. 28.

12. Ремнев А.В. Проконсул Сибири Иван Борисович Пес-тель. // Вопросы истории. — 1997. — №2.
13. Сибирь в составе Российской империи. / Под. ред. А.И. Миллера, А.В.Ремнева, А. Рибера. — М., 2007.

Сибирского федерального университета, г. Красноярск
Получено 29.04.08.

D.N. Gergilev

THE ADMINISTRATIVE GOVERNMENT OF SIBERIA IN END XVIII- FIRST OF QUARTER XIX CENTURY (TO OF INSPECTION M.M.SPERANCREY)

In the article, on the basis of documentary sources analysis the process of development administrative government of Siberia in end XVIII- first of quarter XIX century (to of inspection M.M.Sperancrey).

administrative government, Siberia, province reform, system of government, Senat, administrative — territorial system of Siberia

УДК 902

B. Battmuunx

Г.Н.ПОТАНИН И ЕГО РОЛЬ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ МОНГОЛИИ

В статье, на основе опубликованных источников анализируется роль Г.Н. Потанина в изучении истории и культуры Монголии.

Г.Н.Потанин, Центральная Азия, Северо-Западная Монголия, история и культура, археологические памятники, фольклор

Изучение истории и культуры народов Центральной Азии в значительной степени связано с именами многих русских ученых и путешественников. И Монголия в этом плане не составляет исключения. Изучая ее, они создали немало специальных работ, посвященных истории и культуре нашего народа, не потерявших и по сей день своей научной ценности. Для примера назовем некоторые из них, увидевших свет во второй половине XIX века. Их перечень начнем с работ, посвященных моей малой родине — Западной Монголии. И, в первую очередь, мы назовем труды, созданные известным русским ученым и путешественником Г.Н. Потаниным, — это «Очерки северо-западной Монголии» (Вып. III и IV. СПб., 1883), а также «Памятники древности в северо-западной Монголии, замеченные во время поездки в 1879 году» (Труды Московского археологического общества. М., 1885. Т.10). В этом же ряду, нельзя не назвать научные труды А.М. Позднеева — «Монгольская летопись «Эрдэнийн Эрихе» (СПб, 1883), «Очерки быта буддийских монастырей в Монголии (Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. М., 1887.), «Монголия и Монголы» (Т. I и II. СПб., 1896.) и др.

Не принижая значения сделанного другими русскими исследователями в плане изучения истории и культуры монголов, остановимся на том, что было сделано Г.Н. Потаниным (1835-1920).

Как известно, первое свое большое путешествие он совершил в 1863 году, когда в составе экспедиции Императорского Русского географического общества (ИРГО), Григорий Николаевич обследовал оз. Зайсан и хребет Тарбагатай. После этого последовали его поездки по Северной Монголии, Север-

ному Китаю, восточной и центральной Монголии и по Большому Хингану. В результате четырех поездок по Монголии, им был накоплен богатейший материал по флоре, фауне посещенных мест, а также связанный с бытом, культурой и фольклором тюрко-монгольских племен Сибири и Центральной Азии.

Первое свое масштабное путешествие ученым начал с археологического исследования нашей страны. Изучив в течение 1876-1877 гг. многие археологические памятники, открытые им на территории Монгольского Алтая, западной Монголии, он не только описал их, но и постарался выяснить сферу их распространения и историю их появления. Все накопленные о них сведения Г.Н. Потанин постарался довести до сведения ученых Западной Европы.

Наиболее тщательному изучению были подвергнуты им археологические памятники бронзового века, в частности, оленные камни. Выступая в 1889 году на заседании ИРГО, ученый впервые обосновал идею о том, что созданные руками древних мастеров «устремленные вверх олени могли выражать символику, обращенную в небо» [1, с. 64-76].

Наряду с оленными камнями, значительное внимание было уделено исследователем и каменным бабам, связанным с тюркским царством, в частности, с памятником Даян Батора, находящимся ныне в окрестностях современного г.Ховда, который стал, благодаря усилиям Г.Н. Потанина, всемирно известным. Его привлекла не только интересная, но и своеобразная композиция данного памятника. И здесь уместно подчеркнуть, что данные компоненты Даян Батора до сих пор продолжают вызывать интерес ученых всего мира. Так вот, изучив данный

памятник, Григорий Николаевич воссоздал его зри-мый «портрет»: высота — 150 см, ширина — 38, и головная часть памятника — 55 см [1, с. 73]. В по-следующем исследователи не раз обращались к это-му памятнику, уточняя его характеристики. Со-гласно последним данным, его высота определена в 160 см, ширина — 40 и толщина — 20 см [2, с. 72]. В свое же время Г.Н. Потанин, обследовав памят-ник, писал, что «по отделке частей и степени сохра-нения... Даин Батыр есть лучший из всех, какие мы видели в северо-западной Монголии» [1, с. 73].

Иначе говоря, Григорий Николаевич достаточно-но подробно изучил не только вышеуказанный памятник, но и другие, по праву став, основополож-ником археологического исследования Монголии.

Значительное внимание уделил он и изучению этнокультурного генезиса монголов. Путешествуя в конце XIX века по северо-западной Монголии, ученый встречался с представителями разных ее на-родностей: алтайскими урянхайцами, баядами, дур-бетами, захчинами, мянгадами, олэдами, торгоута-ми, халхасцами, хотонами, хотогайдами и др. На-блюдая за ними, он сделал немало описаний о их родовом составе, быте, культуре, хозяйственных за-нятиях, религиозных верованиях и др. Есть в них, и это вполне закономерно, немало неточностей, спорных моментов, но это ни в коей мере не умаля-ет значение созданного ученым. А имеющиеся неточ-ности — это, по нашему мнению, результат масш-табности и размаха предпринятого Г.Н. Потаниным исследования народов Монголии.

Помимо археологических и этнографических ис-следований, внес Г.Н. Потанин достойную лепту в сбор и изучение памятников народного фольклора. Его усилиями был накоплен богатый материал, свя-занный с мифологией не только древних монголов, но и тюрков и нашедший отражение в четвертом выпус-ке уже упоминавшихся «Очерков Северо-Западной Монголии» (СПб, 1883). Но особенно велика заслуга исследователя в изучении сказания «Ерке» — культа сына неба в Северной Азии. Исследуя устное народ-ное творчество народов этого региона, он вполне спра-ведливо подчеркивал, что в нем содержатся богатые и разнообразные сведения, отражающие историю, культуру, быт и религиозные воззрения многих наро-дов Центральной Азии [3, с. 1-114].

Собранный им фольклорный материал ценен для нас, монголов, да и для исследователей мира

тем, что записывая исторические песни и сказания, ученый уделял большое внимание точности их пе-ревода, для чего Григорий Николаевич, согласно его утверждениям, пользовался услугами людей, «знав-ших монгольский язык в совершенстве». Правда, уделяя много внимания точности перевода того или иного памятника, ученый вынужден был «пожерт-вовать» в отдельных случаях «основным смыслом и оттенком сказания», но это уже частности, кото-рые ни в коем случае не призывают значение «на-учного подвига» Г.Н. Потанина. Это, со всей опре-деленностью, подметили в свое время его современ-ники, в частности, известный русский ученый А.В. Бурдуков, проживший в Монголии более двух десятилетий. Вспоминая состоявшуюся в Томске, в 1916 году, встречу с ученым, автор работы «В ста-рой и новой Монголии» подчеркивал, с каким вни-манием внимал Григорий Николаевич рассказу сво-его собеседника о его научных изысканиях в Монго-лии, уточнениям, которые он делал по тому или иному фольклорному памятнику, описанного вели-ким путешественником. Выслушав их, Г.Н. По-танин посоветовал Бурдукову продолжить свою ра-боту по изучению устного народного творчества на-родов Северной Монголии, уделив особое внимание бытовым, культурно-обрядовым и социально-исто-рическим явлениям и фактам в жизни монгольско-го народа [4, с. 136].

Словом, сделанное великим русским ученым и путешесственником по изучению истории и культу-ры народов Монголии трудно переоценить. Начатое им дело, сегодня с успехом продолжает нынешнее поколение российских исследователей в тесном со-трудничестве с монгольскими коллегами. И делает-ся это не случайно, ибо набирающая с каждым де-сятилетием силу «техногенная цивилизация» не-редко разрушает традиционный уклад жизни насе-ления Монголии, приводя тем самым к «утра-те традиционных историко-культурных, бытовых и духовных элементов его бытия». Подобного, как отмечал в свое время известный монгольский уче-ный, академик Ш. Лувсанвандан, мы допустить не в праве. Все, присущее нам и составляющее народ-ное достояние Монголии должно быть сохранено на века. Об этом со всей определенностью говорил в свое время великий русский ученый и путешесствен-ник Г.Н. Потанин. Об этом должны помнить и мы — его нынешние последователи [5, с. 39].

Библиографический список

1. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. — СПб., 1881. — Вып. II.
2. Баяр Д., Эрдэнэбаатар Д. Монгол хун чулуу. — Улан-Батор, 1999.
3. Потанин Г.Н. Ерке — культ сына неба в Северной Азии. Материал по тюркско-монгольской мифоло-гии. — Томск, 1916.
4. Бурдуков А.В. Хуучин ба шинэ Монголд / пер. Э. Ба-заржав. — Улан-Батор, 1987.
5. Батмунх Б., Цэдэв Х. Вклад Г.Н. Потанина в историко-культурные исследования Монголии // Г.Н. Потанин и народы Алтая-Саянского горного региона: через поко-ления в будущее. Материалы Международной научной конференции. — Горно-Алтайск, 2005.

Ховдский государственный университет, г. Ховд, Монголия
Получено 13.05.08.

B. Batmunkh

G.N. POTANIN AND HIS ROLE IN ATUDY OF HISTORY AND CULTURE OF MONGOLIA
The paper written on the basis of analyzed publications the role of G.N.Potanin in study of history and culture of Mongolia.

G.N.Potanin, Central Asia, Nord-West Mongolia, history and culture,
archaeologist memorial, folklore

УДК 902

А.А. Завьялов

СТРОИТЕЛЬСТВО ЧУЙСКОГО КОЛЕСНОГО ТРАКТА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ЧАСТНАЯ ИНИЦИАТИВА

В статье на основе впервые вводимых в научный оборот документальных источников анализируется строительство Чуйского колесного пути в конце XIX — начале XX в.

Алтай, Западная Сибирь, государственная политика, частная инициатива, Чуйский тракт, Сибирская железная дорога, паром, переправа

Социально-экономическое развитие каждого региона (и Алтай в этом плане — не исключение) зависит от целого ряда обстоятельств. В их ряду, немаловажное место занимают и транспортные коммуникации. Попробуем обосновать это на примере Алтая конца XIX — начала XX вв.

Прежде, чем говорить о вышеозначенном времени, сделаем небольшой экскурс в историю. В силу объективных условий, интересующий нас край с давних пор располагал неразвитой системой путей сообщения. Во второй половине XIX в. его внутренние пути сообщения состояли из примитивных «гужевых трактов», многие из которых при ненастной погоде, зачастую становились непроезжими. Со временем к вышеуказанным «трактам» прибавились водные пути. С опорой на эти два компонента и решались первоначально задачи и экономического, и административно-управленческого, политического развития и внутреннего обслуживания развития нашего края.

Однако с активным развитием во второй половине XIX в. пароходства в Сибири заметно возрастает роль и транспортное значение рек Западной Сибири (Оби, Иртыша и Томи). К сожалению, главные направления судоходных «артерий» обходили Алтай: они «уходили» от него на запад и восток, т.е. развивались в полном соответствии с общим направлением хозяйственного освоения Сибири и формированием транспортно-экономических связей в указанном выше направлении.

Не изменила сложившуюся ситуацию и постройка Транссибирской железнодорожной магистрали, давшая возможность полномасштабно включить Сибирь в народно — хозяйственный комплекс страны. И, хотя Алтай остался от в стороне от железной дороги, тем не менее, она и для него открыла новую страницу в его социально-экономическом развитии: всесезонный железнодорожный транспорт, в отличие от речного, стал и для него, пусть спорадически, но выполнять функции межрайонных, а в отдельных случаях и внутрирайонных перевозок. Это стало особенно возможным по мере строительства железнодорожной ветки от Новониколаевска (ныне, Новосибирск) на Барнаул и Бийск. К началу XX в. схема транспортного движения грузов с Алтая была следующей: вначале они направлялись по Оби до Новониколаевска, а оттуда — по железной дороге «разъезжались» по всей России. По мере строительства вышеуказанной железнодорожной ветки, межрайонные и внутрирайонные связи Алтая стали постепенно «переключаться» на нее [1, с. 160].

В Сибири же с давних пор большую роль — как транспортная артерия — играл, как известно, Мос-

ковский тракт. И надо сказать, что и с появлением в ее жизни Транссиба, он не утратил своего значения. От Московского тракта, по которому шла основная масса грузов, отходили более мелкие тракты, из коих особо выделялись два пути, ведших из Западной Сибири в Монголию. Одним из них был Чуйский тракт, без преувеличения, главная торговая артерия Западной Сибири с Монгoliей. Он шел из Бийска по долине р. Чуи в Кобдо и далее — в Улясутай. Другим трактом, связывавшим Алтай с Монголией, являлся Бухтарминский, шедший из Семипалатинска, через Бухтарминскую степь и перевалы Улан-Даба и Хонго и оканчивавшийся тоже в Кобдо.

В связи с вводом в строй Транссибирской железнодорожной магистрали возникла необходимость подвода к ней разветвленной сети подъездных путей, которые обеспечивали бы ее нужным количеством грузов и тем самым способствовали бы ее окупаемости. Одним из таких путей должен был стать Чуйский торговый путь [2, с. 280]. Таким образом, в конце XIX в. начинается «связка» различных видов путей сообщения в единую транспортную систему. Это обстоятельство не замедлило зафиксировать журнал Министерства путей сообщения за 1894 г. «С проведением Сибирской железной дороги, — подчеркивалось в записке Министерства финансов, — значение пути через Бийск в Кобдо имеет все шансы увеличиться еще больше, и с этой точки зрения улучшение Бийской дороги, могущей стать одним из значительных подъездных путей по отношению к магистральной линии, представляется особенно желательным» [3, с. 41].

Как известно, с 1893 г. вопросами государственной политики в области транспортного развития Сибири стал заниматься Комитет Сибирской железной дороги (КСЖД). Более 10 лет он определял, по сути дела, правительенную политику по освоению и развитию Сибири и Дальнего Востока. Он направлял не только сооружение магистрали и ассигнование средств, но и руководил многообразными вспомогательными предприятиями, призванными облегчить постройку и содействовать заселению и промышленному развитию прилегающих к дороге местностей [4, с. 20].

В 1893 г. КСЖД выделил Томскому губернатору средства на строительство Чуйского колесного тракта до границы с Монголией. Для изыскательских работ выделялось 3000 руб., а на строительство дороги — 45000 руб. Реализуя свой план, КСЖД направил в Горный Алтай военных инженеров Вараксина и Голышева. Проведенные ими изыскательские работы показали, что для правильной реали-

зации такого серьезного проекта, выделенных средств, крайне недостаточно [5, л.82]. Таким образом, строительство Чуйского тракта было отложено на неопределенное время.

В сентябре 1900 г. по непосредственному ходатайству князя Вяземского в Горный Алтай был направлен горный инженер И.И. Биль, который заведовал в то время строительной и дорожной частью Алтайского округа. Он составил смету, с которой предусматривал выделение 60000 руб. для расширения дороги в бомах (горные выступы) до 3,5 аршин, а в остальных местах — до 5 аршин. Общее руководство работами было поручено барнаульскому исправнику Ф.П. Лучшеву, а подряд на эти работы взял бийский мещанин А.С. Смирнов

Спланированные И.Билем работы начались с весны 1901 г. Их окончание намечалось на осень 1902 г. Благодаря умелым и слаженным действиям дорожников, к декабрю 1901 г. было сделано «85 верст отличного колесного пути». Это была заслуга крестьян близлежащих деревень и коренного населения Алтая. Всего в «создании колесного пути» было задействовано от 80 до 158 рабочих [6, с. 28].

В «скорейшем и надлежащем строительстве Чуйского колесного пути» было заинтересовано не только государство, но и бийские купцы, осуществлявшие торговлю с Монголией и Китаем. Они надеялись, что строительство дороги не остановится «и остальные 175 верст этого пути будут сделаны также хорошо» [7, л. 97]. Для этого бийские предприниматели готовы были оказывать дорожникам как моральную, так и материальную поддержку. Это они единодушно выразили 18 декабря 1901 г. на состоявшемся в г. Бийске (с разрешения и в присутствии бийского уездного исправника Тукмачева) заседании русских купцов (торговавших в Монголии), прошедшем под председательством старшины «Русского торгового общества в г. Кобдо» Н.И. Ассанова, на котором присутствовали известные алтайские купцы — «чуйцы»: Г.Г. Бодунов, А.Д. Васенев, А.Т. Головин, Г.И. Кузьмин, А.Г. Бодунов, доверенное лицо А.В. Колмакова — М. Снегирев, К.И. Кузнецов, Н.А. Мальцев, В.В. Иванов, а также бийские мещане — Е.А. Филатов, Т.Г. Бобров, М.Н. Гущин [7, л. 87]. Собравшиеся «заинтересованно» обсудили транспортные проблемы, связанные с «неустроенностью» основного торгового пути в Монголию, Чуйского тракта. В результате, было принято постановление «Об упорядочении торгового пути из г. Бийска за границу», которое в виде прошения, было представлено 22 декабря 1901 г. Н.И. Ассановым Томскому губернатору и начальнику Алтайского округа [7, л. 84].

В направленном ему прошении говорилось, что единственный путь, соединяющий г. Бийск и всю Томскую губернию с Китайской империей и Монгoliей, проходит через весь Горный Алтай и совершенно не устроен, что весьма затрудняет передвижение по нему, а в холодное время года становится совсем невозможным. «Езда по нему, — писали просители, — производится верхом, вычурным способом от границы до с. Онгудая, а от сюда до Бийска — с трудом на телегах. Плохое состояние этого пути совершенно лишает нас возможности срочно доставлять на заграничный рынок русские произведения

и, наоборот, — своевременно доставлять вывозимые из-за границы необработанные сырье продукты на русские рынки, ярмарки, проходящие в определенные в сроки. От этого русская торговля в Монголии не может иметь правильной постановки и получить надлежащее развитие» [7, л. 97].

Не преминули купцы подметить, что их многолетние просьбы и пожелания были отчасти услышаны и в распоряжение Томского губернатора были отпущены средства в размере 65000 руб. для устройства колесного пути от Онгудая до Кош-Агача. При этом они подчеркнули, что им, как хорошо знающим особенности торгового пути в Монголию, понятно, что выделенных средств на строительство полноценной дороги недостаточно. Потому-то они и обратились с коллективной просьбой к бийскому мещанину Александру Степановичу Смирнову, чтобы он принял подряд на работы по строительству Чуйского тракта. Поэтому и просили губернатора поддержать их просьбу и передать «оному А.С. Смирнову вышеизначенный подряд». И она была поддержанна начальством. Получив его, А.С. Смирнов заявил просителям, что на 65000 руб. такую сложную дорогу протяженностью почти в 300 верст построить невозможно. Понимая справедливость его «нареканий», купцы собрали дополнительно (по предложению Барнаульского исправника и главного уполномоченного по проведению Чуйского колесного пути Ф.П. Лучшева) еще 10000 руб. (на возмещение перерасходов и убытков) и передали их А.И. Смирнову.

Предприниматели, не первый год занимавшиеся перевозками торговых грузов должным образом оценивали перспективу развернувшегося строительства. При этом их сильно волновала проблема переправ через бурные реки Горного Алтая. На Чуйском тракте было три паромных переправы через р. Катунь (между станциями Керкучи и Усть-Иня). Все они составляли оброчную статью Кабинета Е.И.В. и сдавались им в аренду с торгов. В силу этого, Главное управление Алтайского округа обращало внимание только на получение высшей суммы за аренду перевоза и не принимало каких-либо мер по обеспечению безостановочной работы паромов, по регулированию оплаты за переправу, по обеспечению безопасности при перевозке через реку. На это прямо указали купцы в своем прошении губернатору. «Существуют, — подчеркивали они, — очень плохие паромы, а плата взимается произвольно. Принимая во внимание, что местность, где находятся эти переправы совершенно не населенная, представляется невозможным и в высокой степени несправедливым обрекать судьбу всех проезжающих в полную зависимость от содержателя паромов, не обеспечив строго определенными правилами, с должной ответственностью содержателя за нарушение таковых» [7, л. 97].

В конце XIX — начале XX вв. паромы на Катуни содержали, как правило, зажиточные крестьяне, постоянно соперничавшие между собой за право получать выгоду «от перевоза». Так, в 1893 г. такой на устье р. Ини, через р. Катунь, «устроил и содержал» крестьянин д. Тавды, Алтайской волости Исаак Чернов [7, л. 10]. В августе 1900 г. он обратился с прошением в Кабинет об отдаче ему в

аренду, сверх арендуемого им на Катунь перевоза, еще двух перевозов таких по Чуйскому тракту, а также о разрешении устроить ему «телефенную дорогу между оными» [7, л. 7]. Крестьянин активно добивался положительного решения своего прошения, о чем свидетельствует обширная переписка по его делу. В декабре 1900 г. с аналогичным прошением в адрес начальника Алтайского округа выступил другой крестьянин — Ф.И. Безматерных — из д. Нижняя Каянча, Алтайской волости. Он просил разрешения открыть, с 1901 г., на Чуйском тракте три перевоза. За это он готов был готов заплатить большую арендную плату, чем И. Чернов и взять паромы в аренду на 30 лет [7, л. 35].

В апреле 1901 г. оба крестьянина, в «виду предстоящих работ по устройству Чуйского тракта и невозможности определить, в каких местах будут устраиваться новые перевозы через р. Катунь, получили от Главного управления Алтайского округа отказ [7, л. 41]. В итоге перевозы были сданы до 1902 г. новому арендатору — бийскому мещанину Кричевцеву [7, л. 10]. Надо полагать, что эта «перемена» произошла не без участия бийских купцов, осуществлявших международную торговлю: им на перевозах нужен был не «свой» человек, а хорошо отлаженная и надежно действующая система передвижения по Чуйскому тракту. В силу этого, они и ходатайствовали перед властями сдать паромы безвозмездно «лицу вполне благонадежному, с истребованием от него залога в обеспечение исправного содержания и устройства паромов и установить правила (в виде договора), определявших ответственность перевозчика» [7, л. 97]. Осознавая затратность содержания трех перевозов в условиях пустынной местности, торговцы предлагали установить плату за переправу по твердой таксе.

Таблица 1

Проект
размера платы за переправу на р. Катунь
(1901 г.)

№ п/п	Взимание платы	Стоимость переправы
1.	с троечных экипажей	35 коп.
2.	с одноконных и пароконных телег с возами, с выючного верблюда	30 коп
3.	с простых телег и простого верблюда	15 коп.
4.	с выючной лошади	15 коп.
5.	с верховой лошади	15 коп.
6.	с простой лошади	9 коп.
7.	с каждой головы крупного скота	9 коп.
8.	со штуки мелкого скота	3 коп.
9.	с пешего человека	3 коп.

Источники: ЦХАФ АК. Ф.4. Оп.1. Д.2540. Л.97.

Согласно предлагаемому проекту, освобождались от оплаты пользования паромом местные кочевые жители, если они не перевозили купеческих кладей, должностные лица, находившиеся при исполнении служебных обязанностей, строители Чуйского тракта и земские ямщики.

А чтобы переправы функционировали нормально, купцы предлагали для этого ряд условий. Наи-

первейшим из них они считали заселение притрактовых территорий русскими людьми, которые бы занимались содержанием на них постоянных дворов, сдачей в наем подвод, а также продажей овса, сена для обозных лошадей и т.д. Другим важным моментом для купцов являлось заполучить разрешение властей на право пользоваться для своих нужд подводами у земских ямщиков за плату по правилам, едущих по почтовым трактам, с повышением оплаты до 3 коп. с версты и лошади. Наконец, просили они открыть почтовое отделение в Кош-Агаче для «нужд русских торговцев, осуществляющих свою деятельность за границей». Находясь в 510 верстах от Бийска, они, по их заявлению, были лишены возможности отправить в экстренных случаях сообщение домой или в торговые центры России. При этом, купцы не переставали подчеркивать важность и значение развития международного почтового сообщения между Российской империей и городами Кобдо и Улясутаем, являвшихся центрами русской торговли за границей [7, л. 98].

Говоря о планах строительства Чуского колесного пути от Онгудая до Кош-Агача, следует отметить еще один момент в постановлении Русского торгового общества. Предприниматели обращали внимание властей и на состояние дороги от Бийска до Онгудая. Они подчеркивали, что этот колесный путь существует уже давно, но его состояние оставляет желать много лучшего, особенно весной и осенью. Плохое состояние этого участка дороги существенно удораживало стоимость и провоз грузов, но самое главное, трудно было найти ямщиков, которые согласились бы вести грузы в Онгудай и обратно. Поэтому купцы просили местные власти безотлагательно начать ремонт и Онгудайского тракта [7, л. 98].

Главное управление Алтайского округа изучив постановление купеческого собрания «Об упорядочении торгового пути из г. Бийска за границу», нашло, что его интересы и предпринимателей во многом совпадают. Поэтому, уже к 5 января 1902 г. им были разработаны «Кондиции на отдачу с торгов в арендное содержание паромных переправ через р. Катунь в горах Алтая по Чуйско-монгольскому тракту между станциями Киркучи и Усть-Иня», в которых нашли свое отражение предложения бийских купцов. Лишь относительно паромов, власти остались при своем мнении: они продолжали сдаваться в аренду через конкурсные торги, вместо безвозмездной передачи, как это предлагали купцы. Но, несмотря на это, «Кондиции» уделили много внимания техническому состоянию и оснащению паромов (карбасами), безопасности их движения, системе пользования переправой, регулярности движения и правильного взимания платы за проезд [7, л. 89-93]. Была разработана «Такса на взимание с проезжающих провозной платы за переправы через р. Катунь между станциями Киркучи и Усть-Иня». Оплата за провоз была установлена несколько выше, чем предлагалась купцами: с троечных экипажей — 60 коп.; с пароконных — 40; с одноконных телег с возами и выючного верблюда — 30; с простых телег и простого верблюда — 15; с выючной лошади — 15; с верховой лошади — 12; с простой лошади — 9; с каждой головы крупного скота — 9; со штуки мелкого скота — 3 и с пешего

человека — 3 коп. Плата взималась за все три перевоза, даже если нужен был один или два перевоза. При каждом из них была заведена специальная книга, где все желающие, в случае недовольства перевозом, могли занести в нее свои претензии к паромщику.

Приняв нужное решение (строительство паромов и создание новых переправ) власти не добились их претворения в жизнь. Свою «недоработку» они всецело объясняли нехваткой средств на сооружение самой дороги.

С большим трудом им удалось закончить строительство дороги: Онгудай — Кош-Агач. На это ушло немало средств: по самым скромным подсчетам одна верста дороги обошлась примерно в 160 руб. Отныне перевозка грузов по тракту стала осуществляться гужевым способом. Это позволило увеличить среднегодовой транзит грузов через Кош-Агач более чем, в двое. По этой дороге стало безопасно ездить и в экипажах, но стоимость перевозок уменьшилась незначительно. Строившийся в условиях недостатка средств, порой на «скорую руку», тракт, естественно, стал быстро приходить в упа-

док. В годы первой русской революции Чуйский тракт был практически запущен и заброшен. Лишь в 1911 г. Чуйская колесная дорога была передана в ведение Министерства путей сообщения. Это возродило утраченные надежды бийских купцов на реконструкцию жизненно важной дороги. В 1912 г. биржевой комитет г. Бийска обратился в Министерство с ходатайством о безотлагательном исправлении тракта. Эта инициатива была поддержана и губернской администрацией. Бюджетная комиссия Госдумы выделила 15.000 руб. для проведения новых изыскательских работ в Горном Алтае, которые и были сделаны летом 1913 г. [2, с. 285]. В 1914 г. они проводились под руководством В.Я. Шишкова, который провел новую трассировку тракта и предложил правобережный Катунский вариант. Однако мировая война и последовавшие за ней революционные катаклизмы и гражданская война (в ходе ее были разрушены все переправы и взорваны многие участки дороги) в России на долгие годы отбросили идею устройства надежного пути сообщения между Кош-Агачем и Бийском.

Библиографический список

-
1. Ткаченко В.Я. Проблемы формирования опорной транспортной сети Сибири. — Новосибирск, 1999.
2. Старцев А.В. Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX — начало XX в.); — Барнаул, 2003.
3. Журнал Министерства путей сообщения. 1894. Кн. III. СПб., 1894. | 4. Материалы КСЖД, 1893. Т. 1.
5. Центр хранения архивных фондов Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. 81. Оп. 1. Д. 21. л. 82.
6. Обзор Томской губернии за 1901 г. Томск, 1902.
7. ЦХАФ АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2540. Л. 97. |
|---|---|
-

Бийский педагогический государственный университет им. В.М. Шукшина
Получено 21.05.08.

Zav'yalov A.A.

THE CONSTRUCTION OF CHUYSK WHEEL HIGHWAY AT THE END OF XIX — BEGINNING XX CENTURIES: STATE POLITICS AND PRIVATE INITIATIVE

In clause on a basis for the first time of documentary sources, entered into a scientific revolution, analyzed the construction of Chuysk wheel highway at the end of XIX — beginning XX centuries.

Altai, West Siberia, state policy, private initiative, Chuesk highway, Siberia railway, passage, ferry (- boat)

УДК 902

Н.С. Модоров, И.Г. Черлояков

ИЗ ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ РУССКИМ ГОСУДАРСТВОМ ПРАВОБЕРЕЖЬЯ БИИ И ПРИТЕЛЕЦКОЙ ЧЕРНИ В XVII — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

В статье, на основе анализа опубликованных и архивных источников рассмотрен процесс освоения Русским государством Правобережья Бии и Прителецкой черни в XVII — первой четверти XVIII века.

Русское государство, Сибирь, Северный Алтай, местные «инородцы», родовая гора, приводить к присяге, христианизация, ясак

Разгром Казанского и Астраханского ханств и последовавшее за этим присоединение («мирным» или «немирным путем») к Русскому государству ряда народов Поволжья и Среднего Приуралья дали ему возможность для продвижения за «Каменный пояс». Пойти «Московию» в расположенные за ним «неведомые земли» понуждали как экономические

«интересы», так и настойчивые попытки англичан и голландцев найти «северный путь в Индию». Правительство Ивана IV в полной мере представляло, чем могут завершиться для него — в случае их удачи — эти «поиски»: превращением «северной части Азии в английскую или голландскую торговую факторию» [1, с. 25].

Однако сразу двинуться в Зауралье (даже четко представляя грозящую Руси опасность) Иван Грозный не мог. Этому препятствовало Сибирское ханство, на троне которого с 1563 г. утвердился чингизид Кучум, весьма враждебно относившийся к Русскому государству. Его «неприязнь» к нему наглядно проявилась летом 1573 г.: тогда был убит «царев посланик Третьяк Чубуков, а затем последовала целая серия набегов кучумовичей на поселения «данников белого царя». Ликвидировав их вассалитет, сибирский хан отторг земли хантов, манси и «иных народов» Зауралья, считавшихся с начала XVI в. «уделом» Московского правителя. Столкнувшись с «воровством», Иван IV «дарует» в мае 1574 г. «вотчинникам Строгановым» грамоту, дававшую им право « заводить походы » против Кучума и его людей, привлекая для этого «вольных казаков» и «жителей своих вотчин» [2, с. 341].

Руководствуясь ею, Строгановы тут же создают отряды «самообороны». Наиболее сильным, хорошо вооруженным и мобильным из них стал казачий отряд атамана Ермака. Нанеся ряд чувствительных поражений Кучуму и его союзникам, ермаковцы заняли в ночь с 25 на 26 октября 1582 г. (после бегства хана с ближайшим окружением в степь) опустевшую столицу Сибирского ханства — г.Кашлык (Сибирь) [1, с. 28].

Весть о разгроме и бегстве Кучума тут же разнеслась среди аборигенов Западной Сибири, многие из которых не замедлили сразу же «ударить дарами победителям», выражая, таким образом, свою лояльность и желание быть под рукою великого государя». Однако делали они это с «большой оглядкой», зная, что их бывший повелитель, хоть и «бежал ноне в степь», но оружия не сложил. Порукой тому — стало неожиданное нападение его племянника — Маметкула — в ноябре 1582 г. на казаков, рыбачивших на Абалакском озере. «Оружно» противостояли ермаковцам и другие «ближники Кучума» [3, с. 35-36, 81].

После гибели Ермака и ухода казаков из Кашлыка, его тут же занял ханский сын — Алей, — предпринявший попытку восстановить былую власть чингизидов над аборигенами Западной Сибири. Но этому воспротивился хан Сейдяк. Разгоревшаяся между ними борьба принесла новые беды всем «тамошним татарам». Одолев своего соперника, Сейдяк заручился поддержкой бывшего визиря Кучума — Караби — и султана одной из казахских орд, враждовавших с бывшим правителем Сибири. Укрепление теперь на троне Сейдяка, располагавшего пусть и «разношерстной», но «немалой армией», понудило малочисленный отряд И.Мансурова, «обретавшегося в Сибири», не вступать в борьбу с «татарами». Лишь прибытие в 1586 г. подкрепления «из Москвы» (во главе с воеводами В. Сукиным и И. Мясным), позволило «русичам» поставить на берегу р.Туры «Тюменский городок» [3, с. 154], вслед за ним, в 1587 г., на высоком берегу Иртыша (против устья Тобола) — «Тобольский городок» [3, с. 32], откуда и «повелось» наступление русских против Сейдяка и «немирных татар бывшей Кучумовой орды». Сам же — бывший «повелитель Сибири» — кочевал со

«своими людьми» в бассейне Иртыша, откуда и совершил набеги на «инородцев», признавших власть «белого государя». Чтобы пресечь «оные», последний «повелел» построить на Иртыше крепость («Тарский городок»), «коя» и была возведена в 1594 г. Отсюда и повела Москва решительное наступление против Кучума (после того, как переговоры в 1597 г. с ним не дали Ивану IV положительных результатов). В августе 1598 г. русский отряд под командой А. Воейкова внезапно напал на главную ставку Кучума (недалеко от устья р.Ирмень, левый приток Оби) и разгромил ее [7, с. 13].

Разгром Кучума на Оби стал событием огромной политической важности. Народы, населявшие юг Западной Сибири, воочию увидели в Русском государстве силу, способную реально защитить их от посягательств монгольских, ойратских, казахских и «иных земель владельцев». Первыми, осознав это, «ушли под высокую руку белого государя чаты», за ними — «Барабинские и теренинские татары», а в начале XVII в. — «эуштинцы», предводительствуемые князем Тояном [8, л. 137].

Включение последних в состав «Московии» дало ей возможность «поставить в Тояновых землях Томский город (в 1604 г.), позволивший русским закрепиться в нижнем течении Томи, «средней Оби» и в Причулымье. Однако их дальнейшее продвижение на юг, в предгорья Алтая натолкнулось на встречное движение кочевников — монгольских Алтын-ханов, ойратов и казахов, — боровшихся друг с другом за пастища и данников. Не имея сил противостоять им, русское правительство прибегает (в деле «приискания новых земель и ясашных людей») к дипломатии. О своем решении оно информирует и томских воевод [6].

Реализуя предписания центра, они идут на установление «дружеских контактов» с правителями кочевых «орд Алтая», в частности, с князем Абаком — предводителем «Большого Телеутского Улуза» («Телеутской землицы» — по русским источникам), — владения которого простирались по обе стороны р.Оби (от ее устья и до впадения в нее р. Ини). Восточная граница его кочевий доходила до верховий р. Чумыш, а западная — включала в себя верховья рр. Чарыш и Алей [7, с. 33]. С ним-то и налаживают в 1605 г. томские воеводы дипломатические контакты, которые, спустя четыре года, — в марте 1609 г., — завершаются заключением русско-телеутского военно-политического договора [7, с. 34]. Однако происки западно-монгольских ханов и «ретивость» томских воевод при объясчивании шорцев, тубаларов и челканцев, которых Абак считал своими данниками, а также обманы русских служилых людей «на колмацком торге» в Томске (за бутылку самогона они брали с «инородца» двух соловей, за 5 игл — горностая и т.д.) привели к его разрыву, что тут же обострило политическую ситуацию на юге Сибири.

Чтобы нормализовать ее, томским воеводам потребовалось почти два десятилетия, причем, опять-таки, не без помощи Абака [8, л. 181]. Где «лаской», а где «оружною рукою», им удалось вернуть «под руку великого государя» многих кочевых владетелей и «чинить» тем самым «расширение при-

исканных [в его пользу] владений». В числе их оказались к концу второго десятилетия XVII в. земли предков нынешних шорцев, телеутов, кумандинцев, тубаларов и челканцев, проживающих ныне в интересующем нас регионе [9, с. 339]. В 1629 г. ясачные книги Кузнецкого уезда учли в нем 92 ясачных человека, которые проживали в шести волостях: Итиберской, Кергежской, Комляжской, Кузенской, Кумандинской и Щелкальской [10, л. 822-822 об.].

Чиня «расширение» Русскому государству, его правительство понимает, что, присоединив его к «себе», можно создать здесь надежный плацдарм для дальнейшего русского продвижения в горы Алтая. Этот свой стратегический замысел центр доводит до «сведения» томских воевод. Реализуя его, они направляют в 1632 г. из Томска в Верхнее Приобье отряд во главе с Ф. Пущиным. Но выполнить поставленную задачу (из-за противодействия телеутов Абака) ему не удалось [11, л. 328, 333]. Однако неудача Ф. Пущина, не остановила воевод: они решили проникнуть в интересующий их район другим путем. В феврале 1633 г. воеводы направляют через Кузнецк — «лыжным ходом» — отряд во главе с сыном боярским П. Сабанским. Добравшись до Телецкого озера, он разбил здесь «местных телесов» и обложил их данью. Однако заложить здесь «острог», а следовательно, и закрепиться в «оном месте» П. Сабанский не смог [12].

Срыв намеченного плана — построить «укрепленный городок», нанести обследованные места на карту, организовать регулярный сбор ясака с подвластных «инородцев», — не только не «остудил пыл» томских и кузнецких воевод, а, наоборот, лишь придал еще больше решительности в стремлении выполнить «наказ» центра. Произведя тщательную подготовку, они вновь направили в 1642 г. П. Сабанского (из Кузнецка — Авт.) на Телецкое озеро. Добравшись до него, он снова «разбил телесов (в их городке)» и стал «приискывать» место для строительства острога. Перезимовав в «крепком месте», устроенном служилыми людьми на берегу озера, П. Сабанский вернулся весной 1643 г. в Томск и предложил воеводам «ставить острог не на р. Бие, а в среднем течении ее правого притока — р. Лебедь, где «место для острога более угоднее» [7, с. 55].

Рождение в Центральной Азии новых государств (в 1635 г. Джунгарского ханства, в 1644 г. — Цинской империи) заметно осложнило политическую ситуацию в Южной Сибири. Теперь борьбу за господство здесь повели, наряду с «енисейскими кыргызами», западно-монгольскими «Алтын-ханами» джунгарские и маньчжурские правители, в ходе которой каждый из ее участников стремился заручиться поддержкой Русского государства, не оставляя в то же время и попыток, чтобы противодействовать ему в его продвижении на юг Сибири. Особенно преуспели в этом деле джунгарские и кыргызские феодалы, стремившиеся сохранить в «неприкословенности» своих данников. С этой целью они активно выступали против русских «оружено» сами, а чаще всего — организовывали антирусские «бунты» объясченных племен Алтая [13, с. 91-92, 99].

Столкнувшись с такого рода противостоянием русскому продвижению со стороны «кочевых владетелей», томские и кузнецкие воеводы используют все «средства» (дипломатию, воинскую силу, торговлю, «дружеское» отношение рядовых «калмыков» к русским и др.), чтобы отстоять интересы Русского государства, не «учинить ему порухи в приискании (несмотря на «злодейство кыргызских, контайшинских (джунгарских — Авт.) и иных воровских людей) новых земель». И, надо сказать, эти меры помогали им решать стоявшие перед ними задачи. Об этом, в известной степени, свидетельствовал рост числа ясакоплатильщиков. К концу XVII в., только в трех волостях Северного Алтая (Кергежской, Комляжской и Кумандинской) их численность выросла, по сравнению с 50 гг., почти в два с половиной раза [10, с. 126].

Говоря о целенаправленном «приискании» местными властями (по указанию центра) новых земель в Южной Сибири, следует подчеркнуть, что замысел Москвы (укрепиться в Верхнем Приобье путем «устройства» здесь острога) не был забыт ею и на рубеже XVII-XVIII вв. Именно теперь, с особой остротой ощущалась необходимость в верховьях Оби укрепленного пункта. Будь он — и был бы здесь надежный заслон на пути разного рода «набежников» — любителей поживиться за чужой счет. С другой стороны, наличие укрепленного пункта в Верхнем Приобье содействовало бы упрочению здесь позиций Русского государства и ослаблению таковых у его соперников. То же самое в полной мере могло быть отнесено и к распространению православия в данном регионе. И, наконец, здесь имелись великолепные природно-климатические условия для развития земледелия, скотоводства и различных промыслов. Да и «великая калмыцкая торговая дорога», пересекавшая по «центрю сей край» (в месте слияния Бии и Катуни — Авт.) тоже говорила о многом... [14, с. 57].

Словом, взвесив все «за» и «против», правительство направило весной 1708 г. в Кузнецкую воеводскую канцелярию указ о «возведении на реках Бие и Катуни (в «стрелке» — Авт.)... острога со всячими крепостями» [15, с. 17]. Реализуя его, воевода М. Овцын тут же снаряжает «экспедицию» и направляет ее в заданный район. Итогом деятельности «оной» стала постройка в 1709 г. «Бикатунской крепости», положившей начало городу Бийску [16, с. 9].

Появление в истоке Оби важного военно-стратегического пункта «урусов» никак не соответствовало планам набиравшего силу джунгарского правителя Цэван-Рабдана. Он понимал, что с появлением данной военной крепости закрывался практически доступ ойратам, кыргызским и «иным кочевым владельцам» в Верхнее Приобье, что прерывало, по сути дела, многовековую хозяйственно-экономическую эксплуатацию ими местных кочевников. Иначе говоря, появление Бикатунской крепости «передавало» последних в «бездельное владение урусов». Словом, закрепление русских в районе слияния Бии и Катуни никак не соответствовало интересам джунгарского контайши. Поэтому он и его «союзники» сделали все для того, чтобы ликвидировать «опорный пункт урусов» в Верхнем Приобье. Поступавшие в 1709 г. в Москву сообще-

ния из Сибири то и дело содержали тревожные известия. Кузнецкие и томские воеводы регулярно сообщали о набегах на «вверенные им уезды» киргизов, калмыков и «контайшинных людей (джунгаров — Авт.), кои деревни...сена и урожай на полях жгут, а людей кои на полях работали... в полон берут...» [17, л. 9-10].

Набеги «кочевых воинских людей» понудили местные власти принять ответные меры. Так, кузнецкий воевода М. Овцын донес по инстанции, что 23 августа 1709 г. им были посланы против «набежников» кузнецкие служилые люди, «кои побили оных...отбили полоненных русских и ясашных...и их кошт (имущество — Авт.) ...и разогнали набежников [17, л. 9-10].

Однако временные неудачи не обескуражили последних: они с удвоенной энергией и силой «брисились в «новые набеги». В ходе одного из них им удалось в 1710 г. сначала «разрушить», а потом и «сжечь Бикутансскую крепость» [7, с. 56].

Реальная опасность, которую несли набеги джунгарских феодалов и их «союзников», их алманы акции, наносившие немалый урон «государевой казне», понудили сибирскую администрацию — в срочном порядке — пополнить «пограничные гарнизоны» людьми, вооружением и боеприпасами. В частности, в начале 1715 г. в Кузнецк прибыл из Томска отряд конных и пеших казаков (274 чел.) под командой О. Качанова, а в середине лета — другой (760 чел.), который привел полковник Черкасов [18, л. 51].

«Проведав об этом», и джунгары не стали «таться». По словам кумандинцев, промышлявших в низовьях Бии, они «подсмотрели (а говорилось это «кузнецкому дворянину Ивану Максюкову — Авт.)... тамо многие палатки... поставлены в устье Бии и Катуни, на месте, где был преж сего поставлен... острог (Бикатунская крепость — Авт.). И при тех палатах людей многое число и другие к ним через Бию переплавляюща... А по признаку... те люди, воинские» [17, л. 8-8 об.].

Накопление той и другой стороной «воинских сил» создало в южносибирском регионе почти критическую ситуацию. Достаточно было одного «опрометчивого шага» со стороны «урусов», чтобы это многолюдное войско» двоюродного брата джунгарского хана — Цэвана-Рабдана — напало, по словам жителей Кузенской и Комляжской волостей — Б. Карапшева и Е. Бобугаева — на русские поселения и «иородческие волости» [9, с. 180].

Но противостояв с Россией в Южной Сибири, Цэван-Рабдан в то же время стремился «не перегнуть палку», т.е. не довести дело до военного конфликта. Объяснялось это довольно просто: джунгарский хан находился в постоянной вражде с Цинской империей за Тибет, а с казахскими феодалами — за господство в Семиречье. Поэтому разрыв с Россией поставил бы Джунгирию в крайне сложное положение. В свою очередь, и Петр I, связанный войной со Швейцарией, также не имел возможности «одним ударом» закончить (в свою пользу) спор с «беспокойным и самоуверенным северным соседом». В силу этого, их противостояние перешло в «дипломатическую войну», в ходе которой каждая из сторон «аргументировано» обосновывала «свое пра-

во» на господство в Верхнем Приобье. «та земля на Бие и Катуни, — писал в одном из своих посланий Петр I в 1715 г. джунгарскому контайше, — где был построен город, его царского величества, и те земли Сибирские, а не твои контайшины, потому что сибирские реки, Обь...Енисей и Лена, искони Сибирские, и от устья, где впаля в Северное море и до гор, из которых те реки потекли...» [19, №22]. Однако такая аргументация не убедила Цэван-Рабдана и оно продолжал взыскивать алман с населения Северного Алтая.

Учитывая «непримиримость» джунгарского правителя, российское правительство избрало (как потом покажет время) «умелую тактику»: оно укрепило «воинскими силами» Кузнецкий гарнизон (21 мая 1717 г. он «прирос» на 274 чел. [20, л. 17] и, не обращая «сильного внимания» на «местные конфликты и стычки» (правда, не упуская случая и наказать «набежников») продолжало, пусть медленно, но неуклонно продвигаться вверх по Оби, закрепляя тамошние земли с помощью «новопоставленных острогов» (в 1713 г. был построен Чаусский острог, в 1716 г. — Бердский (в устье р. Берди) [21, л. 14-15]. Следуя данной «стратегии», правительство планировало построить «крепости и остроги» на устье Бии и Катуни, на «Алтын-озере», на Чумыше и в ясачных волостях Северного Алтая. И, надо сказать, оно реализовало (правда, не в полной мере) свой план: в 1717 г., благодаря мобилизации значительных «материальных и людских ресурсов», кузнецане и «иных городов люди» соорудили Белоярскую крепость (близ нынешнего Барнаула — Авт.), а в 1718 г. — на правом берегу Бии, выше ее устья, Бийскую крепость [7, с. 60].

Появление двух новых форпостов с достаточно сильными гарнизонами, позволившими русскому правительству закрепить за собой междуречье Оби и Томи, не смутило джунгаров и их союзников: они, как ни в чем не бывало, продолжали «наведыватьсь в государевы ясачные волости» и взыскивать с их населения дань. Об этом вполне красноречиво свидетельствует членитная родовых старост Кергежской, Комляжской, Кумандинской и Щелкальской волостей, доносивших в Кузнец о прибытии к ним в декабре 1718 г. «контайшинных сборщиков, в 649 человеках» и о взятии «с них ...во всяко-го человека ...алмана за 2 года по 12 соболей ...кои и грабеж в волостях чинили» [22, л. 13].

Действия подвластных джунгарского хана в южносибирском регионе воочию показывали, что возводимые русским правительством здесь крепости и остроги вызывают неприязнь Цэван-Рабдана и могут стать очередным поводом для обострения отношений с ним. Чтобы не допустить этого, Петербург активизировал свои усилия на дипломатическом поприще. Именно эти задачи решали посольские миссии майора И. Лихарева (1719 г.) и капитана от артиллерии И. Унковского (1722-1723 гг.) [10, с. 60-61].

Но, идя на дипломатический диалог, русское правительство понимало, что переговоры с джунгарским ханом (в обстановке его временного «замятия» в борьбе с Цинской империей) — это лишь кратковременное «спокойствие» на юге Сибири, которое в любой момент будет нарушено. И, дей-

ствительно, так вскоре и случилось. В «спорных районах» Южной Сибири вновь появились джунгарские сборщики дани, остановить которых не помогали ни сила, ни дипломатия. В этой сложной для себя ситуации сибирская администрация прибегает к весьма хитроумной уловке, чтобы проникнуть в новые районы, в частности, на Алтае, и попробовать закрепиться там. Она делает это под видом «поиска рудных мест», против которого не возражали джунгары. И, надо сказать, этот маневр удался. Интерес русских к «приисканию рудных мест», действительно, успокоил ойратов, поскольку «рудоискатели» не предпринимали никаких попыток к взысканию дани или ясака с населения тех районов, куда они проникали.

А тем временем фиктивные поиски «рудных мест» привели (по случайности) к действительным открытиям: в 1725 г. по р. Алею и на Змеевой горе были обнаружены богатые месторождения руд, о чем тут же было доложено в Екатеринбург. «Прибравшему» их к своим рукам А. Демидову, было разрешено построить «на оных» медеплавильный завод, каковой и был устроен им в 1726 г. на р. Локтевке [23, с. 39-48]. Однако прибывшие осенью 1727 г. из Екатеринбурга горные специалисты «нашли» его

месторасположение «крайне неудачным» и посоветовали хозяину «устроить» завод на притоке Локтевки — р. Белой. Вставший здесь вскоре завод стал называться в дальнейшем — «Колывано-Воскресенским» [23, с. 39-48].

Пограничное положение завода понудило его хозяина тут же позаботиться об охране своего «делища», иб, не успев еще дать первую плавку, он сразу же превратился в «перспективный» для кочевников объект нападения. «Колыванские заводы Демидова, — доносил уже в июне 1728 г. в Тобольск кузнецкий воевода, — [подверглись] нападению неприятельских воинских людей... кой отогнали [оттуда] 3790 лошадей и ранили там 2 человека» [24, л. 382].

Русское правительство внимательно следило за развитием демидовских заводов на Алтае, ибо они (хотя и были частными предприятиями, в то же время) представляли собой передовой форпост Российского государства, откуда его правительство предполагало шагнуть вперед — вглубь южно-сибирских просторов. И оно, действительно, сделает этот шаг в последующие десятилетия, речь о которых выходит за хронологические рамки настоящей статьи.

Библиографический список

1. История Сибири. В 5 т. — Л., 1968. — Т. 2.
2. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. — М., 1937. Приложения.
3. Сибирские летописи. — СПб., 1907.
4. Черлояков И.Г. Освоение Сибири Русским государством в начале XVII в. // Вестник ТГУ. Бюллетень оперативной научной информации. №95. — Томск, 2006.
5. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Кн. 1.
6. Подробнее об этом. См.: Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII-XVIII вв. — Новосибирск, 1980.
7. Модоров Н.С. Россия и Горный Алтай: политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII—XIX вв.). — Горно-Алтайск, 1996.
8. РГАДА. Ф. 214. Стлб. 49. Л.181.
9. Дополнения к «Актам историческим». Т. VII. — СПб., 1873.
10. РГАДА. Ф. 214. Кн. 19.
11. РГАДА. Стлб. 40.
12. Некоторые исследователи (А.Король. Бийск. — Барнаул, 1955. — С. 6; Н. Камбалов, А. Сергеев. Первооткрыватели и исследователи Алтая. — Барнаул, 1958. — С. 7) считают, что П. Сабанский шел в 1643 г. на Телецкое озеро и возвращался обратно в Томск «путем Пущина на Телецкое озеро» (А.Король), другие (Н. Камбалов — А. Сергеев) — «возвращался по Оби». Ни то, ни другое утверждение неверно: туда и обратно он шел через Кузнецк, по долинам Кондомы и Лебедя.
13. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. — Иркутск, 1941.
14. Модоров Н.С. Надежд великолепное начало. — Бийск, 2000.
15. Сатлаев Ф.А. Горный Алтай в период феодализма. — Горно-Алтайск, 1989.
16. Модоров Н.С. Горный Алтай в пореформенный период. — Горно-Алтайск, 1990.
17. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1961.
18. РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 3.
19. Памятники Сибирской истории XVIII в. — Кн. II. — СПб., 1885. — №22. 20. РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 8.
21. РГАДА. Д. 3. Л. 14-15.
22. РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 9.
23. Карпенко З.Г. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири. — Новосибирск, 1963.
24. РГАДА. Ф. 248. Кн. 725.

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 23.04.08.

N.S. Modorov, I.G. Cherloekov

FROM OF HISTORY SUBJUGATION OF RUSSIAN STATE THE RIGHT SHORE OF BIA AND OF TELETS TAIGAIN IN XVII — THE FIRST OF A QUARTER XVIII CENTURY

In article, the paper written on the basis of analized publications and archive materials the process of mastering by the Russian State the right shore of Bia and of Telets taiga in XVII — the first of a quarter XVIII century.

Russian State, subjugation Siberia, Horth Altai, local «aliens», tribal mountain, swear in oath,, cristianity, yasak

УДК 902

Мукаева Л.Н.

ИСТОРИЯ КАМНЕРЕЗНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ АЛТАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX—НАЧАЛЕ XX ВВ.

В статье дан анализ алтайского камнерезного дела, его рабочих кадров и сырьевой основы во второй половине XIX –начале XX вв., выявлены все попытки администрации округа вывести камнерезную фабрику из кризисного состояния, которые остались безрезультатными.

Алтайский округ, Кабинет, камнерезная промышленность, мануфактурные рабочие, шлифовальная фабрика

Одной из традиционных отраслей горной промышленности Алтая была камнерезная, зародившаяся в 1786 г. на базе открытых в 80-гг. XVIII в. месторождений цветных камней возле Локтевского сереброплавильного завода. Первоначально заведение по обработке поделочных камней располагалось в лесопильном цехе завода под названием «Локтевская мельница». Затем в 1802 г. оно было перенесено в горнозаводской поселок Горная Колывань, где закрытый к этому времени меде-и-сереброплавильный завод был переоснащен в шлифовально-гравийную фабрику.

В историографии промышленности и рабочего класса Алтая пореформенного периода камнерезное производство и его кадры в качестве самостоятельного объекта изучения мало выдвигаются, а между тем, Колыванская шлифовально-гравийная фабрика представляет собой явление, заслуживающее отдельного и специального рассмотрения с целью составления более полного представления об алтайской горной промышленности.

Целью предпринятого исследования является попытка определить место камнерезного производства в системе горнозаводской и горнорудной промышленности Кабинета на Алтае во второй половине XIX — начале XX вв. Специальных исследований по проблемам камнерезного дела почти нет, за исключением некоторых работ барнаульского архивиста Н.Я. Савельева, носящих краеведческий характер и статьи Т.Я. Агаповой «Алтайские камнерезы», где автор охарактеризовала вклад алтайских камнерезов в декоративно-художественное искусство обработки камня [1, 2].

В статье использованы документальные материалы местных архивов. Обширный материал по истории фабрики содержится в фондах Горного Управления, Главного Управления округа, Колыванской горной конторы Центра хранения архивных фондов Алтайского края (ЦХАФ АК). Это ведомости и статистические сведения предприятия, рапорты, отчеты фабричной администрации; в них содержатся данные о производительности камнерезного заведения и технике производства. Заслуживают внимания фонды личного происхождения архивариуса Н.С. Гуляева и управляющего фабрики П.А. Ивачева.

Изучение Колыванской шлифовально-гравийной фабрики неразрывно связано с историей возникновения и упадка кабинетской промышленности. Как и все остальные горные предприятия Алтая, камнерезное заведение являлось частной собственностью императорского Кабинета и входило составной частью в его обширное хозяйство.

Целью создания предприятия было производство каменных художественных изделий по заказам Кабинета и царской семьи. «На рынок продукция Колыванской шлифовальной фабрики не поступала, частные и государственные заказы не выполнялись» [2, с. 82]. По технико-организационной структуре колывансское заведение представляло мануфактуру со всеми ее признаками, о важнейшем из них «разделении труда» между работниками различных специальностей и квалификации свидетельствовало наличие нескольких основных и вспомогательных процессов. Конечный продукт — каменные изделия — производили посредством последовательного ряда, связанных между собой процессов, начинавшихся с добычи камня. «Фабрикой» предприятие именовалось по той причине, что промышленная статистика России в то время широко пользовалась понятиями « завод » и « фабрика », поскольку не было еще необходимости ограничения подобных заведений определенным кругом предприятий.

Алтайский горный округ во второй половине XIX в. по-прежнему являлся третьим центром камнерезного искусства страны. Если Петергофская и Екатеринбургская гравийные фабрики помимо обработки поделочных камней применяли бронзовое и чугунное литье, то «Колывань занималась только обработкой камня, причем камня твердого, такого как кварциты, порфиры и яшмы» [1, с. 23].

Начавшиеся еще в 50 гг. XIX в. финансовые трудности фабрики, усугубились после реформы 1861 г. Отмена крепостного права в Колывани, как и по всему Алтайскому горному округу, проходила с 1861 по 1863 г. Освобождение крепостных камнерезов происходило поэтапно. В 1861 г. освобождались те, кто прослужил не менее 20 лет, в 1862 г. — прослужившие 15 лет и только в 1863 г. все остальные» [3, с. 64].

В 1864 г. в поселке не осталось ни одного крепостного человека. «Горнозаводские обыватели», так стали называться свободные камнерезы, получили право свободного выбора: остаться на фабрике, заключив контракт с администрацией, либо стать временнообязанными, а для этого покинуть селение и найти крестьянскую общину, которая наделила бы их землей и приписала к себе в сословие «вольных хлебопашцев». Ушедшие с фабрики оказались без средств к существованию. Приписавшись к сельским обществам, они не получили земельного надела, а повинности выполняли наравне со всеми. В итоге, бывшие мастеровые не смогли прижиться в деревне, а также найти себе применение в ремесленном производстве и в слаборазвитой

частной промышленности. Поэтому камнерезная промышленность продолжала оставаться и после реформы 1861 г. основным источником заработка для колыванских камнерезов. По данным Н.Я. Савельева, шлифовальная фабрика давала возможность заработать в первые пореформенные годы 7-8 руб. в месяц (до реформы оплата составляла 50 коп. в месяц), обеспечивала работой не только камнерезов, но и членов их семей [1, с. 32]. Таким образом, экономическая связь алтайских камнерезов с производством оказалась достаточно прочной.

Вынужденная перестраиваться с крепостного труда, горная администрация алтайских заводов выработала, по образцу Урала, систему контрактов и задатков. Основное содержание первых, заключаемых сроком на 1–3 года, сводилось к следующему. Рабочий день составлял 12 часов, за несвоевременный выход следовали вычеты: за первые два часа — по 10 коп. за каждый, за последующие — по 20 коп. и за смену — 1 руб. 50 коп. Нарушивший контракт подвергался взысканию неустойки, составлявшей 25 руб. При заключении договора о найме, рабочий получал задаток в размере 50% жалованья [4, л. 10]. За выполнением обязательств следили местные власти и полиция.

После крестьянской реформы, в связи с вздорожанием цен и общим изменением жизненного уклада, кабинетская администрация вынуждена была повысить заработную плату горным рабочим и оплату транспортных услуг при доставке сырья с рудников и каменоломен на предприятия. Это стало одной из причин упадка горнозаводской промышленности, в т.ч. и камнерезной. В 80 гг. XIX в. мастера-камнерезы получали в год от 120 до 150 руб., помощники — 60-90 руб., машинисты — 100, слесари — 86-100, каменщики — 70, кузнецы — 68 руб., поденщикам платили от 35 коп. до 50 коп. в день. В предреформенные годы камнерезы получали в среднем около 6 руб. в год [3, с. 66]. На первый взгляд повышение зарплаты камнерезам после отмены крепостного права выглядело значительным. По данным исследователя А.П. Бородавкина, жалованье возросло не в десятки раз, как утверждала дореволюционная официальная историография, а всего в 2 раза, поскольку «в крепостную эпоху, мастеровые помимо жалованья, получали бесплатный хлеб на себя и на семью, бесплатное обмундирование. А горным властям содержание мастеровых обходилось в 50 руб. ежегодно» [3, с. 66]. Затраты на жалованье в пореформенное время, утверждал исследователь, «компенсировались с лихвой за счет многократного сокращения численности рабочих» [3, с. 66].

Не избежали этой участи и рабочие камнерезной промышленности. При ассигнованиях в 34000 руб., утвержденных в 1838 г. на штат служащих в 327 чел., из которых 235 были заняты добычей и обработкой камня, при новых условиях оплаты труда, фабрика не могла обеспечить работой всех рабочих, занятых в основных и вспомогательных операциях. «Штат рабочих был сведен до минимума, разведочные партии не посыпались, каменоломни были заброшены... но, несмотря ни на какую экономию, фабрика ежегодно делала большие перерасходы... долгов накопилось до 25 тыс. руб.» [5,

с. 67]. Производительность камнерезного производства сократилась с 16506 руб. в 1860 г. до 205 руб. в 1864 г. [6, л. 4]. Такое положение длилось до 1868 г., когда были утверждены новые штаты: 22492 руб. на 131 чел. «Управляющий мог набрать и меньшее количество рабочих, в зависимости от нагрузки фабрики, но превысить норму он не мог» [1, с. 45]. Расходная сумма в 22492 руб. состояла из двух частей: на содержание служащих отпускалась 15242 руб., на операционные и хозяйствственные расходы — 7250 руб.

После принятия новых штатов положение несколько стабилизировалось. Но производственные мощности фабрики использовались не полностью. Причины этого крылись в экономической политике Кабинета, в освоении им природных ресурсов Алтайского округа во второй половине XIX в. Главным для него, по-прежнему, оставалась выплавка драгоценных металлов: серебра и золота; художественно-декоративной же обработке ценных алтайских поделочных камней отводилось второстепенное место. И это при всей невероятной, художественной ценности колыванских изделий. Свое нежелание поддерживать камнерезную промышленность Алтая Кабинет мотивировал нерегулярными заказами, «якобы присылавшимися от случая к случаю». В силу этого, он, с одной стороны, ничего не делал для загрузки производственных мощностей фабрики, а с другой, — и не закрывал их.

И все же руководство фабрики, в лице управляющего ею И.И. Злобина, нашло выход из «тупика»: при отсутствии заказов на дорогостоящие монументальные изделия, он инициировал изготовление миниатюр из камня. Реализуя свою «идею», И.И. Злобин придумывал рисунки, проекты своих будущих изделий и добивался их утверждения Кабинетом, который был не в «восторге» от выпуска такой «мелкой продукции» и неоднократно предлагал закрыть ее выпуск. Производимые же миниатюры представляли собой скульптурные изображения животных и птиц, использовавшиеся при украшении письменных приборов, подсвечников, небольших ваз и т.д. Их изготовление требовало огромного труда, точности, умелого сочетания различных по цвету и рисунку камней. И здесь алтайские камнерезы продемонстрировали все свое мастерство в технике исполнения художественных произведений из камня, хотя большого опыта в этом деле у них не было, поскольку до 1861 г. фабрика специализировалась на производстве колossalных по размерам ваз, чаши и колонн. Словом, в пореформенный период в Колывани, благодаря инициативе алтайских камнерезов, была создана совершенно новая технология работы с декоративным поделочным камнем, в которой они проявили себя с самой лучшей стороны [2, с. 82].

Материал для изделий, как и прежде, поставляли каменоломни, открытые еще в первой половине XIX в. После 1861 г. разведочные работы по изысканию новых запасов цветного камня почти не велись. Среди 15 имевшихся каменоломен наиболее значимыми были порфировая -Коргонская, яшмовые — Ревневская и Гольцовская, кварцевые — Тигирецкая и Белорецкая. Особенно высоко ценились коргонский порфир и ревневская зелено-вол-

нистая яшма, как наиболее пригодные для создания монументальных изделий, камень других месторождений не годился, так как имел трещины, а потому гольцовская яшма и тигирецкие кварциты шли на изготовление миниатюр [2, с. 83].

Производительность каменоломен была различной и находилась в прямой зависимости от поступающих заказов: в 60-70 гг. XIX в., добыча поделочного камня была невысокой, но стала с 80 гг. она стала расти: если в 1881 г. его было добыто всего на 139 руб., то в 1900 г. — уже на 4655 руб. [7, л. 9]. В это время алтайские каменоломни поставляли материал не только в Колывань, но и на Петергофскую гранильную фабрику. Перевозка его от места добычи до места назначения обходилась дорого, поскольку дороги были в плохом состоянии, а крупные монолиты доставлялись на катках, для передвижения которых «в лямку впряженось» до 250 чел. Такая транспортировка длилась от одного до двух месяцев. До реформы численность «камнеломцев» не превышала 80 чел. После 1861 г. их число резко сократилось. В 80-90 гг. XIX в. на каменоломнях работало 20-22 чел. [1, с. 45].

Если говорить о специалистах-камнерезах, то алтайская промышленность никогда не знала в них недостатка, особенно Колыванская гранильно-шлифовальная фабрика, готовившая мастеров камнерезного дела. Для этого, при ней была открыта горная школа, где учились дети мастеровых с 8 до 12 лет, после окончания которой они становились учениками на производстве. В 1858 г. в ней был создан особый рисовальный класс для одаренных детей, обучение в котором продолжалось 3-4 года. Подростки учились рисованию, художественной лепке, резьбе. Кроме этого, они два-три раза в неделю занимались на фабрике, приобретая навыки производственной квалификации. За время своего существования рисовальный класс подготовил 10 мастеров, но в 1870 г. он был закрыт из-за денежных затруднений фабрики. После 1870 г. фабрика уже сама находилась на грани закрытия. Но даже в это трудное время алтайские камнерезы продолжали работать и создавать высокохудожественные произведения искусства, получившие высокую оценку современников: в 1862 г. на второй Всемирной выставке в Лондоне ваза из серо-фиолетовой яшмы (стоимостью 6763 руб.) Колыванской фабрики получила бронзовую медаль с патентом; в 1868 г. на Парижской Всемирной выставке с успехом экспонировалась зелено-волнистая яшмовая ваза алтайских мастеров; в 1873 г. на Венской Всемирной выставке — ваза из серо-фиолетовой яшмы с пьедесталом из серовато-зеленого порфира (стоимостью в 17452 руб.); в 1882 г. на Всероссийской промышленно-художественной выставке — ваза из зелено-волнистой яшмы (стоимостью в 34000 руб.) высотой в 2,8 м была удостоена диплома I степени [1, с. 33].

В то время как изделия колыванских мастеров, представлявшие русское национальное искусство на Международных выставках и снискавшие всемирное признание, сама фабрика влажила жалкое существование. Ее долг Главному управлению Алтайского округа в 1880 г. составил 25531 руб. [5, с. 67]. Стремясь снизить расходы, фабричная администра-

ция сократила численность рабочих. Если в 1862 г. их было 215 чел., то в 1875 г. — только 63 контрактника, причем на производстве работало только 40 [8, л. 15]. Для того, чтобы обеспечить работой всех законтрактованных, управлению приходилось затягивать выполнение заказов, использовать своих работников на строительстве. Именно к этому времени относится и возведение в Колывани каменных зданий, церкви, школы, жилых домов и ремонт фабричных корпусов. Естественно, что такая артимия фабричного производства усугубляла и без того нелегкое материальное положение рабочих. Полностью зависимые от горного начальства, они не имели возможности заняться каким-либо промыслом для дополнительного заработка. При И.И. Злобине рабочие еще имели возможность подрабатывать на стороне: им разрешалось изготавливать на фабричных станках «каменные предметы (столешницы, плиты, пепельницы, печати и даже мельничные жернова) на продажу». Но в своем поселке их сбыт был затруднен из-за отсутствия спроса. В силу этого, их приходилось везти за 250 верст, в городах Змеиногорск и Семипалатинск, либо уступать местному скупщику за четверть цены.

В 80-х гг. XIX в. в деятельности фабрики произошли некоторые перемены. Для оживления камнерезного производства, Кабинет разрешил в 1885 г. местной администрации принимать заказы от частных лиц и учреждений с условием, чтобы их выполнение не мешало исполнению кабинетских. Воспользовавшись разрешением, фабрика разместила в пяти номерах трех газет «Сибирь», «Сибирский вестник» и «Сибирская газета» объявление о приеме заказов на изготовление каменных изделий: потиров и дисков для церквей, блюд, солонок, масленок, столешниц, пресс-папье, печатей, брелков, памятников. Вместе с этим, новый управляющий фабрики П.В. Ивачев попытался в 1886 г. перестроить камнерезное производство. С этой целью он дважды (в 1886 г. и в 1896 гг.) обращался в Кабинет с предложениями по реорганизации фабрики, которые, по его мнению, должны были состоять в сокращении накладных расходов, выпуске продукции на внешний рынок через посредников. Для внутреннего рынка Ивачев предлагал организовать производство бронзовых фигурок. Но Кабинет никак не отреагировал на его предложения. Поэтому управляющий — на свой страх и риск — осуществил некоторые преобразования: сократил число должностей в штате управления, рабочих, занятых как на отделке камней, так и занимающихся ремонтом; стали включаться в число фабричных изделия, изготовленные на дому, что привело к потере дополнительного заработка камнерезов. Некоторое оживление камнерезного дела произошло в 1887 г., когда фабрика «обогатилась» заказами Кабинета так, что пришлось, отложить побочные дела, заняться только исполнением его заказов [9, л. 3]. Им же были заказаны колонны для соборов Москвы и Варшавы, монолит из зелено-волнистой яшмы на саркофаг Александру II и др. Все это позволило фабрике увеличить производство с 29700 руб. в 1886 г. до 54990 руб. в 1892 г., а численность рабочих увеличить с 45 до 77 чел. [10, л. 40]. Коснулись улучшения и технической оснащенности фабрики: из

Англии был выписан станок для более быстрой резки твердых пород; в 1889 г. на ней установили особую машину для шлифования больших поверхностей; в 1890 г. старую конструкцию пил заменили более совершенным станком, а в следующем году установили новый прибор для притирания больших плит; в конце XIX в. ввели электрическое освещение в фабричных корпусах. Была механизирована и добыча камня. Для этого Кабинет передал фабрике две электрические машины для одновременного взрыва нескольких шурфов, машину для подъема и опускания камней в токарный станок [5, с. 86]. Однако общая механизация основных производственных процессов осталась на низком уровне, что отчасти объясняется самой спецификой художественно-декоративной обработки поделочно-го камня, требовавшей большой доли ручного труда. Как свидетельствуют архивные материалы, Кабинет не считал нужным осуществлять техническую реконструкцию камнерезного производства, являвшегося второстепенным делом в горной промышленности сибирских округов. А поскольку в 90-х гг. XIX в. значительные доходы ему приносила эксплуатация земель и лесов, то Кабинет пошел даже на закрытие главной отрасли горнозаводского производства: сереброплавильной. В начале 90-х гг. XIX в. им были закрыты все сереброплавильные заводы. Закрытие Колыванской фабрики было отложено, поскольку Кабинет заказал ей ряд крупных изделий для стоящихся в Москве и Петербурге храмов. Поэтому она просуществовала, как и вся камнерезная промышленность в целом до начала XX в.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать некоторые выводы: кабинетская собственность на фабрику, ее зависимость от Коронного ведомства привели к тому, что продукция камнерезной промышленности во второй половине XIX в. так и не

стала товарной, хотя местное руководство неоднократно пыталось организовать сбыт каменных изделий. Так, в 1891 г. у фабрики нашелся посредник по продаже ее продукции. Им стал барнаульский купец Яренский, основавший в Барнауле лавку по продаже каменных изделий. Но торговля ими шла вяло, не получилась и вольная продажа их. Немногим лучше обстояло дело с выполнением частных заказов, которые давали небольшую, но постоянную выручку. За 10 лет фабрика заработала на частных заказов 5108 руб., но это был «мизер» от кабинетских заказов. Некоторое оживление камнерезного производства в 80 — середине 90 гг. XIX в. сменилось затем постепенным упадком. Производство фабрики к концу XIX в. не возрастало — оно оставалось почти на одном стоимостном уровне: 21913 руб. в 1895 г. и 20811 руб. в 1900 г. Камнерезы, а их было тогда 82 чел. работали над выполнением последних заказов Кабинета [10, л. 40].

Иначе говоря, в XX в. Колывань вступила без всяких перспектив. По распоряжению Кабинета камнерезное производство было переведено на первоначальную обтеску каменных монолитов для Петергофской фабрики. Оставшиеся без работы камнерезы пополнили резервную армию наемного труда, некоторые из них ушли на горнорудные заведения Змеиногорского края и на транспорт.

Таким образом, камнерезная промышленность Алтая была неразрывно связана с горнозаводской и рудной и пережила общий упадок и кризис горного дела Кабинета, обусловленный крепостническими пережитками, технической отсталостью, низкой производительностью труда. Техническое переоборудование фабрики, начавшееся в 90-гг. XIX в., в начале XX в. заглохло. Единственное предприятие камнерезной промышленности Сибири так и остались на стадии мануфактуры, а ее рабочие кадры — мануфактурными рабочими.

Библиографический список

1. Савельев Н.Я. Алтайские камнерезы. — Барнаул, 1956. — 72 с.
2. Агапова Т.И. Алтайские камнерезы // Промышленность Сибири и ее кадры. (конец XVI-начало XX вв.) — Новосибирск, 1977.
3. Бородавкин А.П., Маслениковский С. И. Заводской поселок Сузун в 1762-1914 гг. // Города Алтая. — Барнаул, 1986.
4. Центр хранения архивных фондов Алтайского края (ЦХАФ АК) Ф. 3. Оп. 1. Д. 40.
5. Колыванская шлифовальная фабрика. — Барнаул. 1902. — 102 с.
6. Центр хранения архивных фондов Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 23.
7. Центр хранения архивных фондов Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 159.
8. Центр хранения архивных фондов Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. 4. О. 1. Д. 138.
9. Центр хранения архивных фондов Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 156.
10. Центр хранения архивных фондов Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 40.

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 19.05.08.

L.N. Mukaeva

THE HISTORY OF THE ALTAI STONE-CUTTING INDUSTRY IN THE SECOND HALF OF THE XIX-BEGINNING OF THE XX CENTURIES

The article analyses the Altai stone-cutting industry, the working stuff and materials through the period of the second half of the 19th century to the beginning of the 20th century. The reasons of the Altai stone-cutting industry down fall are given and all the unsuccessful attempts of administration to help the stone-cutting factory to avoid the crisis are studied.

Altai district, Cabinet E.V., stone-cutting industry, textiles workers, stone-cutting factory

УДК 902

Н.Г. Арыкова

ИЗ ИСТОРИИ ПОДГОТОВКИ КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ КАДРОВ В ГОРНОМ АЛТАЕ В 1930-1941 гг.

В статье на основе опубликованных и архивных материалов анализируется процесс подготовки квалифицированных кадров в Горном Алтае в 1930-1941 гг.

Октябрьская революция, народное хозяйство, первые пятилетки, Горный Алтай, профессионально-техническое образование, квалифицированные кадры

Октябрьская революция 1917 г. коренным образом изменила не только общественно-политический облик России. С ее победой был взят курс и на изменение и социально-экономических отношений в стране. Добиться этого, можно было лишь путем превращения бывшей аграрной России в индустриальную. В связи с этим, особую актуальность в Стране Советов приобрела проблема подготовки рабочих кадров. В силу этого, она вводит в 1918 г. обязательное обучение 15-17 подростков, работавших на предприятиях и в учреждениях. Одновременно с этим новая власть упраздняет ремесленные училища и школы, функционировавшие в стране до революции, и создает на их базе сеть новых профессионально-технических курсов, школ, клубов для профессиональной и общеобразовательной подготовки молодежи. Для руководства ею при Наркомпросе РСФСР учреждается секция профтехобразования, преобразованная в 1920 г. в Главпрофобр. В том же году появился и декрет СНК РСФСР «О мерах к распространению профессионально-технических знаний», определивший направления этой работы [1].

Продолжая разработку данной проблемы, правительство принимает в 1921 г. новый документ («Об учебной, профессионально-технической повинности»), который санкционировал введение обязательного профтехобразования всех рабочих в возрасте от 18 до 40 лет. Тогда же появляются другие нормативные документы, регламентировавшие профессионально-техническое образование молодежи. Одним из таковых стало положение о школах фабрично-заводского учебы (ФЗУ). Руководствуясь им, они стали образовываться во многих ведомствах, что в значительной мере затруднило централизованное руководство профессиональным образованием рабочих, разработку единых учебных планов, программ и учебников и последующее их введение в учебный процесс. Но, делая акцент на подготовку квалифицированных рабочих для отечественной промышленности, партия и правительство не забывали и о сельском хозяйстве, в полной мере отдавая себе отчет в том, что в однотасье нельзя превратить страну аграрную в индустриальную. И в этой связи, не были забыты и традиционно аграрные регионы, в том числе и национальные, подобные Горному Алтаю. Таковым руководство страны уделило особое внимание, в частности, в плане подготовки кадров. Это со всей определенностью просматривалось в резолюции X съезда РКП (б) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе». Указывая на необходимость развития в национальных республиках и областях образования, культуры на родном языке, не была забыта и профессионально-

техническая подготовка «местных кадров квалифицированных рабочих» [2, с. 559].

Реализуя решения партийного съезда, местные власти, естественно, стремились претворить их в полном объеме. Но на первых порах акцент был сделан на подготовку советско-партийных работников. Их начала готовить партийная школа, краткосрочные курсы, появившиеся сразу же после X съезда партии, в 1923 г. — курсы секретарей волисполкомов, в 1924 г. — секретарей сельских Советов, в 1927 г. — женорганизаторов, в 1928 г. — педагогический техникум, в 1930 г. — зооветтехникум [3, с. 324-327]. Но, как видим, в данном перечне нет ничего, что говорило бы о подготовке квалифицированных рабочих. А в них очень нуждалось народное хозяйство области. Отвечая на его «запрос», в 1931 г. в с. Иня Онгудайского аймака была открыта школа шоферов с годичным сроком обучения, преобразованная позднее в школу механизаторов сельского хозяйства. Но об этом чуть ниже. И лишь с началом колхозного движения перед партийно-советскими организациями области особенно остро встал вопрос о подготовке руководящих кадров для колхозов и кадров массовой квалификации. Для этого в конце 1931 г. в с. Бирюле был открыт так называемый колхозный институт им. Горького (как отделение Омского колхозного института), подготовка специалистов в котором проходила в форме курсов со сроком обучения от 9 месяцев до 1 года. В январе 1934 г. колхозный институт был реорганизован в сельхозшколу с более длительным сроком обучения [3, с. 328].

Завершившаяся в области коллективизация еще более обострила ситуацию с нехваткой специалистов массовой квалификации — бригадиров, кузнецов, пчеловодов и т.д. Для их подготовки облисполком организовал 3 межрайонные постоянно действующие курсы базы (в Онгудайском, Шебалинском и Майминском аймаках), которые стали готовить бригадиров, огородников, луговодов, пчеловодов, старших чабанов, кузнецов, счетоводов и др. [4, л. 14]. В 1933 г. в г. Ойрот-Туре при обллеспроме была организована школа леспромхозного ученичества, которая стала готовить кадры по специальностям: лесоэксплуатация, лесотранспорт и лесосплав, в 1934 г. в Шебалине — курсы мараловодов [4, л. 14].

Но, наряду с сельским хозяйством, лесной промышленностью и автодорожным транспортом, нужду в кадрах испытывали также учреждения торговли и здравоохранения. Удовлетворяя их запросы, облисполком открыл (при содействии Сибирского краевого потребсоюза) в январе 1930 г. в областном центре трехгодичный курсовой комбинат кооперативного образования, который стал готовить заведующих магазинами, счетоводов, продавцов, пред-

седателей сельских потребительских обществ (сельпо), товароведов и т.д. В 1933 г. он был реорганизован в кооперативное училище [3, с. 329].

Не без помощи государства был решен вопрос и о подготовке в области медицинских кадров, в которых очень нуждалась автономия, ибо в этот период в крае, без преувеличения, свирепствовали трахома, тиф и другие социальные болезни. Борьбу с ними, при отсутствии собственных кадров, вели передвижные отряды, организованные Сибздравом, Сибирским отделением Общества Красного Креста и другими медицинскими ведомствами и учреждениями. Для решения этой неотложной задачи, в 1936 г. было открыто медицинское училище по подготовке медицинских кадров средней квалификации. Благодаря ему, область стала пополняться, начиная с 1939 г., своими собственными кадрами: акушерами, фельдшерами, санитарками и т.д. [5, л.120].

Но, несмотря на принимаемые властями меры, квалифицированных кадров в области было еще мало. Положение с ними еще более ухудшилось, когда в сентябре 1939 г. вышел закон «О всеобщей воинской повинности». Учитывая недостаточность квалифицированных рабочих кадров в стране, правительство вынуждено было пойти на реорганизацию системы профтехобразования. С этой целью, Президиум Верховного Совета СССР принял 2 октября 1940 г указ «О государственных трудовых резервах», в соответствии с которым министерства и ведомства обязаны были готовить для передачи в промышленность государственных трудовых резервов в количестве от 800 тыс. до 1 млн. чел., путем обучения городской и сельской молодежи определенным производственным профессиям в ремесленных, железнодорожных училищах и школах фабрично-заводского обучения (ФЗО) [6, с. 774].

В соответствии с ним, СНК имел право «ежегодно призывать (мобилизовать) от 800 тыс. до 1 млн. чел. городской и сельской молодежи мужского пола в возрасте 14-15 лет — для обучения в ремесленных и железнодорожных училищах и в возрасте 16-17 лет — для обучения в школах ФЗО [6, с. 343]. Этим же указом подчеркивалось, что «все, окончившие ремесленные, железнодорожные училища и школы фабрично-заводского обучения, считаются мобилизованными и обязаны отработать 4 года подряд на государственных предприятиях по указанию Главного управления трудовых резервов при СНК с обеспечением им зарплаты по месту работы на общих основаниях». Этот же указ предоставлял выпускникам, закончившим обучение в системе государственных трудовых резервов, целый ряд льгот: отсрочку «по призыву в Красную Армию, военно-морской флот на время до истечения срока, обязательного для работы на государственных предприятиях» [6, с. 774].

После принятия данного указа ВС СССР, повсеместно стали формироваться соответствующие управления трудовых резервов. Однако в Горном Алтае, в силу специфики нашего края (почти полное отсутствие промышленности) такового не было. Но это обстоятельство ни в коей мере не освобождало его руководство от решения задач, поставленных партией и правительством и направленных на укрепление экономического и военного потенциала нашего региона, особенно с учетом осложняющей-

ся международной обстановки. Правомерность предпринимаемых им шагов сразу же сказалась как только началась Великая Отечественная война.

С ее началом Советское правительство в тот же день объявило мобилизацию военнообязанных по 14 военным округам, в том числе и Сибирском округе. Это привело к тому, что на защиту Родины ушло значительное число жителей Горного Алтая, вчерашних колхозников, рабочих промартелей, служащих госучреждений и организаций. На фронт уходили, главным образом, физически здоровые мужчины: опытные чабаны, пастухи, трактористы, комбайнеры, кузнецы и др. Поэтому перед партийно-советскими органами края и области всталась задача — обеспечить народное хозяйство края необходимыми кадрами. В июне и июле 1941 г. бюро краевого комитета партии приняло решение о частичном изменении сети школ ФЗО, а также об организации новых ремесленных училищ и о призывае в них молодежи [7, л. 25, 38].

Руководствуясь им, облисполком принял предложение крайисполкома об открытии на пункте Иинской автобазы Чуйского военизированного тракта (ЧВТ) ремесленного училища, поскольку там имелись ремонтные мастерские, электростанция, токарное и другое оборудование, а также столовая на 300 мест и общежитие на столько же мест. Директору училища (Б. Бечину) предписывалось укомплектовать до 1 августа училище необходимыми квалифицированными кадрами и принять на учебу 300 курсантов [8, л. 159-160]. Для их привлечения, в крае был объявлен призыв в учебные заведения трудовых резервов, который был с подъемом встречен алтайской молодежью. Заявления от нее поступили не только в Иинское училище. Сотни заявлений от юношей и девушек Горного Алтая поступили в приемные комиссии многих профтехучилищ края [9, с. 118].

Преодолевая немалые трудности, новое учебное заведение начало свою работу, подчиняя всю свою жизнедеятельность одной цели — сделать все для разгрома врага, для достижения полной победы над ним. Ее решение, естественно, наложило свой отпечаток на всю учебно-производственную и политico-воспитательную работу в училище — особое внимание в ней было удалено идеино-политическому и военно-патриотическому воспитанию учащихся, обеспечению активного участия воспитанников трудовых резервов в работе по оказанию максимальной помощи фронту и тылу.

Учитывая военное время, правительство признало целесообразным понизить не только приемный возраст поступающих в школы ФЗО, готовивших кадры массовых профессий, но и сроки обучения в них: в зависимости от профессии оно были снижены сначала до 4-5 месяцев, а затем — до 3-4 месяцев. В связи с этим, заметно были повышенны требования к преподавательским кадрам, работавшим в учебных заведениях трудовых резервов. Это в полной мере нашло свое отражение в письме Главного управления трудовых резервов при СНК СССР «О задачах ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО в условиях военного времени» [9, с. 121].

Обсудив его, преподаватели, мастера и учащиеся Иинского училища постарались все сделать так, как в нем рекомендовалось. И они многого добились

в учебно-производственной и политико-воспитательной работе. Но были в жизни училища ситуации, которые оно не могло разрешить. Главная из них касалась кадров училища. Работая на базе ремонтного пункта Игинского отделения ЧВТ, ремесленное училище всесело зависело от «воли и желания» Управления Чуйского тракта. Испытывая с началом войны острую нехватку квалифицированных кадров, оно стало отзывать в г. Бийск своих специалистов из Игинских мастерских, которые в то же время являлись преподавателями Игинского ремесленного училища. Создавшаяся в учебном заведении трудовых резервов ситуация стала предметом обсуждения 4 ноября 1941 г. на заседании исполкома Онгудайского аймачного Совета депутатов трудящихся. Однако отсутствие на нем представителя из управления ЧВТ, естественно, не позволило разрешить эту проблему. В связи с этим, исполком поручил директору Игинского ремесленного училища представить в крайисполком подробную справку о положении дел с кадрами в училище и сформулировать свои предложения по их закреплению и «налаживанию сотрудничества с управлением Чуйского тракта» [10, л. 7].

Библиографический список

1. Подробнее об этом см.: Декреты Советской власти. Т. 7. — М., 1974.
2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. I. — М., 1953.
3. Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области. — Горно-Алтайск, 1973.
4. Государственный архив Республики Алтай (ГАРА). Ф.1. Оп.1. Д.377. Л. 14.
5. ГАРА. Ф. 241. Оп. 6. Д. 1048. Л. 120.
6. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. — М., 1967.
7. Центр хранения архивных фондов Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. Р-631. Оп. 1. Д. 4.
8. Государственный архив Республики Алтай (ГАРА). Ф. Р-33. Оп. 6. Д. 69.
9. Чирков А.Д., Аладышева З.С. Развитие профессионально-технического образования на Алтае. — Барнаул, 1970.
10. ГАРА. Ф. Р-40. Оп. 1. Д. 295.

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 25.04.08.

N.G. Arykova

FROM THE HISTORY OF PREPARATIONS OF SKILLED SPECIALISTS IN MAUNTAIN ALTAI IN 1930-1941 YEARS

The paper written on the basis of analyzed publications and archive materials the process of preparations of skilled specialists in Mauntain Altai in 1930-1941 etars.

Oktobre revolution, national economy, first five-year plans, Mountain Altai, professional education, skilled workers

УДК 947.325.1

И.А. Рябцева

МИГРАЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ ЖЕНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 20-30-х гг. XX в.

В статье исследуются миграции женского населения Западной Сибири в 1920-1930-х гг. Рассматривается миграционная подвижность женщин, направления и виды миграции, уровень приживаемости, состояние экономической активности мигрантов и их возрастной состав. Анализируется влияние политических, экономических и социальных факторов на характер миграции женского населения.

миграции женщин, внешняя миграция, внутрирегиональная миграция, семейная миграция, индивидуальная миграция, принудительная миграция, механический прирост, уровень приживаемости, возрастной состав, поле демографического равновесия

В 1920-е гг. начинается активное переселение в Сибирь, происходившее в два этапа. Первый, так называемый доплановый период (1920 -1924 г.), ха-

рактеризовался существенным ростом масштабов переселения. Несмотря на постановление Сибревкома от 1920 г. о закрытии переселения в край до урегулиро-

вания земельных отношений, люди целыми семьями продолжали прибывать в Сибирь. В основном это были голодбеженцы из районов Поволжья, желавшие поселиться в Сибири. Всего за 1920-1924 гг. сюда прибыло примерно 410-450 тыс. чел. [1, с. 57].

Не в состоянии справиться с нарастающим потоком мигрантов, сибирская администрация старается придать, начиная с 1925 г., этому стихийному процессу плановый характер. Всесоюзный переселенческий комитет и Наркомзем разработали план переселения (на 1926-1935 гг.), согласно которому в Сибирский край предполагалось направить 3 млн. чел., т. е. 40% всех пожелавших переселиться [2, с. 27-28].

Официальное открытие региона для приёма переселенцев объяснялось целым рядом причин — во-первых, практической невозможностью воздействовать на стихийный процесс переселения, во-вторых, желанием с помощью переселения в Сибирь ослабить аграрное перенаселение в европейской части страны, кроме того, с увеличением численности населения в Сибири можно было решать вопросы о более эффективном освоении земельных и природных богатств края.

Его открытие для свободного переселения сразу же усилило приток населения сюда: с 1920 по 1926 г. в Сибирь прибыло около 600-650 тыс. переселенцев. [3, с. 140-236] Всего в 1920-е гг. в сюда переселилось около 900 тыс. чел. [4, с. 136] Это, естественно, увеличило численность населения края: с 1923 по 1926 г. оно возросло (за счёт механического прироста) на 450 тыс. чел. [2, с. 30].

Большинство переселенцев осело в сельской местности. Это позволило «перекрыть» за счет пришедшего населения отток из нее сельских жителей в города и за пределы Сибири. С 1923 по 1927 г. население сибирской деревни увеличилось на 27%, а в среднем по стране — на 6%. Доля Сибири в сельском населении страны поднялась с 5,2 до 6,3% [5, с. 112].

Рост населения сибирских городов осуществлялся тоже в основном за счёт пришлого населения, т.е. за счет сельско-городских миграций. Согласно Всесоюзной переписи населения 1926 г., численность горожан увеличилась с 1921 по 1926 г. на 322,2 тыс. чел. [3, с. 70]. В 1927 г. механический прирост в городах Сибири составлял 70,5 тыс. чел., а в 1929 г. — уже 105,7 тыс. чел. [6, с. 12-15]. Еще большим он оказался в период с 1926 по 1939 г. — 400,4 тыс. чел. (не из сибирских мигрантов -21,2%) и за счёт внутрисибирских мигрантов (в основном сельских жителей) 1708,3 тыс. (78,8%) [7, с. 57, 66, 72-74, 154-155].

Не одинаковой была миграционная подвижность людей: у мужчин она была выше, у женщин — ниже. Так, например, в 1925 г. в Барнауле при выборочном обследовании рабочих и служащих было установлено, что среди мужчин 50,8% являлись уроженцами Европейской России, 45,8% — Западной Сибири и 3,4% — прочих территорий. Среди женщин — 57,4% — были местными, 38,9% приходилось на районы Европейской России и 3,7% — на прочие территории страны [8, с. 22]. Это можно наглядно проследить на примере Новосибирска — административного центра Сибирского края.

Перепись 1926 г. зарегистрировала, что 74,1% женщин, проживающих в нем не являются урожен-

ками Новосибирска. Это еще одно свидетельство того, что и в предыдущие годы его женское население росло в основном за счёт мигрантов из сельской местности и других городов.

Небезынтересны в этом плане и показатели по времени проживания женщин в Новосибирске. Здесь налицо лидерство женщин, приехавших сюда с 1921 по 1923 г. (19,3%). Эта волна миграции была следствием голода. Тогда, в начале 1920-х гг., голодающие жители сибирской деревни и других регионов страны нескончаемым потоком хлынули в города Сибири. На втором месте оказалась группа женщин (15,6%), прибывшая в 1926 г., т.е. не проживших в Новосибирске и года. Это была волна мигрантов, прибывшая в Новосибирск, после 1925 г. Оживление в годы нэпа экономики городов, что способствовало развитию промышленности и торговли, также способствовало миграции населения в города. Реально способствовало этому и присвоение Новосибирску статуса административного центра Сибирского края, образованного в 1925 г.

Анализируя возрастной состав мигрантов, можно утверждать, что прибывшие в Новосибирск женщины находились в основном в молодом возрасте. Значительная их часть прибыла сюда в детском возрасте, многие — добрачном или в раннебрачном возрасте. Многие уже здесь вышли замуж. Удельный вес таковых среди замужних горожан составлял 40,5%, в то время как доля замужних женщин, родившихся в Новосибирске, составляла всего 4,3% [9, с. 147]. Это обстоятельство дает основания утверждать, что в 1920-е гг. среди женского населения города была распространена «брачная миграция» — результат нарушения (из-за войн) равновесия полов. Это понуждало незамужних женщины покидать места, где был «дефицит» женихов и перебираться туда, где его не было.

Сравнивая состояние экономической активности местного и прибывшего женского населения, можно сделать вывод, что большая экономическая активность была характерна для прибывших лиц. Так, среди уроженок Новосибирска доля самодеятельных от общего числа женщин составляла всего 8%, тогда как на долю несамодеятельных приходилось 92%. Среди неместных уроженок этот показатель равнялся 24,9%, несамодеятельных — 75,1% [9, с. 147]. Более высокая численность самодеятельных лиц среди прибывших женщин свидетельствовала об основной цели их прибытия — обеспечить себе источник средств существования. Поэтому-то среди работающих женщин, мигрантки и составляли большинство.

Вплоть до конца 1920-х гг. в городах Западной Сибири сальдо миграции было положительным. К примеру, в 1929 г. в Новосибирске механический прирост населения составил 2016 чел. Миграционный оборот здесь составил 77593 чел. Валовая миграция у женщин составила 35092 чел., у мужчин — 42301 чел. Среди прибывших в город мигрантов женщины составили 46,9%, а в числе убывающих — 42,3%. Таким образом, удельный вес женщин среди приехавших на жительство в Новосибирск превысил долю женщин среди выехавших из города, обеспечив таким образом положительный прирост женского населения.

Среди прибывших в Новосибирск мигрантов 77,8% находилось в трудоспособном возрасте, т. е. продолжался приток в город работоспособного населения. В общем числе прибывших женщин трудоспособные составили 75,4%. Основную их массу представляли сельские жительницы — 55,8%, горожанок же — 44,2%.

Среди убывших из Новосибирска также преобладало трудоспособное население: 86,8% — мужчины и женщины — 80% [10, л. 17-17 об].

Одной из причин покидания трудоспособными городами и сёл Сибири была социально-экономическая политика Советского государства, направленная в 1920-1930-х г. на увеличение его индустриального потенциала за счёт строительства новых промышленных центров. Именно туда и направлялась основная масса мигрантов. Таковым в Западной Сибири был индустриальный Кузбасс. Темпы его развития были настолько стремительными, что к началу 1930-х гг. встал даже вопрос о проведении в Кузбассе специальной переписи населения, т. к. данные Всесоюзной переписи населения 1926 г. уже не отражали действительного положения дел здесь. К примеру, на момент переписи населения в 1926 г. Новокузнецк не был даже посёлком городского типа, а к январю 1931 г. это уже был город, где проживало 46 тыс. жителей.

Перепись городского населения Кузбасса, прошедшая в 1931 г., дала небывалые результаты: рост его населения за четыре года, с декабря 1926 г. по январь 1931 г., составил 162%.

Во время проведения переписи всем проживавшим в городах Кузбасса не менее трёх лет задавался вопрос: «В каком регионе СССР они раньше имели постоянное место жительства и выходцами каких местностей (городских или сельских) являлись?» Большинство респондентов ответили, что прибыли в Кузбасс из районов Сибирского края. Что касается других регионов страны, то из Уральской области прибыло всего 2,5% мигрантов и 4,4% их — из неустановленных мест.

Отразила перепись и картину женской миграции в Кузбасс и свидетельствовала, что женское население неизменно прибывало. Основная их масса сразу же вилась в состав рабочих. К моменту переписи 1931 г. среди трудоспособного женского населения 27,2% женщин прожили в Кузбассе 5 и более лет, от 1 до 4 — 30,7% (причём только 1 год — 10,7%), менее 1 года — 38,8% (причём менее полгода — 26,6%) и у 3,3% самодеятельного женского населения сроки проживания были не установлены.

С прибытием в Кузбасс трудоспособного населения численность иждивенцев в регионе, основную массу которых традиционно составляли женщины и дети, значительно снизилась. По городам Кузбасса с 1926 по 1931 г. их число на одного работающего снизилось по всем социальным группам на 23,4%, в т.ч. среди рабочих — на 32,3%, служащих — на 22,6%, кустарей — на 16,5% [11, с. 8, 10].

Но, несмотря на значительную миграцию женского населения в Кузбасс, он все же остался единственным регионом в Западной Сибири, где оно существенно уступала численности мужчин.

Говоря о миграции в Западную Сибирь, следует сказать и о ее характере. Если в 1920-е гг. пре-

валировала внешняя миграция, т.е. из других регионов страны, то в 1930-е гг. приоритет был уже на стороне внутренней миграции, порожденной «процессами социально-экономического развития». Главной их причиной явился рост индустриального потенциала Сибири, приведший в движение массы трудоспособных людей, покидающих старое местожительство в надежде «улучшить» свою жизнь в строящихся промышленных городах. Основной формой этого передвижения населения стала индивидуальная миграция.

В начале 1930-х гг. городское население Сибири, как уже отмечалось выше, продолжало увеличиваться главным образом за счёт переселенцев из сельской местности. С 1926 г. по 1937 г. удельный их вес в составе новых горожан в Сибири достиг 68,5% [7, с. 155].

Особенно увеличилась миграция сельчан в города Сибири в 1931-1932 гг. Решающим в этом движении стали массовое отходничество крестьян, разрешенное законом от 30 июня 1931 г., и спровоцированное голodom 1932 г. Однако эти массовые миграции населения, были приостановлены государством, ограничившим рядом законов свободу передвижения населения. К примеру, в июне 1931 г. И.В. Сталин призвал к закреплению рабочих на предприятиях, в декабре 1932 г. был введен паспортный режим, а в марте 1933 г. вышло постановление о новом порядке организованного отхода из колхозов.

Значительную роль в увеличении миграции сельского населения в города сыграли в 1930-е гг. так называемые организационные наборы, предоставившие в 1932 г. 36% новых рабочих для промышленности Западной Сибири, а в 1933 г. — уже 86% [12, с. 245].

Начиная с середины 1930-х гг., прослойка сельчан в составе мигрантов стала сокращаться, тогда, как доля горожан стала расти. Причиной этого снижения стала отмена в 1931 г. закона об отходничестве. В годы политических репрессий заметную миграционную активность проявили горожане, надеясь сменой места жительства избежать роковой участи, в то время как крестьяне не имели возможности сделать это.

Но, несмотря на возникшие «препятствия», миграции городского населения Сибири в 1930-е гг. продолжались и зачастую с «женским перевесом». На долю женщин приходилось — в среднем — около 56% механического прироста населения [13, с. 219]. Следует отметить, что в эти годы западносибирский регион характеризовался значительной миграционной подвижностью населения. Так, в 1935 г. прирост населения Западно-Сибирского края составил 166475 чел., в т.ч. 79185 женщин и 87290 мужчин. Число прибывших селян (обоего пола) составило 63%, из городов — 32,3% и 4,7% прибыло из «неустановленных мест». Женщины в общем числе прибывших составили 42,8% (в т.ч. из городов 14,1%), мужчины — 52,4% (в т.ч. из городов 18,2%). Женщины, прибывшие из села (64,3%), в два раза превышали число мигранток, прибывших из городов (31,4%).

Говоря о числе убывших в 1935 г. с территории Западно-Сибирского края, следует отметить, что этот процесс не претерпел каких-либо существенных изме-

нений. Основная масса уезжающих, по-прежнему, направлялась в города и поселки городского типа. Их доля в числе выбывших составила 44,8%, а доля их «коллег», выбывших в сельскую местность — 28,7%. Среди выбывших было больше мужчин (41,6%), доля женщин равнялась 31,9% [14, л. 1].

Приток населения в Запсибирский край из села заметно превышал отток из него, в то время как отток горожан-сибиряков в города других регионов значительно перекрывал приток населения из них. Отток мужчин в большей степени зависел от их трудовой деятельности, в то время как миграции женщин зачастую зависели от их семейного положения.

Мигранты, выбывшие из сибирских городов, переселялись в основном в города Европейской России. Удельный вес горожан, направившихся в село, был незначительным и в основном это были женщины.

Имеющиеся на этот счет данные по Новосибирской области, свидетельствуют, что в 1937 г. среди ее мигрантов-горожан, женщины составили 56,7%, среди выбывших в село — 33,2%, в неизвестном направлении — 10,1%. Основным пунктом «приема» женщин стала, как видим, сельская местность — 58,2%. В целом, в 1937 г. убывающие из области составили 36,3%, а прибыло — 63,7%.

Интересен в этом плане показатель — удельный вес прибывающих в Новосибирскую область в 1937 г.: он значительно перекрывал долю убывающих по всем возрастным группам. Так, основная масса прибывающих женщин была в возрасте 16-24 года (29,7%). Высок был удельный вес девочек до 15 лет (21,1%). На долю молодёжи от 25 до 29 лет падало 14,7%, а на 30-34-летних — 9,5% и т.д. Из всего количества прибывающих в область мигрантами трудоспособные составили 73,1%.

Если говорить об «интенсивности» выбытия, то здесь лидировали 16-24-летние (31%), затем шли 25-29-летние (16,8%), девочки до 15 лет (13,5%) и 30-34-летние (11%). Иначе говоря, все выбывшие из области женщины были трудоспособного возраста 79,3% [15, л. 2].

Миграционный приоритет молодёжи был продиктован ее стремлением устроить самостоятельную жизнь (поступить на работу, в учебные заведения, изменить семейное положение). Не изменилась эта ситуация и к концу 1930-х гг.: в составе мигрантов, прибывающих в города Сибири, также преобладала молодёжь трудоспособного возраста. В 1939 г. на долю 16-29-летних приходилось около 50%. Высокий процент имели и дети до 15 лет — почти 18. Удельный вес 30-39-летних равнялся 16,9%, 40-49-летних — 7%, 50-59-летних — 4,2%.

Состав мигрантов, выбывших из городов, мало чем отличался от состава прибывающих. Среди тех, кто покидал города Сибири, также превалировали лица молодого возраста. Дети и молодёжь вносили основной вклад в формирование сальдо миграции и демонстрировали высокие показатели приживаемости. Удельный вес лиц до 29 лет в приросте городского населения Сибири составлял 74,9%, на долю 30-39-летних приходилось 11,5%, 40-49-летних — 5,9%, 50-59-летних — 3,7%, прослойка пожилых и старых составляла чуть более 4%.

Приживаемость женщин на новом месте была выше, чем у мужчин. По данным 1939 г., из каж-

дой 1000 мигрантов-мужчин, прибывших в города и посёлки городского типа Сибири, на постоянное жительство оставалось не более 223 чел., тогда как у женщин этот показатель равнялся — 314 чел. Одной из причин высокой приживаемости женщин, по сравнению с мужчинами, являлась мало распространённая среди женского населения практика повторных миграций.

А тем временем индустриальное развитие Сибири требовало все новые рабочие руки. Тяжёлая обстановка в деревне все чаще толкала селян к поиску лучшей доли в городах. В результате этого, в 1939-1940 гг. в Западную Сибирь прибыло 1022,3 тыс. чел. Иначе говоря, общий коэффициент подвижности населения в 1938-1940 гг. составил в Западной Сибири 349,4% [13, с. 219, 224].

В конце 1930-х гг. первостепенную роль снова начинает играть внутрирегиональная миграция. Если в 1933-1937 гг. среди мигрантов, прибывших в городские поселения Сибири, на долю сибиряков приходилось 75%, то в 1938-1940 гг. этот показатель превысил 80% [7, с. 66].

Со временем наметилась тенденция к концентрации в промышленных городах значительного числа свободных рабочих рук. Заводы и фабрики уже не требовали такого количества рабочих, какое было необходимо для их строительства. Кроме того, строители индустриальных гигантов в своем большинстве не имели квалификации и не могли участвовать в промышленном производстве. Особенно остро эта проблема всталась перед женщинами.

Изучая характер миграции женского населения, нельзя обойти проблему принудительной миграции — перемещения спецпереселенцев и заключённых, поскольку в годы сталинских репрессий Сибирь являлась одним из основных районов поселения огромной массы осужденных. Согласно статистике, в Западной Сибири в 1930-е гг. динамика спецпереселенцев выглядела так: на начало 1932 г. — 265846 чел., в 1933 г. — 227684 чел., в 1934 г. — 289431 чел. и на 1 июля 1938 г. — 242684 чел. [16, с. 4-5, 8-9].

Численность женщин-спецпереселенцев и заключённых пока неизвестна и данный миграционный поток не может быть подвергнут детальному анализу. Самый общий вывод, который можно сделать, опираясь на имеющиеся исследования по проблемам сталинских репрессий, сводится к тому, что объём принудительного переселения, как женщин, так и мужчин был довольно значительным и в отдельные годы мог превышать по своим масштабам размеры нормальных миграций — как организованных, так и индивидуальных. Например, на конец апреля 1930 г. из округов Западной Сибири были выселены кулацкие хозяйства 2-й категории в количестве 12963 семей или 66438 чел. Среди выселенных находились 18969 женщин старше 18 лет, что существенно превышало численность мужчин старше 18 лет (17010 чел.) [17, с. 121-122].

Наибольшая численность депортируемого населения в Западную Сибирь падает на первые годы 1930-х гг. К примеру, на начало июня 1933 г. на пересыльных пунктах ОГПУ только в Томске, Омске и Ачинске находилось 8684 взрослых женщин и 20979 мужчин [18, с. 82].

Процесс принудительной миграции женщин оказывал свое влияние не только на демографическую картину Сибири, но и страны в целом. Перемещение женщин в составе спецпереселенцев и заключённых из различных регионов СССР в Сибирь увеличивало удельный вес женщин в ней, заметно снижая их долю в местах их первоначального жительства, что влияло на демографическое равновесие и приводило к нарушению нормального хода демографического развития.

И в этой связи, нельзя не сказать пару слов об основных тенденциях данного явления. Как известно, в начале 1920-х гг. росту численности женского населения Западной Сибири в значительной степени способствовала внешняя миграция женщин из других регионов страны. Подавляющее их большинство составляли беженцы, направлявшиеся в Сибирь. К концу 1920-х гг. характер миграции женщин изменился: наибольшее распространение получила внутрирегиональная миграция, ставшая в 1930-е гг. основным типом пространственного перемещения женского населения. Решающим фактором, вызвавшим активные внутрирегиональные миграции женщин, явилось бурное индустриальное развитие Сибири, конечным результатом которого стала урбанизация женского населения. Коллективизация, развернувшаяся в западносибирской деревне, также оказала большое влияние на отток женского населения из села в города. Если в начале 1920-х гг. основная масса мигрантов направлялась в сельскую местность региона, то к 1930-м гг. приоритетным для них направлением стали города и посёлки городского типа.

Основной же формой миграции женского населения в начале 1920-х гг. являлась семейная миграция.

В конце 1920-х -1930-е гг. широкое распространение получила индивидуальная миграция, связанная с устройством на работу на стройки и промышленные предприятия, с поступлением на учёбу и т. д.

Для начала 1920-х гг. была характерна и так называемая возвратная миграция женщин — большинство беженок из различных регионов страны возвращалось, в конечном счёте, из Сибири на старое местожительство. В конце 1920-х-1930-е гг. основным видом миграции стала безвозвратная, в результате которой смена места жительства приобретала необратимый характер.

На протяжении всего изучаемого периода миграционная подвижность женского населения была ниже миграционной активности мужчин, однако уровень приживаемости женщин был выше соответствующего показателя у мужчин.

Данные о миграциях женщин Западной Сибири указывают и на существенную зависимость женской миграционной активности от возраста. В начале 1920-х гг. высоким удельным весом среди мигрантов отличались женщины зрелого возраста. С середины 1920-х гг. на «смену» им пришла молодёжь, миграционная подвижность которой была связана с наибольшей социальной активностью.

В 1920-1930-х гг., в результате нарушения демографического равновесия, в западносибирском регионе наблюдалась тенденция к миграциям женщин из районов с высоким удельным весом женского населения в места с менее выраженной диспропорцией полов.

В целом же миграции женского населения в 1920-1930-х гг. носили скорее вынужденный характер и были связаны с желанием (посредством перемены места жительства и смены рода занятий) улучшить свои жизненные условия.

Библиографический список

1. Славина Л.Н. Миграция населения на территории Сибири в годы восстановления народного хозяйства (1920-1926) // Проблемы истории Советской сибирской деревни. Новосибирск, 1977.
2. Гущин Н.Я. Переселение в Сибирь в 20-е гг. и его демографические и социально-экономические последствия // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1994, №2.
3. Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1931, т. XL.
4. Гущин Н.Я. Демографическое развитие советской Сибири: основные этапы и проблемы // Историческая демография Сибири. Новосибирск, 1992.
5. Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917-1937 гг.). Новосибирск, 1983.
6. Сибирский край. Статистический справочник. Новосибирск, 1930.
7. Московский А.С., Исупов В.А. Формирование городского населения Сибири (1926-1930 гг.). Новосибирск, 1984.
8. Опыт массового обследования рабочих и служащих г. Барнаула. Барнаул, 1925.
9. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т.ХХIII. Сибирский край. Бурято-Монгольская АССР. Отдел II. Занятия. М., 1929.
10. ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 22.
11. Кузбасс. Результаты переписи городского населения 1931 г. Новосибирск, 1931.
12. Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917-1937 гг.). Новосибирск, 1982.
13. Исупов В.А. Городское население Сибири: От катастрофы к возрождению (конец 30-х-конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991.
14. ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 74.
15. ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 151.
16. Земков В.Н. "Кулацкая ссылка" в 30-е годы // Социологические исследования. 1991, №10.
17. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г. Новосибирск, 1992.
18. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933-1938 гг. Новосибирск, 1994.

Новосибирский государственный университет
Получено 23.05.08.

I.A. Ryabcheva

EMIGRATION MOVE OF FEMALE POPULATION IN WEST SIBERIA IN 1920-1930

This article observes the migration of female population in West Siberia in 1920-1930. The article is dedicated to female migration movement, direction and kinds of migration, level of accustomed women, economic activity condition and their age structure. The influence of political, economic and social factors on female migration is analysis in this article.

woman of migration, outward migration, inter migration, family migration, individual migration, compulsory migration, mechanical increase, age structure, field of balance

УДК 902

Уметбаев Т.Ш.

ПОСЛЕДНЯЯ СТЕПНАЯ ИМПЕРИЯ: ОБРАЗОВАНИЕ, КРИЗИС И РАСПАД

В статье, на основе анализа опубликованных источников рассмотрен процесс зарождения, развития и гибели последней степной империи — Джунгарии.

воинственные кочевники, племенные союзы, тюркские государства, «степная империя», казахи, китайцы, внутренние и внешние войны, разгром Джунгарии

В истории Джунгарского ханства — этого последнего крупного полигэтнического монгольского государства — есть немало моментов, которые до сих пор притягивают к себе внимание исследователей. В числе таковых, по сей день, остаются, с одной стороны, «секрет» его «государственной устойчивости», позволивший ему устоять на политической арене, несмотря на «все беды», на протяжении полутора веков, а с другой, — причины, приведшие империю ойратов к гибели.

Как известно, империя ойратов возникла в период, когда Русское государство настойчиво осваивало Сибирь. Но в своем движении «встречь солнцу», оно не успело еще продвинуться далеко на юг, а Китай, ослабленный внутренними раздорами, стоял на пороге маньчжурского вторжения, которое, в известной степени, уже коснулось монголов. В этот момент история предоставила степнякам «шанс» — один из ста — и они им умело воспользовались.

Создание крупных «степных империй», по мнению историков, было направлено «не столько на расширение пастищных территорий (это аномальный случай), сколько на подчинение территорий с иным хозяйственно-культурным типом». Вместе с тем, государственные образования кочевников «отличались крайней неустойчивостью, низкой конфликторазрешающей способностью, не обеспечивавшей им безопасность хозяйственной деятельности и, более того, порождавшие постоянные войны, зачастую завершившиеся полным геноцидом». (Подробнее об этом. См.: С.Г. Кляшторный, Т.И. Султанов). Среди причин, приводивших их к гибели, учёные часто называют сохранение у кочевников удельной (улусной) системы [1, с. 202-203]. При этом они неизменно не сходятся в датировке существования «степных империй». Более убедительной, на наш взгляд, в этом плане выглядит концепция, выдвинутая С.Г. Кляшторным и Т.И. Султановым, датировавших время существования в Центральной Азии «степных империй» (каганаты тюрков, уйгуров, кыргызов, кимаков, кыпчаков, булгар и хазар) VI-XI вв. Мы, опираясь на имеющиеся в нашем распоряжении материалы, склонны расширить хронологические рамки этого периода до середины XVIII в., т.е. до времени падения Джунгарского ханства, которое рассматривается нами, как завершающий этап этой эпохи.

Полагаем, что главной характерной особенностью «степных империй» являлась не обусловленность создания их военной силой и распада после упадка политического могущества создателя империи, а направленность «завоевательного импульса» на «подчинение территорий с иным хозяйственно-культурным комплексом» [2, с. 9]. Такой подход

к проблеме позволяет, по нашему мнению, существенно расширить хронологические рамки данного исторического периода, включить в него «степные империи» монголов и ойратов.

Вместе с тем, исторические события, разыгравшиеся в Центральной Азии, свидетельствовали, что в отличие от прежних «степных империй», государство ойратов оказалось весьма устойчивым государственным образованием, которое не распалось со смертью его основателя. Это бесспорное свидетельство того, что западно-монгольской политической системе во многом удалось преодолеть «удельный» кризис, послуживший главной причиной падения «степных империй» средневековья. Джунгарское же ханство знаменовало собою, на наш взгляд, рождение нового типа кочевого государства, на которое повлияли сравнительная завершенность внутриплеменных этнических процессов ойратов, а также изменение социально-экономической ситуации в центрально-азиатском регионе.

Ойраты, будучи частью монгольского суперэтноса, имели те же традиции кочевой государственности, которые были заложены в свое время Чингисханом для всех монголов. Они имели и ту же удельную систему, не позволявшую им длительное время концентрировать политическую власть в одних руках. Немаловажно здесь и другое, — до образования «степной империи» ойраты проводили достаточно активную «внешнюю политику», которая была характерна для второй стадии «кочевничества», при которой военные действия носили исключительно грабительский характер [3, с. 9]. Например, между 1452 и 1455 гг. ойратское войско прошло «через Могулистан, северную окраину Джагатайского ханства, вторглось в Кыпчакскую степь, повернув на юг, долиной Сыр-дарьи прошло до Ташкента и вернулось домой с богатой добычей» [4, с. 680]. В XV-XVI вв. эти нападения носили характер набегов с целью грабежа, племенные государственные объединения ойратов были достаточно рыхлыми. Совершение грабительских набегов было характерно и для других кочевников в период второй стадии «кочевничества».

В то же время для осознания этнической общности ойратских племен в тот период времени отсутствовал целый ряд компонентов: единый литературный язык, мировая религия, общая культура, а господство родовой аристократии доминировало в государственных формах организации, как раз то, что являлось характерными чертами второй стадии «кочевничества» [5, с. 36]. Например, у калмыков, рассматриваемых как западное ответвление ойратов, в XIII-XVI вв. не было четко очерченной территории, не было общего государства, а само

кочевание во многом зависело от потребностей скотоводческого хозяйства.

В связи с событиями, ставшими рубежными в истории ойратов, возникает закономерный вопрос о причинах создания единого многоэтничного государства ойратов. Исторические события свидетельствуют о том, что на рубеже XVI-XVII вв. происходили процессы, сделавшие необратимыми процесс его становления. Следуя типологии С.А. Плетневой, начался переход от второй к третьей стадии «кочевничества», с возникновением характерных для нее признаков [5, с. 77].

Одним из них принято считать принятие кочевниками мировой религии. Ойратские племена, как свидетельствует хронографическая повесть «О победе над басурманским сибирским царем Кучумом Муртазелевым», «принимают вероучение от лам Китайского царства и живут по ложным их заповедям» [6, с. 51]. С этого момента, надо полагать, ойраты и стали осознавать себя как единую этническую общность. Племенные князья начали понимать необходимость объединения для обеспечения устойчивости и расширения феодальной системы эксплуатации. Они видели в этом залог этнической устойчивости, однако, при этом каждый из них стремился стать правителем. Так, в 1615 г. в г. Тобольск прибыло единое посольство трех калмыцких вождей – «Баатыра, Тургена и Урлюка» [7, с. 42]. Первых крупных успехов на пути к единству достиг Хара-Хула, отец Батура-хунтайджи, который «был в то время самым знатным, среди калмыцких князцов» [7, с. 107].

В связи с «единением», заметно изменился и характер военных действий. Они в этот период являли собой не столько грабительские набеги (хотя не обходилось и без этого), сколько были направлены на расширение ареала своей власти, на поиск путей и возможностей для заключению военных союзов. Пример последнего — совместные действия калмыков и кучумовичей «против русских» в начале XVII в. [7, с. 36]. Тогда же, в начале XVII в. усилился творческий процесс появления, на основе старого обще-монгольского алфавита, единой ойратской письменности, которая была создана в 1648 г. Зая-Пандитой Отторгуйином Далаем [9, с. 5]. Благодаря этому, XVII-XVIII вв. стали поистине «золотым» веком «калмыцкой» литературы.

Появление в Джунгарском ханстве мировой религии и национальной письменности дало импульс к развитию культуры, в т.ч. духовной, поэтического творчества, исторической литературы. Появление ламаистских монастырей способствовало значительному увеличению удельного веса образованных людей.

Объединение ойратов привело и к развитию товарооборота, захвату чужих либо строительству собственных городов. Так, русский посол В.Клепиков застал в 1650 г. Батура-хунтайджи «в его обычном кочевье, в Кубаксарах (Сары-Кубаке), где он все еще был занят постройкой города» [8, с. 251]. В свою очередь, все эти факторы потребовали и поиска либо подготовки квалифицированных специалистов в сфере права, литературы, горного дела, промышленного производства, земледелия и т.д.

Нельзя сбрасывать со счетов и психологию ойратского этноса, государственные традиции в кото-

ром были заложены еще во времена Чингисхана [1, с. 202]. Наряду с общими моментами, на «строительство» Джунгарской империи - Батура-хунтайджи, - на формирование его как выдающейся личности, не мог не повлиять авторитет «и воля» его «сильного отца». Все это вместе взятое, несомненно, помогло ему укрепить «степную империю» накануне вторжения маньчжуров в Китай.

Одним из важных компонентов формирования государства ойратов стало и изменение характера экономических процессов, усиление в этой связи взаимодействия города со степью. В чем вообще нуждалось Джунгарское ханство, как государственное объединение кочевников? Ответ на этот вопрос в немалой степени дают русские документы, в частности, делопроизводственной переписки, одним из которых является «Роспись государева жалованья, посланного из Москвы калмыцким тайшам – контайше и Куле-тайше». В ней, среди всего прочего, упоминается масса товаров, говоря современным языком, легкой промышленности [8, с. 251]. Упоминает она и о расширении рациона питания ойратов за счет появления в нем продуктов земледелия. Есть немало документальных подтверждений и об острой потребности ойратов в «произведениях» металлургии, особенно оружия. Эти факторы, и это вне всякого сомнения, были обусловлены ростом численности ойратов и их возрастающей ролью в Центральной Азии.

Наконец, одной из причин, вызвавших как борьбу за власть в ойратских улусах, также откочевку части ойратов на запад и восток, стало проявление пастбищного кризиса, т.е. нехватка пастбищ, в результате роста народонаселения. «Теснимые с разных сторон своими противниками, — писал в свое время Б.П. Гуревич, — и остро нуждались в меновых рынках, ойратские владельцы стремились выйти из этого «кольца окружения». Кроме того, постоянный рост численности скота и не прекращавшееся дробление улусов побуждали западно-монгольских феодалов к поиску новых пастбищ, т.е. к территориальным захватам» [10, с. 24]. Одним из последствий этого был голод 1641 г., во время которого ойраты «прокармливались» рыбой из озера Нор-зайсан [11, с. 77].

Размельчение улусов вело к неизбежному обеднению населения и в то же время к увеличению числа мелких феодалов, что, как ни странно, способствовало значительному цементированию социальной базы Джунгарского ханства.

Одной из особенностей бытия его населения в то время были географические условия, в которых протекало кочевание ойратских племен: оно осуществлялось в тесной взаимосвязи друг с другом, чего, кстати, были лишены, к примеру, казахи, кочевание которых в большей степени зависело от природно-климатических условий и приводило к значительным степным переходам.

Совокупность всех этих предпосылок и способствовала, по нашему мнению, возникновению «степной империи». В результате этого, процесс образования Джунгарского ханства и стал необратимым. В период его «рождения» не все ойраты подчинились Батуру. Еще были достаточно сильны в то время традиции удельной системы, не до конца были преодолены и тенденции второго этапа «кочев-

ничества», что привело в конечном итоге, к откочевке в 20 гг. XVII в. части ойратских племен во главе с Хо-Урлюком на Волгу и во главе с Гушиханом (в 1636 г.) — в Кукунор, где были образованы новые ойратские ханства» [12, с. 566].

При этом главным показателем устойчивости Джунгарского ханства в период его существования стало преодоление кризисов распада, которые имели место в истории государства и были вызваны, как уже упоминалось выше, еще сохранившимися традициями удельной системы. Причиной распада средневековых «степных империй» был, как правило, удельный кризис после смерти основателя государства. Этой печальной участи не смогла избежать даже достаточно сильная империя Чингисхана.

Поразили они и Джунгарское ханство. Первый политический кризис в нем начался зимой 1653 г. и был связан со смертью Батура-хунтайджи. Этот период, растянувшийся на целых 17 лет, стал своего рода экзаменом на прочность созданного им государства. Русские источники, по свидетельству И.Я. Златкина, неоднократно упоминают «о расколе семьи Батура-хунтайджи на враждующие группировки» [13, с. 136]. Перед смертью он, как известно, «разделил своих подвластных на две равные части и отдал одну половину старшему сыну (Сенге), а другую, — остальным восьми сыновьям» [14, с. 37].

Став ханом, Сенге, шестой сын Батура-хунтайджи, [15, с. 3] сумел, несмотря на «оппозицию» сконцентрировать к 1665 г власть в своих руках. Однако внутренние противоречия в семье ликвидировать не удалось. И как результат этого возник заговор, жертвой которого и стал Сенге 1670 г. «Сказание о дербен-ойратах» сообщает, что он «был убит своими старшими братьями Цецен-Тайчжием и Чжотба-Батуром» [16, с.]. Это подтверждает и русский источник (Сенге убил «брата ево Батур, з братьями») [17, с. 230]. Тобольский воевода И.Б. Репнин также известил Сибирский приказ, что «Сенгу в улусе убил брат ево родной Баатыр-тайша, а Сенгинь... люди ево, Батыря... с сыном убили ж, а большой де ево Сенгин брат Чечен-тайша из улуса убежал к мугальскому Сайн-контайше...» [17, с. 228].

Весьма примечательно, что убив Сенге, его соперники не стремились к отделению от Джунгарского ханства, а намеревались лишь захватить верховную власть (столъ высок уже был в то время уровень осознания единой ойратской этнополитической общности), что позволяет характеризовать происшедший переворот как «дворцовый». Однако осуществить свой замысел убийцам не удалось: этому воспрепятствовал младший сын Батура-хунтайджи — хутухта Галдан. Сняв с себя, с согласия Тибетской церкви, ламский титул, он взял в 1671 г. власть в свои руки и жестоко покарал убийц своего старшего брата: «Матыря-тайшу ...другово брата своего Чечен-тайшу и Чокуровых тайшиных детей побил всех» [17, с. 232]. Быстроукреплению его положения на ханском троне в немалой степени способствовал его авторитет, завоеванный им к тому времени среди тибетского духовенства. Это же обстоятельство позволило ему и получить, как главе государства, высокий титул: «Галдан-Бошхету-хан» [18, с. 79].

Первый политический кризис в Джунгарском ханстве, как видим, был успешно преодолен. При

этом необходимо отметить, что внешнеполитические ориентиры Джунгарского ханства не изменились как в междуусобный период, так и в период правления младшего сына Батура-хунтайджи. Новые испытания для ханства начались, когда Джунгария столкнулась с набравшей силу Цинской империей, военное противостояние с которой будет продолжаться у ойратов не одно десятилетие. В результате этого, Джунгарскому ханству доведется пережить еще один кризис. Очередной из них стал следствием появления в нем крупного политического деятеля — Цэвана-Рабдана (сына — Сенге), стремившегося, опять-таки, не к отделению от Джунгарии, а к захвату верховной власти в ней. В начале 1689 г. он самостийно провозгласил себя ханом, [19, с. 9-10] с чем, естественно, не согласился Галдан. В начавшейся войне между ним и его племянником успех сопутствовал последнему, который опирался в своем противостоянии дяде на поддержку Цинской империи. Решающее сражение между Цэваном-Рабданом и Галданом произошло в июне 1696 г. при Тэрэлжи, в ходе которого последний потерпел сокрушительное поражение [10, с. 54]. Не имея сил противостоять племяннику и китайцам, Галдан-Бошоктухан покончил в марте 1697 г. жизнь самоубийством, что облегчило Цэвану Рабдану путь на престол.

Таким образом, второй политический кризис, хотя и был непродолжительным, но, тем не менее, он уже четко показал, что Джунгарское ханство во многом преодолело традиции той удельной системы, которая ранее приводила к расколу степных государств на отдельные части. Не привел к дроблению государства и третий политический кризис, начавшийся было после смерти Цэвана-Рабдана. С ним быстро справился вступивший в 1727 г на ханский трон его сын — Галдан-Церен, занимавший его до 1745 г. и осуществлявший в свое правление весьма активную внешнюю политику. Но с его смертью начался четвертый политический кризис, который Джунгарское ханство преодолеть не смогло.

Рассматривая причины гибели Джунгарского ханства, нельзя не отметить, что государству ойратов все же не удалось до конца преодолеть центробежные тенденции удельной системы в кочевом обществе, о чем свидетельствуют события четырех политических кризисов, особенно события последнего десятилетия его существования. И, тем не менее, основные причины краха данного государства лежали, мы в этом глубоко убеждены, не внутри его, а вне пределов Джунгарского ханства. И связаны они были с изменением geopolитической ситуации на азиатском континенте, с появлением здесь крупных феодальных империй иного хозяйствственно-экономического плана — Российской и Цинской, с их настойчивым стремлением к территориальному расширению своих пределов. Оказавшись между молотом и наковальней, «степная империя» ойратов, не имея достаточных военных ресурсов и экономических возможностей для глобального противостояния, была обречена.

В 1745 г., как уже упоминалось выше, умер последний, несомненно крупный и талантливый правитель джунгарского народа Галдан-Церен. Трон после смерти отца наследовал, согласно его завещанию, 13-летний Цеван-Доржи-Аджа-Намжил. В 1746 г. он был провозглашен правителем Джунга-

рии под именем Аджа-хана. Но ханствовал он недолго. В 1749 г. юный самодур был свергнут с престола [18, с. 105]. Его занял старший сын Галдана-Церена — Лама-Доржи. Но его приход к власти еще более накалил обстановку в стране, что привело к его убийству в 1750 г. [18, с. 105]. В начавшейся смуте успех сопутствовал внуку «большого Черен-Дондуга и Намджилову сыну — Даваци», который захватил 1752 г. Ургу [19, с. 398] и провозгласил себя ханом [18, с. 107-108]. Это породило новые противоречия между двумя группировками феодалов в борьбе за власть в ханстве. По существу после смерти Галдан-Церена в стране начался четвертый политический кризис, аналогичный по драматизму событий первому.

Кризисной ситуацией, возникшей в Джунгарии не преминула воспользоваться Цинская империя. Поводом к вмешательству в джунгарские дела послужила просьба «хорошоутовой фамилии нойона Амурсанана», находившегося во главе оппозиции против правителя Даваци и обратившегося к китайцам с просьбой об оказании ему помощи в борьбе с «узурпатором». Цинцы тут же окликнулись на «просьбу» и весной 1755 г. их войска и небольшая часть ойратов выступили против Джунгарии. «Даваци, — по свидетельству А. Ходжаева, — хотя и организовал сопротивление в ряде районов Илийской долины, но успеха достичь не смог. Потерпев поражение в решающем сражении в Текесе, он вынужден был уйти к киргизам, затем в Аксу и Учтурфан, где он был задержан местным правителем и выдан цинскому командующему» [20, с. 41].

Библиографический список

1. Тоган З.В. Введение во всеобщую историю тюрков // Байкара, Тундже. Заки Валиди Тоган. — Уфа, 1998.
2. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. — СПб., 2000.
3. Плетнева С.А. Кочевники Средневековья. — М.: Наука, 1982.
4. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. — М., 1989.
5. Хронографическая повесть «О победе над басурманским сибирским царем Кучумом Муртазелеевым» // Летописи сибирские. — Новосибирск, 1991.
6. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 3. — М.: Восточная литература, 2005.
7. Бадмаев А.В. Зая-Пандита (справки калмыцкой рукописи «Биография Зая-Пандиты»). — Элиста, 1968.
8. Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII—первой половине XIX в. — М.: Наука, 1979.
9. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032-1882 гг. — Сургут, 1993.
10. История Востока. Т. 3. Восток на рубеже средневековья и нового времени. XVI-XVIII вв. — М.: Восточная литература, 2000.
11. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. 1658—1758. — М.: Наука, 1983.
12. Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. — Элиста, 1969.
13. Позднеев А.М. К истории зонгарских калмыков. Письмо к Н.И. Веселовскому А.М. Позднеева. — СПб., 1887.
14. Сказание о дербен ойратах, составленное нойоном Батур-Убаши Тюменем // Бадмаев А. Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. — Элиста, 1969.
15. Русско-монгольские отношения. 1654-1685. Сборник документов. — М.: Вост. литература, 1996.
16. History of Mongolia by Baabar. The Mongolia and Inner Asia Studies Unit, University of Cambridge, 1999.
17. Моисеев В.А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке (Очерк внешнеполитических отношений). — Барнаул, 1998.
18. Бичурин И. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. С.-Петербург, 1854.
19. Кушнерик Р.А. Последнее посольство из Джунгарии в Россию в 1757 г. // Россия, Сибирь и Центральная Азия: Взаимодействие народов и культур. Материалы пятой Международной научно-практической конференции. Вып. 5. — Барнаул, 2005.
20. Ходжаев Аблат. Цинская империя и Восточный Туркестан в XVIII в. (из истории международных отношений в Центральной Азии). — Ташкент: Наука, 1991.
21. Дацышен В.Г. Новая история Китая. — Красноярск, 2003.

Красноярский государственный педагогический университет
Получено 17.04.08.

T.SH. Umetbaev

THE LAST STEPPIAN EMPIRE: FORMATION, CRISIS AND DISINTEGRATION

In the article, the paper written on the basis of analized publication the process of formation, of development and destruction the last steppe empire – the Djungaria

warlike nomads, tribal conjunctions, turkis staties, «steppe empire», kazakhs, chineses, inside and outward wars, rout of Djungaria

Прибирая к своим рукам Джунгарию, китайцы были намерены разделить ее на несколько удельных княжеств (соответственно числу ойратских племен). Однако эта идея богдыхана не обрадовала Амурсану, видевшего себя во главе Джунгарии. Столкнувшись с твердым намерением Пекина осуществить свой план, он тут же выступил против Цинов. Антиманьчжурское выступление Амурсаны поддержали повстанцы Кульджи, Халхи, Баркуля, Турфана, Урумчинской области, выступившие против маньчжуротов [20, с. 59-61]. Воспользовавшись несогласованностью действий ойратских феодалов и их неожиданными союзниками, цинские войска нанесли им ряд серьезных поражений, что привело к ликвидации антицинского движения, а в конечном итоге, к разгрому и устраниению в 1758 г. с политической арене Джунгарского государства [21, с. 39].

Так закончилась история последней «степной империи» — кочевого ойратского государства нового типа, основными задачами которого явилось не безраздельное наращивание своей территории, а обеспечение стабильной экономической жизни за счет функционирования на территории государства различных по специализации хозяйственно-экономических зон. История Джунгарского ханства также показала, с одной стороны, что все политические кризисы, ведущие страну к распаду, были ею успешно преодолены. Был бы преодолен и четвертый кризис, если бы в ситуацию не вмешалось цинское вторжение. А с другой стороны, драматизм этих политических кризисов свидетельствовал и о том, что традиции удельной системы все же так и не были преодолены до конца.

РЕЦЕНЗИИ

Аблажей Н.Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. — 300 с.

«Революционная перестройка», захватившая в середине 80-х гг.ХХ столетия СССР (завершилась в начале 90-х его распадом и «парадом суверенитетов»), пробудила, по свидетельству исследователей, необычайный интерес людей к своему историческому прошлому. В эпицентре возникшей тяги к его правдивому познанию оказались и многие вопросы, которые еще совсем недавно составляли «государственную тайну», а информация, касавшаяся их, была засекречена. В числе таковых значилась и история эмиграции и реэмиграции в СССР. В силу вышеозначенной «секретности», ее изучение было практически невозможно. И это обстоятельство, с чем нельзя не согласиться, справедливо подчеркнуто автор рецензируемой монографии. И лишь снятие «табу» с информации, касавшейся всех уровней «существовавшей тогда государственной и политической власти» позволило исследователям вплотную заняться разработкой «запретных тем», что, естественно, не могло не дать свои результаты. Порукой тому — рецензируемая нами капитальная монография — «С востока на восток: Российская эмиграция в Китае (Новосибирск, Изд-во СО РАН, 2007. — 300 с.)», — автором которой является кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН Н.Н.Аблажей, не один уже год занимающейся изучением истории российской диаспоры в Китае, которая сформировалась в свое время из выходцев из царской России и СССР. Хронологические рамки рецензируемой монографии охватывают весьма большой период. Его начало уходит своими корнями в массовую эмиграцию сначала из Российской самодержавной империи, порожденной событиями первой мировой войны, а затем — из постреволюционной России, вызванной гражданским противостоянием 1917-1920 гг., и до депатриации, имевшей место в СССР во второй половине 50-начале 60-х гг. прошлого столетия.

Общеизвестно, чтобы дать научно обоснованные ответы на поставленные перед собой вопросы, каждый автор всегда уделяет первостепенное внимание источниковой базе своего исследования. Если говорить в этом плане о работе Натальи Николаевны, то она у нее весьма основательна. Достаточно сказать, что автором использованы в своей книге документы 61 фонда центральных (федеральных) и 23 региональных архивов, 33 периодических издания (18 газет и 15 журналов, в том числе (что очень импонирует рецензенту — один — на китайском языке), а также значительное количество разнообразных документальных собраний (в числе которых шесть — на китайском языке) и мемуарные источники. Говоря о последних, нельзя не отметить (не только как положительный момент, а как бесспорное достоинство) «фокусированные интервью», проведенные автором рецензируемой книги, с депатриантами разных лет, которые не только существенно дополнили, но и разнообразили вышеозначенную группу источников, придав рецензируемой книге своеобразный и, без преувеличения, неповторимый — колорит.

Широкий междисциплинарный спектр и разнообразие источников позволили автору монографии рассмотреть в ней и достаточно широкий круг проблем: исследовать феномен российской диаспоры в Китае, структуру эмигрантского сообщества, коллективный менталитет диаспоры и процессы этнокультурной адаптации; проследить (через историю диаспоры) судьбы многих эмигрантов из царской России и СССР и их потомков и др. И сделано все это было (что, опять-таки, бесспорное достоинство рецензируемой монографии), при отсутствии апробированного предшественниками (которые бы изучали «миграционные процессы», «межгосударственные миграции») методологии и методики изучения эмиграции и реэмиграции, «понятийно — категорийного аппарата» и т.д., что, естественно, понудило исследователя разработать свои «рабочие гипотезы», чтобы комплексно решить поставленные перед собой задачи.

Не продолжая далее перечень достоинств рецензируемой работы (она, как видим, налицо), сделаем, положенное в таких случаях, заключение. Оно же будет однозначным: монография Н.Н.Аблажей (с учетом ее тематики, актуальности, обоснованности и аргументированности положений и выводов, имеющихся в ней, вводимых автором в научный оборот источников, исследовательских методологий и методики, тщательности изучения и описания исторических фактов, новизны, научной и практической значимости сформулированных автором выводов, качества оформления и т.д.) является серьезным вкладом в разработку сложнейших проблем в истории любого государства (и наше — не исключение), каковыми были (и по сей день таковыми остаются) эмиграция и реэмиграция. Иначе говоря, Наталье Николаевне уда-

лось успешно реализовать поставленные перед собой исследовательские задачи и создать весьма ценную для историков работу. В силу этого, она, вне сомнения, войдет в перечень лучших современных исследований по вышеозначенной тематике и может стать одним из ориентиров при ее дальнейшем изучении.

Вместе с тем, в рецензируемой монографии есть моменты, которые вызвали у нас некоторые сомнения. Одно из них — это отсутствие в работе «традиционного» для каждого исследования историографического обзора. Имеющееся в книге «Предисловие» не решает, на наш взгляд, той задачи, которая возложена на историографический обзор. Есть основания надеяться, что рецензируемая монография — это прообраз будущей докторской диссертации, где указанное нами замечание будет реализовано в полном объеме.

Безусловным украшением книги, вне сомнения, стали фотографии, которые, как явствует из «Оглавления», являются собой её структурный элемент. Однако по своей информативной значимости, они, и это, вне всякого сомнения, вышли далеко за рамки чисто иллюстративного материала, поскольку большая их часть сопровождена достаточно развернутым комментарием. В силу этого, их, видимо, следовало бы выделить в самостоятельную рубрику «Приложения» и «узаконить» тем самым присутствие фотографий в структуре монографии, как ее звонкого элемента.

И, наконец, о рассуждениях автора относительно не состоявшейся постановки «более широких целей» исследования, чем это сделано в монографии («подробнее остановиться на сюжетах, связанных с пограничной эмиграцией, дать характеристику основных этнических групп, составивших российскую диаспору, осуществить оценку социально-экономических последствий межгосударственных миграций» с. 7) и т.д. Это «посыпание своей головы пеплом», на наш взгляд, необязательно, ибо автор сам указывает, что эти проблемы решить сегодня невозможно, поскольку целый ряд архивных фондов и по сей день «закрыты» для исследователей, а часть ранее «открытых» вновь закрылась под видом «переучета», «перерегистрации» и т.д.

Однако высказанные рецензентом замечания-пожелания, ни в коей мере не меняют общего, весьма высокой оценки рецензируемой монографии Н.Н. Аблажей. Появление этого капитального научного труда, смеем надеяться, подвигнет Наталью Николаевну — талантливого и перспективного исследователя — на решение более сложных проблем эмиграции и реэмиграции, на дальнейшее углубленное исследование увлекшей ее темы..

В.Г. Дацышен, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета

РЕЦЕНЗИИ

Христианство — одно из трех мировых религий (наряду с буддизмом и исламом) — с давних пор привлекает к себе внимание как отечественных, и зарубежных исследователей. Особенно усилился интерес (не только профессиональных историков, но и широкой общественности) к нему после распада СССР и суворенизации России, когда религия в стране стала составной частью бытия ее граждан. Благодаря этому, отечественная историография пополнилась значительным количеством работ по данной тематике, в частности, по истории христианства.

Его возникновение и распространение, по единодушному утверждению исследователей, происходило в условиях углубляющегося кризиса античной цивилизации, основанной на рабовладении, и упадка ее ценностей: гражданская этики, дополнявшейся презрением к чужакам и игнорировавшей духовные запросы индивида; философского рационализма, сдававшего позиции под нацистским астрологией, неопифигорейством и тому подобный проявлений оккультизма; античного, наконец, мировоззрения в целом, которое, по определению Ф. Энгельса, было «...по существу абстрактно, всеобщно и субстанционно»¹ и не отвечало новому уровню человеческого самосознания.

Возникло же оно, как явствует из источников, в Палестине в I веке, в контексте мистическо-мессианских движений и иудаизма, с которым оно, тем не менее, вступило в острый конфликт. Первоначально христианство распространилось в среде еврейства Палестины и средиземноморской диаспоры и уже в первые десятилетия обрело немалое число последователей из среды других народов.

Чем же прельщало христианство людей? А «завоевывало оно их души своим отказом от «политической активности», избрав взамен ей, по выражению Ф. Энгельса, путь «...внутреннего спасения от испорченного мира»,² т.е. «грубой чувственности паразитических верхов и деморализованных низов» оно противопоставило «принцип аскетиз-

В.Г. Дацышен. Христианство в Китае: история и современность. — М.: Научно-образовательный центр, 2007. — 240 с.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.1. — С.604.

² Там же. — Т.19. — С.314.

ма», а высокомерию господ и сановников, культу славы — призыв «быть из всех последним и всем слугою» (Евангелие от Марка, 9, 35) и обещание «будут первые последними и последние — первыми». Именно это «отрицание» всех национальных религий и общей им всем обрядности, а также «обращение ко всем народам без различия» и позволило, по меткому замечанию Ф. Энгельса, стать христианству «первой возможной мировой религией».³

Не обошла она своим «вниманием», как свидетельствует история, и народы Центральной Азии, в том числе и Китай, где численность христиан, согласно официальным данным, составляет сегодня 30 млн. человек,⁴ значительно превышая число верующих даосов, буддистов и мусульман. Но даже не будучи «органичной частью китайского религиозного синкретизма», христианство оказалось, тем не менее, огромное влияние на развитие китайской духовной культуры во всех ее проявлениях. Как это все происходило (и продолжает происходить сегодня) убедительно показано в рецензируемой работе, автором которой является известный российский востоковед, доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета В.Г. Дацышен. Опираясь на фундаментальную источниковую базу (документальные собрания, разнообразные публикации на русском, китайском и западноевропейских языках), а также профессиональное знание историографии позволили Владимиру Григорьевичу воссоздать исторические процессы, имевшие место в интересующий его хронологический период в Китае, во всем многообразии фактов, событий и реально действовавших персонажей. При этом следует особо отметить, что в воссозданной им исторической панораме, религиозное прошлое Китая никоим образом не подразделяется на «хорошее» и «плохое». Глубоко проникнув в историю китайского народа, ученый весьма тактично и убедительно расставил акценты в такой непростой и легкоранимой сфере человеческих отношений, каковыми являются конфессиональные воззрения людей. Именно эта осторожность и такт и позволили ему всесторонне и объективно осветить исторические процессы, имевшие место в жизнедеятельности Китая и его граждан в VII — начале XXI вв. В воссозданных исследователем конструкциях «свет» и «тени» исторического процесса распределяются без какого-либо подчинения и услужливости политическим идеям и запросам. И это, что особенно значимо, сделано в отношении самого крупного в мире этнокультурного государственного образования и самой большой религиозной системы. С другой стороны, освещая историю зарождения христианства в Китае и последующего его развития здесь, автор вполне убедительно обосновал тезис о том, что появление и успешное распространение христианства в стране, являющейся хранительницей древнейшей и самодостаточной культуры, не было случайным явлением, а стало не только вполне «прогнозируемым», а более того, — закономерным результатом «возобладания», как говорит автор монографии, в Китае (еще в эпоху китайской классической философии, на заре китайской античности) идеи о том, что истина «на рождается в споре», на задана догматически, а «присутствует отчасти» в каждом суждении о том, что «внутренний смысл» любого учения находит внешнее свое выражение в другом учении.⁵ Еще больше «усилили» эту идею — «истинный смысл «трех учений» следует искать вне их» — последующая эволюция китайских религиозно-философских систем, а также распространение буддизма в Китае.

Придерживаясь избранной им методологии и концепции проникновения христианской религии и культуры в китайское общество, автор, изучив эти «неоднозначные процессы», пришел к вполне закономерным выводам о том, что: 1. Христианство появилось в Китае в раннем средневековье, благодаря «просветительской деятельности» несторианских общин; 2. Их члены внесли заметный вклад в развитие китайского государства и китайской культуры, став также и посредниками во взаимоотношениях Китая с Западом, результатом которых стало учреждение в XVIII веке в Пекине Русской духовной миссии, ориентированной, прежде всего, на «выполнение политических и научно-образовательных функций»; 3. Христианство (католицизм, протестантизм и православие), адаптированное, главным образом, на китайскую культуру, нашло своих приверженцев среди различных слоев китайского общества.

Убедительно показано автором и изменение характера миссионерской деятельности на рубеже XIX-XX вв.: на данном этапе наиболее активно проявили себя протестанты, с деятельностью которых напрямую связаны крупнейшие народные движения и восстания в стране, наиболее масштабных из которых (по числу участников и радикальности общественно-политических преобразований) стало антиправительственное выступление «тай-пинов», организованное, как убедительно показал В.Г. Дацышен, «братьем Иисуса Христа» и проходившее под лозунгом создания «Царства Божия» (с. 227).

³ Там же. — С.8.

⁴ Дацышен В.Г. Христианство в Китае: история и современность: — М.: Научно-образовательный центр, 2007. — С. 8.

Не вызывает возражений и воссозданный автором процесс «нового китайского национализма», обострившего, с чем, опять-таки, нельзя не согласиться, противоречия между характером христианской проповеди и «местным культурным контекстом», идеологическим обоснованием которого, по мнению ученого, стало движение за освобождение «чистого» христианства от поздних наслоений, появившихся якобы в процессе развития церквей в Европе, который способствовал, особенно после 1917 г., укреплению позиций католической церкви в Китае.

Новая страница в его церковно-конфессиональной истории началась с образованием и дальнейшим развитием КНР. В новой ситуации «былые церкви и церковные деятели», не найдя «общего языка» с новой властью, подверглись естественным репрессиям, а потому и вынуждены были уйти в подполье. Тогда же — в середине 50-х гг. XX в. — была ликвидирована в Пекине и Русская духовная миссия, а вместо приходов Русской Православной церкви начала функционировать в стране Китайская автономная православная церковь, прекратившая свою деятельность, как и христианство в целом, в годы «культурной революции». И только ее «закат» и «внутренние потребности развития китайской цивилизации» обусловили в дальнейшем «интерес человека к Небу, новое восприятие христианской культурно-мировоззренческой системы».

Не продолжая далее разговор о достоинствах капитального научного труда, созданного В.Г. Дацьшеном, сделаем лишь заключительный вывод о том, что в нем убедительно обосновано положение о том, что христианство, зародившееся в раннем средневековье в Китае, превратилось со временем в важный фактор социально-экономического, политического и культурного развития страны, и что это его назначение присуще и нынешней интеллектуальной и духовной жизни китайского общества, стабильность положения христианских конфессий в котором всецело определяется экономической и политической стабильностью в стране, а также межцивилизационным диалогом, сотрудничеством и взаимоотношениями между Китаем и Западом в новом веке.

И в заключение — несколько непринципиальных замечаний, устраниenie которых только бы повысило, на наш взгляд, качество рецензируемой работы. К примеру, указывая китайские названия католицизма («тяньчжуцзяо») и протестантизма («цзидуцзяо») (с. 6) уместнее было бы тут же, в тексте дать приводимый в сноске 1 комментарий относительно терминов «цзидуцзяо» и «цзиду синьцзяо». То же самое касается и сноски 586 (с. 161) о «земле, пожертвованной И.С. Беляевой». Желательно было бы привести на с. 6 аббревиатуру «КНР», как это сделано, к примеру, на с. 15 относительно «Отдела высших церковных отношений Московского Патриархата (ОВЦСМП)», а на с. 162 — наоборот — есть аббревиатура — «РПЦЗ», — но нет положенного в таких случаях пояснения — «Русская Православная церковь за рубежом».

В известной степени, это замечание относится и к сноскам 106 и 107, ибо текст, которому они относятся, находится на с. 28, а сами сноски — на с. 29. Завершая разговор о сносках, заметим, что их, начиная с №111 и кончая №118, уместнее было свести в одну на с. 30, после слов «...Академий наук¹¹¹». То же самое можно было сделать и относительно сноска №120-123, тем более, что последующие персоналии не удостоились «персональной нумерации».

И, наконец, о технических «погрешностях», которые должны устраниться автором, а на заключительном этапе — «техническим редактором» и «техническим корректором», информации о которых почему-то — равно как и о положенном «редакторе» и «художественном редакторе» — в работе нет. В числе «техогрешков» (по одному лишь примеру) — опечатки — с. 9 (второй абзац, предпоследнее снизу предложение — вместо «...держат эту сферу...» присутствует «это»), не устраниены знаки переноса (с. 229 — последнее предложение второго абзаца сверху — «...к существующему...»). К числу такого рода «огрешков» следует отнести и наличие двух одинаковых текстов в сносках №208 и №210 (с. 49). Будь они на разных страницах — это не бросилось в глаза, но здесь, — увы.

Однако высказанные замечания, ни в коей мере не меняют общей, весьма высокой оценки рецензируемого исследования. Смеем надеяться, что они побудят ученика выдающегося советского китаеведа В.П. Илюшечкина — В.Г. Дацьшена — безусловного талантливого и перспективного исследователя к дальнейшему углубленному изучению и «осмысливанию опыта культурной адаптации христианского вероучения в Китае, по-прежнему составляющей одну из старейших проблем мировой синологии».⁶

*Н.С. Модоров, доктор исторических наук
(Горно-Алтайский государственный
университет)*

⁵ Там же. — С. 6.

⁶ Мясников В.С. Заметки о христианстве в Китае // Православие на Дальнем Востоке. Вып. 4. — СПб., 2004. — С.9.

ПОЗДРАВЛЕНИЯ

27 июня 2008 года исполнилось 60 лет со дня рождения доктора исторических наук, профессора, «Заслуженного работника высшей школы Российской Федерации, действительного члена Академии гуманитарных наук Н.Ф. ИВАНЦОВОЙ.

Надежда Федоровна родилась в большой крестьянской семье в г. Горно-Алтайске, Горно-Алтайской автономной области, Алтайского края. В этом маленьком, провинциальном городке прошло ее детство, здесь же она пошла учиться в городскую школу №13, которую успешно закончила в 1966 году.

После окончания десятилетки, она поступила на историко-филологический факультет Горно-Алтайского педагогического института. Учебу в вузе, девушка успешно сочетала с активной общественной деятельностью в институтской комсомольской и профсоюзной организациях. Ее энергичность, организаторские способности и ответственность за выполнение порученного дела постоянно отмечались и высоко оценивались руководством факультета, вуза и их партийными организациями. Поэтому после окончания вуза, вопрос об ее рекомендации на преподавательскую работу даже не обсуждался Государственной комиссией по распределению выпускников: отличница учебы и активный общественник Н.Ф. Лыжина (такую фамилию она тогда носила) была единодушна оставлена в «резерве вуза», для последующего ее использования в качестве преподавателя кафедры истории. Здесь под руководством ее бывших наставников, а теперь коллег по работе она окончательно определила круг вопросов, привлекших ее внимание и исследовательский интерес еще в студенческие годы, разработке которых Надежда Федоровна посвятила свои курсовые работы, доклады, представлявшиеся ей на вузовские и региональные научные конференции. Теперь же ее научные интересы определились предметно и окончательно: особенности социально-экономических и политических процессов, имевших место в западносибирской деревне в начале XX века. Они-то и легли в основу кандидатской диссертации аспирантки Н.Ф. Иванцовой, которую соискательница успешно защитила в МГПИ им. В.И. Ленина под руководством опытного наставника Э.М. Щагина.

После защиты диссертации молодой ученый возвращается в свою «alma mater» — Горно-Алтайский пединститут — и продолжает преподавательскую работу. Одновременно с этим, она продолжает разрабатывать захватившую её тему, но уже в расширенном варианте: к ранее изучавшемуся комплексу вопросов теперь логически «примкнуло» отношение западносибирского крестьянства к преобразованиям в общественной жизни, также к поземельным порядкам, введенным в Западной Сибири Временным и Советским правительствами. Эти сложные, в то время слабо разработанные в отечественной историографии проблемы и составили в дальнейшем тему докторской диссертации Надежды Федоровны, выполненную ею в докторантуре МГПУ им. В.И. Ленина и успешно защищенную соискателем в 1992 году. В тот же год в издательстве «Прометей» выходит ее капитальная монография «Западно-сибирское крестьянство в 1917-первой половине 1918 гг.», получившая высокую оценку у специалистов-историков.

Возвратившись из Москвы, она активно занимается на кафедре не только педагогической и научной деятельностью (в ГАГПИ была открыта аспирантура по истории России), но и написанием учебников и методических пособий по отечественной истории. Проводимые ею занятия, как явствовало из ее аттестационного листа, неизменно отличались новизной материала, высоким информационным, обучающим и воспитывающим содержанием.

Однако в силу жизненных обстоятельств, Надежда Федоровна вынуждена была оставить работу в Горно-Алтайском государственном университете (с 1993 г.) и переехать в Бийск, где она продолжила научно-педагогическую деятельность в Бийском педагогическом государственном университете им. В.М. Шукшина. В стенах этого вуза ее работа обрела не только новые направления, но здесь особенно расширился диапазон ее научных интересов. В период работы в местном педагогическом университете из-под ее пера выходит ряд монографических исследований, посвященных не только истории страны, но и ее отдельных регионов, в том числе и Горного Алтая. (под ее руководством и при непосредственном участии был написан и издан первый том «Истории Горного Алтая», а также учебники и учебные пособия, в частности, «История России»: 1900-1922 г. (Бийск, 2004. — 420 с.).

Сегодня Надежда Федоровна плодотворно работает на кафедре отечественной истории Московского государственного педагогического университета. Она ныне — признанный специалист в области отечественной истории, в исследовании проблем аграрной истории российского крестьянства. является автором почти 150 научных работ, среди которых 10 монографий. За почти четыре десятилетия работы в вузах ею подготовлено большое количество высококвалифицированных специалистов для народного образования, которые работают сегодня во многих регионах страны, что дает основания говорить о ее вкладе в развитие народного образования России в целом.

Немало сделано профессором Н.Ф. Иванцовой и в деле воспитания научных кадров: под ее руководством стали кандидатами наук почти два десятка аспирантов и соискателей. Сегодня, и это приятно отметить, Надежда Федоровна полна энергии и творческих замыслов. И поздравляя ее с юбилеем ее коллеги и друзья от все души желают ей здоровья, счастья и творческих успехов во всех сферах ее деятельности!

Коллеги

ИНФОРМАЦИЯ

Российский гуманитарный научный фонд
Министерство образования, культуры и науки
Монголии

Горно-Алтайский государственный университет
Ховдский государственный университет

Горно-Алтайский государственный университет, совместно с Ховдским государственным университетом (Монголия) планируют издание сборника научных статей по теме «*Актуальные проблемы этнической, культурной и религиозной толерантности коренных народов Русского и Монгольского Алтая*».

Проблематика сборника:

- Влияние природно-климатических, географических условий на развитие хозяйствственно-экономической, духовной и культурной жизни населения;
- Роль археологических памятников в реконструкции материальной и духовной культуры;
- Демографические процессы и народонаселение: история, проблемы и перспективы;
- Этнические процессы: исторический опыт и современное состояние;
- Религиозные воззрения населения Русского и Монгольского Алтая, их особенности;
- Традиционные конфессии и тоталитарные sectы: борьба за сферы влияния;
- Православие, ислам, буддизм и современная культура;
- Религиозное сознание и культура повседневности.

Авторы, желающие опубликовать свои статьи, могут рассмотреть и другие вопросы, но в рамках общей тематики сборника.

Материалы статей (электронный и бумажный варианты) принимаются до 15 октября 2008 года. Объем статей 5-7 страниц. Материал представляется в текстовом редакторе WORD 97/2000?XP, шрифт Times New Roman, кегль 12 с одинарным интервалом, сноски в конце текста.

Название статьи печатается прописными буквами по центру. Фамилия и инициалы автора справа над названием.

В заявке просим сообщить фамилию, имя, отчество, место работы, должность, ученую степень, ученое звание, почтовый адрес для отправки сборника, адрес электронной почты для оперативного обмена информацией.

Материалы высылать по адресу: 649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленина, 1, ГАГУ, научный отдел.

Тел.: 8 (38822) 66320

е-mail: sci@gasu.ru или babin@gasu.ru

(Можно высылать материалы непосредственно по электронной почте.)

Российский гуманитарный научный фонд
Министерство образования, культуры и науки
Монголии

Горно-Алтайский государственный университет
Ховдский государственный университет

Горно-Алтайский государственный университет, совместно с Ховдским государственным университетом (Монголия) планируют издание сборника научных статей по теме «*Народы Саяно-Алтая и Северо-Западной Монголии в борьбе с цинской агрессией. 1644-1758 гг.*».

Проблематика сборника:

- Влияние природно-климатических, географических условий на развитие хозяйственно-экономической, духовной и культурной жизни населения Саяно-Алтая и Северо-Западной Монголии;
- Демографические процессы и народонаселение: история, проблемы и перспективы;
- Этнические процессы;
- Традиционные конфессии, религиозное противостояние аборигенов и пришельцев; воззрения населения Русского и Монгольского Алтая, их особенности;
- Государственные объединения на территории Монголии, их противостояние с соседями, борьба за сферы влияния;
- Джунгаро-китайская война 1753-1758 гг. и население Саяно-Алтая и Северо-Западной Монголии.

Авторы, желающие опубликовать свои статьи, могут рассмотреть и другие вопросы, но в рамках общей тематики сборника.

Материалы статей (электронный и бумажный варианты) принимаются до 15 октября 2008 года. Объем статей 5-7 страниц. Материал представляется в текстовом редакторе WORD 97/2000?XP, шрифт Times New Roman, кегль 12 с одинарным интервалом, сноски в конце текста.

Название статьи печатается прописными буквами по центру. Фамилия и инициалы автора справа над названием.

В заявке просим сообщить фамилию, имя, отчество, место работы, должность, ученую степень, ученое звание, почтовый адрес для отправки сборника, адрес электронной почты для оперативного обмена информацией.

Материалы высылать по адресу: 649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленина, 1, ГАГУ, научный отдел.

Тел.: 8 (38822) 66320

е-mail: sci@gasu.ru или babin@gasu.ru

(Можно высылать материалы непосредственно по электронной почте.)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ в журнале «МИР ЕВРАЗИИ»

Авторы представляют статьи на русском языке объемом от 0,5 до 1 авторского листа (20 — 40 тыс. знаков). Объем сообщений, рецензий, заметок не должен превышать 0,2 авторского листа (8 тыс. знаков).

Рукопись должна быть отредактирована, сопровождена рецензией доктора (кандидата) исторических наук. Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной экспертной оценки.

Статью необходимо печатать в редакторе MS WORD 6-7, формате А4, шрифтом 12 пт. (Times New Roman), межстрочный интервал — 1,5; отступ от сторон листа 2,5 см. Статья оформляется следующим образом:

- Ф.И.О. автора (авторов), название статьи заглавными буквами и аннотация на английском языке (до 300 знаков);
- УДК;
- Ф.И.О. автора (авторов), название статьи заглавными буквами и аннотация на русском языке (до 300 знаков).
- Ключевые слова (на русском и английском языках)
- Примеры в тексте статьи оформляются курсивом.
- Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют сквозную нумерацию.
- Все таблицы и рисунки (черно-белые) должны быть встроены в текст статьи.
- Библиографический список (в порядке цитирования) оформлять по ГОСТ 7.1.-2004. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками. Например, [1, с. 25-27].
- В конце статьи указывается дата ее отправки в редакцию.

Статья (бумажный вариант и электронный вариант на диске) вместе с заявкой и рецензией, должна быть выслана обычной почтой на адрес редакции или электронной почтой по адресу (E-mail: mns@gasu.ru. Файлы необходимо именовать согласно фамилии первого автора, например «Завьялов, Самара». Нельзя в одном файле помещать несколько статей. В разделе «Тема» указывать «В редакцию журнала». За ошибки и неточности научного и фактического характера ответственность несет автор (авторы) статьи. Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.

После экспертизы статья может быть отклонена, послана автору на доработку или рекомендована к публикации.

МАТЕРИАЛЫ, НЕ СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ДАННЫМ ТРЕБОВАНИЯМ, К ПУБЛИКАЦИИ ПРИНИМАТЬСЯ НЕ БУДУТ.

Статьи аспирантов публикуются в журнале бесплатно.

МАТЕРИАЛЫ И РЕЦЕНЗИИ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ: 649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1 Университет, Редакция международного журнала «Мир Евразии» Главному редактору.

Контактные телефоны: 8 (388-22) 2-62-33, 2-68-15. Факс: 8 (388-22) 2-67-35. E-mail: mns@gasu.ru

Образец оформления статьи

Sidorenko D.I. Realization the decree SNK «About separating of church from State and of school from church» on the Altay (1917-1921). In the article, on the basis of documentary sources for the first tame introduced into scientific turn the religious policy of Soviet power on the Altay in 1920-1930 years.

Key words: revolution, church, decree, requisition, religious organizations, repression, board of justice, liquidation commission.

УДК 902

Сидоренко Д.И.

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА АЛТАЕ В 1920-1923 ГГ.

В статье на основе впервые вводимых в научный оборот документальных источников анализируется конфессиональная политика Советской власти на Алтае в 1920-1930 гг.».

Ключевые слова: революция, церковь, декрет, реквизиция, религиозные организации, репрессия, коллегия юстиции, ликвидационная комиссия.

Претворение в жизнь нормативных актов Советской власти, касавшихся религиозных объединений, началось на Алтае только в начале 1920 г. Существовавшие же здесь (с декабря 1917 по июнь 1918 г.) ее органы власти вопросами конфессиональной политики практически не занимались [1, с. 86,88]. Это был результат ТЕКСТ...

Библиографический список

1. Будегчиева, Т.Б. Горловое пение в системе народной культуры тувинцев / Т.Б. Будегчиева // Мелодии «Хоомея» / Материалы I Международного симпозиума «Хоомей-92». — Кызыл: Изд-во КГУ, 1994. и т.д.